

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОВЫМ·83

12 ДЕКАБРЬ

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1983 года участники маршрутной группы успешно осуществленной полярной экспедиции газеты «Советская Россия» — старший инженер Института экономики Уральского научного центра Сергей Соловьев (руководитель экспедиции), рабочий - нефтегазоразведчик из Архангельской области Филипп Ардеев, электровакуумщик машиностроительного завода свердловчанин Владимир Карпов, врач дорожной больницы станции Свердловск-пассажирский Владимир Рыбин, заведующий отделом публицистики редакции журнала «Уральский следопыт» Юрий Борисихин и старший инженер Института геофизики Уральского научного центра Павел Смолин — награждены орденами Родины!

С НАГРАДАМИ, ДРУЗЬЯ!

На снимках Л. Барапова и А. Лаптева: отважная шестерка полярников в дни финиша и возвращения в Свердловск. (О подготовке и начале их трансконтинентального перехода «Уральский следопыт» рассказал в № 1 за 1983 год.)

Поздравляем, друзья!

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ·83

12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

В номере:

Е. Дорошенко НЕЗНАКОМОЕ ДЕРЕВО — ЕЛКА. Рассказ	2
Д. Лившиц НЕРАЗРЕЗАННАЯ КНИГА	4
Б. Цывьян ПЕРВЫЕ МЕТРЫ МЕТРО	12
К. Кравцов, А. Вориводина, М. Котомцева, В. Анурьева, Р. Абельская В ВЕЛИЧАЙШЕМ САДУ ВСЕЛЕННОЙ. Стихи	14
В. Зайцев ...ЧТОБ РАКЕТОЙ НЕСЛАСЬ В НЕБЕСА	16
А. Мосунов СВОЙ БЕРЕГ	20
А. Беляев ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ — ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ	24
С. Попов АРКТИЧЕСКИЕ «ЗАЙЦЫ»	28
Л. Богоявленский ЗМЕЙКА СТОРОЖИТ ОГОРОД	29
В. Старков ДОБРОЕ УТРО, СЕЛО!	32
ВСТРЕЧИ С ПРЕКРАСНЫМ	33
Д. Биленкин ПУСТЫНЯ ЖИЗНИ. Повесть. Окончание	36
МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА. КАЛЕЙДОСКОП	54
КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА	64
З. Рымаренко ПОРТРЕТЫ БАЖОВА С НАТУРЫ	66
Ю. Липатников СКАЗ О ЖИВОЙ ВОДЕ	68
Г. Дробиз ПОСЛЕДНЯЯ ПУЛЯ. Рассказ	72
МИР НА ЛАДОНИ	76
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» В 1983 ГОДУ	78

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Спартак КИПРИН,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 [заместитель главного редактора],
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ,
 Владимир СТАРИКОВ
 [ответственный секретарь].

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются.
 Сдано в набор 31.08.83.
 НС 11183.
 Подписано к печати 27.10.83.
 Формат бумаги 84×108^{1/16}.
 Бумага типографская № 3.
 Высокая печать.
 Усл. печатных листов 8,82.
 Усл. кр.-отт. 10,9.
 Учетно-издательских листов 10,9.
 Тираж 287 000.
 Заказ 457.
 Цена 40 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки рисунок Розы АТЛАС

© «Уральский следопыт», 1983 г.

Незнакомое дерево — елка

Евгений
ДОРОШЕНКО

Рисунки
С. Сухова

*Поколение мое, колыбельную
Над тобой голосила война...*

И. КАШЕЖЕВА

Есть в Ленинграде Бармалеев переулок. Неподалеку от площади Льва Толстого. Почему он так смешно называется — никто не знает. Может быть, сказочный Бармалей провел здесь свои молодые годы. А может, какой-нибудь купец Бармалеев, толстый и бородатый, еще до революции держал в этом переулке мясную лавку... Но не это главное.

Жил здесь во время войны мальчонка Витька. Когда началась война, Витька не помнил. Он в то время, по словам старшей сестренки Светки, еще под столом пешком ходил, да и то не самостоятельно. А сама Светка помнила даже тот день, когда Витьку «принесли из магазина», что на Большом проспекте. Витька сначала ей страшно не понравился, потому что кричал он на редкость противным голосом, да вдобавок пеленки под ним оказались мокрыми. Светка попросила обменять его на более приличного младенца, но в магазин его назад не приняли, так что пришлось смириться и с этим.

К зиме сорок второго года Витька уже был вполне самостоятельным малышом. Научился рисовать хвостатые, как селедки, бомбы. Умел гудеть, как самолет, и уже не пугался рева сирен. Витька знал, что под городом стоят фашисты, злые как волки, и что они хотят убить всех: и его, и маму, и Светку, и бабушку. Но папа ведь был на фронте, а он никогда их не даст в обиду. Витька нисколько не боялся фашистов, он рисовал их глупые физиономии, которые на тонких ножках удирают от папиного самолета. А вообще, жизнь была бы неплоха, если бы не постоянная тягостная пустота в животе. Иногда мама приносила откуда-то кусок хлеба, а то и картошку. Бывали дни, когда бабушка варила настоящую кашу. Но все равно постоянно хотелось есть. Витька пробовал однажды жевать листья фикуса,

также аппетитные на вид, но во рту стало горько-прегорько и еще сильнее захотелось есть. И было холодно.

За это время Витька сильно похудел. На лице его выделялись только глаза — голубые и такие большие, что на улице прохожие привязывались:

— Мальчик, кто тебе такие глаза подарил?

Что им ответишь? Взрослые, а хуже маленьких. Много неприятностей приносили Витьке еще и уши. От худобы, что ли, они казались большими, топорщились в разные стороны и, в довершение всего, имели свойство шевелиться. Когда Витька глядел в зеркало, он всегда, тайком от сестры, старался их пригладить, но уши от этого становились красными, как светофоры, и еще больше оттопыривались. Иногда Светка привязывалась к нему от скуки:

— Витенька, подвигай ушами...

И Витька сразу становился сумрачным, уши наливались огнем и хотелось плакать. Он уходил за комод и, ковыряя сырую штукатурку, долго думал, почему он такой несчастный, за что ему даны такие уши?

Неизвестно, сколько бы лет это тяготило Витьку, если бы не один случай... Вышли они со Светкой как-то погулять. А навстречу шел старичок с бородкой, похожий на ученого. Старичок этот жил в соседнем подъезде. Увидев Витьку, он улыбнулся ему и сказал:

— Здравствуй, малыш! Какие у тебя прелестные глаза!

А Светке завидно стало, что брата похвалили, она сдернула с него шапку и выпалила со злорадством:

— Да вы посмотрите! Уши-то у него, как у слоненка!..

Витькины уши сразу стали багровыми, и он уже не смог сдержаться — заплакал. Старичок строго посмотрел на Светку, отобрал у нее шапку и нахлобучил на Витьку.

— Большие уши — не беда! — сказал он. — Наоборот, даже хорошо! У кого большие уши — у того отличные способности. Это установлено наукой. Ты, мальчик, наверно, профессором будешь, когда вырастешь. Да и уши-то у тебя вполне приличные...

И ушел. А Светка так и осталась стоять с открытым ртом. Туда даже воробей чуть не залетел. С тех пор уши больше не тревожили Витьку.

А вообще, он не собирался быть профессором. Он хотел стать летчиком, как папа. На фотографии папа кажется огромным, сильным и добрым. В руках он держит какой-то кулек с младенцем, а у младенца палец во рту. Все говорят, что это и есть Витька, но он не очень-то верит. Конечно, ему хотелось быть с папой на одной фотографии, но не в таком же виде.

Шел октябрь, приближался Новый год. По рассказам Светки, под Новый год бывают всякие чудеса: дед-мороз приходит, подарки приносит, а

также елку. Елка — это дерево такое, незнакомое. Смешное очень. На нем не листья, а колючки пахучие растут. А на ветках игрушек блестящих — видимо-невидимо. Принесит елку дед-мороз всегда ночью, когда дети спят. Как ни хочешь подсмотреть, а никогда не подсмотришь.

Но перед самым Новым годом Витька заболел. Поднялся жар. Он никого не узнавал, бредил. Светке сначала смешно было, что Витька сам с собой разговаривает, а потом стало страшно. Она сидела около него и тихонько плакала.

Лечил Витьку старичок из соседнего подъезда, похожий на ученого. Он детским врачом оказался. Были часы, когда казалось, что Витька не выживет. Уж слишком истощен был мальчишка. Но все-таки наступило утро, когда Витька пришел в себя. Он открыл глаза, увидел старичка и не узнал его:

— Ты дед-мороз?

Старичок кивнул.

— А елку ты мне принесешь?..

— Принесу, голубчик, принесу... Спи только...

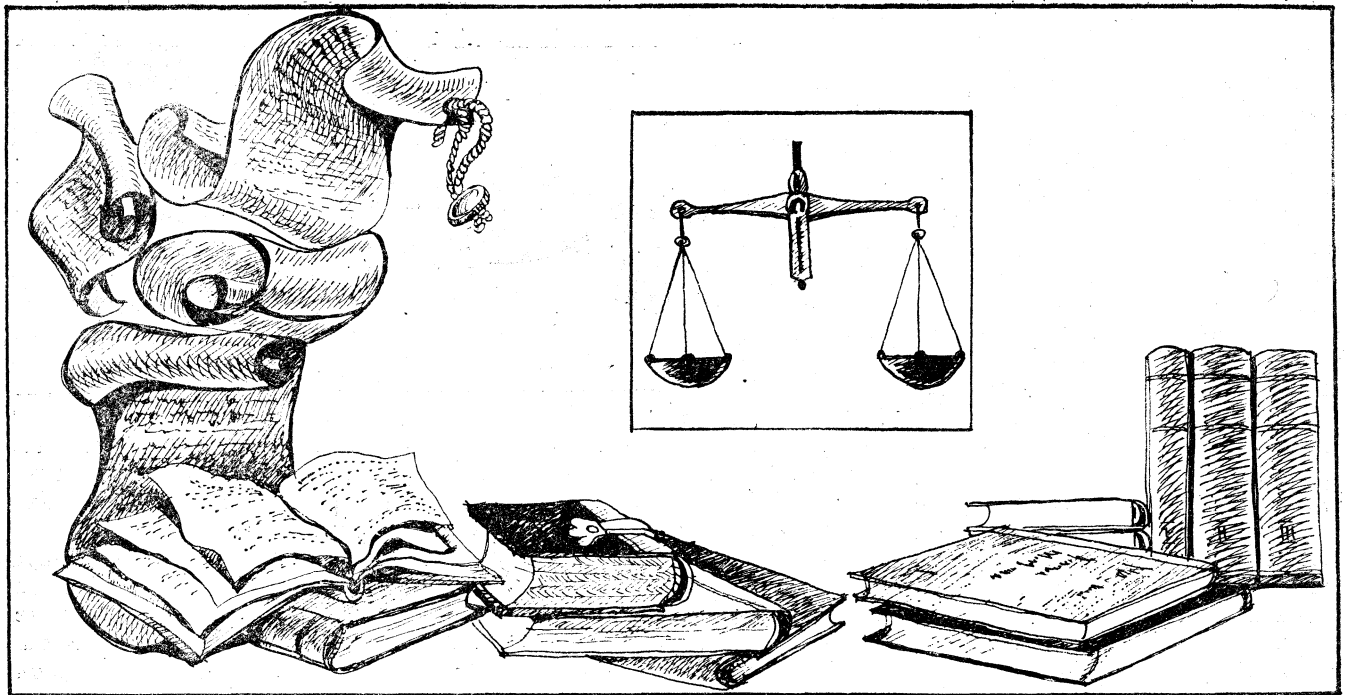
И Витька заснул впервые за время болезни спокойным сном.

А тридцать первого декабря у Черной речки редкие прохожие видели седенького старичка, похожего на ученого, в демисезонном пальто, подпоясанном старым пуховым платком. Он вез на детских санках маленькую елочку по направлению к Каменному острову. Старик шел медленно, петляющей походкой. Часто останавливался, чтобы отдышаться.

К вечеру мороз усилился. Поднялся резкий ветер. Если бы не этот ветер, старик, наверное, дошел бы... Он упал на Каменноостровском мосту и подняться не смог. Неизвестные люди положили его на санки и повезли. А старик прижимал к груди обмороженными руками маленькую елочку...

Когда наступил Новый год и Витька проснулся, то глазам своим не поверил. Посреди комнаты стояло незнакомое дерево — елка. И правда, на нем росли вместо листьев зеленые колючки. И пахло незнакомо. А к веткам на ниточках узелочки из блестящей бумаги привязаны. Развернешь такой узелочек, а в нем кусочек хлеба, а в одном даже осколок сахара оказался...

И не было у Витьки в его короткой жизни светлее этого дня.

НЕРАЗРЕЗАННАЯ КНИГА

Давид
ЛИВШИЦ

Рисунки
Е. Крутских

Читая или считая? • Чистим книжные полки • Дом рухнул
под тяжестью книг • Странная анкета • «Анжелика»
или «Война и мир?» • Чем добру пропадать,
пусть утроба лопнет • Расстройство влечений •

Этот пресловутый вещизм

«Посоветуйте, что читать...»
«Где достать нужную книгу?»
«Как собрать личную библиотеку?»

Из писем в редакцию.

ЧТО ЧИТАТЬ?
КАК СОБРАТЬ ЛИЧНУЮ БИБЛИОТЕКУ?
ПОХОЖЕ, КАЖДЫЙ, РЕШАЯ ЭТУ ЗАДАЧУ, НАЧИ-
НАЕТ... ИЗОБРЕТАТЬ ВЕЛОСИПЕД. ИЛИ — ЕСЛИ
ПРОДОЛЖИТЬ СРАВНЕНИЕ — ПОЛЬЗУЕТСЯ УСЛУГА-
МИ ТОГО ВИДА ТРАНСПОРТА, КОТОРЫЙ ПОДБРА-
СЫВАЕТ СЛУЧАЙ. ЕСЛИ ЖЕ БЕЗ МЕТАФОР: ОДНИМ
ДОСТАЕТСЯ ПАПИНО КНИЖНОЕ НАСЛЕДСТВО, ДРУ-

ГИЕ ОБХОДЯТСЯ ТЕМ, ЧТО ПЕРЕПАДАЕТ ИЗ ЛАБИ-
РИНТОВ УТИЛЬСЫРЬЯ, ТРЕТЬИ УПОВАЮТ НА ЧЕР-
НЫЙ РЫНОК. СЛУЧАЕТСЯ, ПОКУПАЮТ КНИГУ И
В МАГАЗИНЕ. ПРОБЛЕМЫ ЕСТЬ. НО НЕ ВСЕ ОНИ
НА ПОВЕРХНОСТИ.
ПРОХОДИТ МНОГО ЛЕТ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ НАЧИНАЮТ
ОТКРЫВАТЬСЯ НЕОЖИДАННЫЕ ЧИТАТЕЛЬСКИЕ
ИСТИНЫ.

1.

Потом, позже, я об этом прочитал в каком-то справочнике. Но сперва обнаружил это сам. Открытие — ошеломило. Я пересчитывал все снова и снова, а результат всякий раз был удручающим...

Итак, сказал я однажды себе, если каждую неделю прочитывать по одной книге, а в книге, в среднем, будет, скажем, триста страниц, то сколько я смогу прочесть за всю жизнь? В месяце четыре недели, если брать на месяц по четыре книги или даже по пять (для круглого счета), то за год получится 60 книг. Что-то мало... Можно ли больше? Практика показала — нельзя. То, се... Если читать одну книгу в неделю, а в ней 300—400 страниц, это еще хорошо. Да и 60 книг в год — не так уж и мало. Это как шестьдесят новых знакомств. «Нечаянных радостей», говоря словами Блока.

Представим, считал я дальше, что читать начал серьезно с 15 лет и продержусь так, в случае везения, до 75. Значит, за шестьдесят лет активного чтения наберит 3 600 книг: $60 \times 60 = 3600$.

Холодок роковой неотвратимости вошел в меня и застрял где-то у горла. Как?! За всю жизнь 3 600 книг?! За всю-превсю — всего-то и только-то? Да это же капля в ливне. Песчинка в барханах. Соломинка в стоге сена!

Но я забыл про газеты, всевозможные тонкие и толстые периодические издания — эхо и хронику времени. Чтение их необходимо, но они «крадут» время у книги.

Прибавим сюда служебное и деловое чтение, оно есть у всякого: у врача — монографии по гриппу, который вот-вот будет побежден, у физика — исследования по быстрым нейтронам, которые надо перегнать, у астронома — про только что открытые сверхдыры галактик, которые грозят пересмотром прежних представлений о Вселенной...

Значит, вычеркнем еще десятки и сотни книг, которые хотел бы, которые просто вот так надо прочитать!

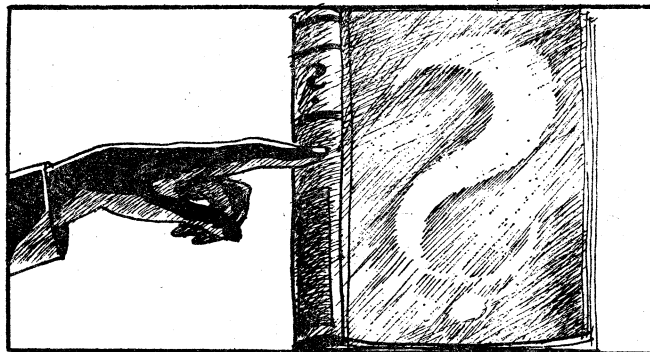
Это не все.

У каждого есть еще любимейшие книги, «свои» писатели. Те, кого перечитываешь всю жизнь. Чехов, перечитываемый всегда. «Герой нашего времени» — сколько раз читан, двенадцать или пятнадцать? Переписка Горького, Толстого, — эти и другие шедевры эпистолярного жанра, к которым обращаешься в любую душевную погоду и непогоду. О Пушкине как-то и говорить неловко, он всегда собеседник, неисчерпаем, всеминутен, незаменим. А сколько Маяковский читан и перечитан, хотя и выучен наизусть!..

Знакомый врач-хирург всю жизнь, при любом настроении перечитывает Паустовского, держит его томики под рукой, у кровати. Знакомый инженер не расстается с «12 стульями»: перевернул последнюю страницу, а через пару дней начинает с первой, снова.

Привожу примеры подручные. А сколько их, классических, могли бы назвать эрудиты!..

Были в прошлом и есть теперь могучие энциклопедические умы, предпочитавшие всему царству книг

всего дюжину-другую названий. Некий великий завещал сыну: мой друг, всю жизнь читай только одно сочинение, остальными можешь пренебречь. Он имел в виду «Опыты» Монтеня.

Короче говоря, многое несчастливо избавляет нас от сотен, а то и тысяч новых литературных знакомств. Стрелка счетчика на циферблате чтения падает на несколько делений. Две, от силы две с половиной тысячи книг — вот сколько может прочесть за свою жизнь человек со средними читательскими способностями.

И тут возникает проблема, если угодно, главная во всяком чтении — проблема выбора, отбора. Если воображению трудно представить бесконечность, то не легче представить и то, сколько на земле книг. Что нам уготовило человечество за столетия культуры? Заглядываю в справочники и узнаю: только в «старой» России со времен первопечатника Федорова выпущено 500 тысяч книг (речь, разумеется, не о тиражах, а об оригинальных названиях). После революции за шестьдесят лет Советской власти напечатано книг 3 миллиона (!) названий.

Мы уже никогда не прочтем и стотысячной доли того, что издано в одной только нашей стране. Но это не все. Как ни богата культурой история нашей страны, она только часть общей культуры. Помните: «Стать коммунистом можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Выработало за тысячелетия бесценные, безграничные духовные богатства. Среди них МИЛЛИОНЫ (!) умнейших, мудрейших, талантливых, изобретательных, увлекательных, ярких, потрясающих, многодумных, острословных, поэтичнейших и язвительных, взрывчатых и утешительных, исцеляющих и взвинчивающих, честных и лукавых, спорных и беспорных, ядовитых и облагораживающих книг. В один прекрасный момент ты обреченно поймешь, что способен ухватить только хвостик шлейфа.

Листаю снова справочники, где цифры непостижимы, как понятие бесконечности. В СССР за один 1976 год издано более 84 000 новых названий книг. На земном шаре за один год вышло более 500 тысяч наименований. Каждую минуту на планете рождается новая книга! Чтобы прочесть ее, надо неделю. Сделаем несложный расчет: это 10 080 минут. Мы не успеваем

даже просто окинуть взглядом этот нескончаемый ряд.

И вот тут наконец достигает тебя первый и единственный, в сущности, главный вопрос: что же это должны быть за книги, которые ты должен прочесть? Уж если остается право выбора, то какие-то единственно необходимые надо выбрать, чтобы не потратить время зря, не ошибиться, не взять случайную, не обокрасть себя, посеять во поле своей души «разумное, доброе, вечное», а не случайное, вздорное.

Разные люди давали разные ответы, и один из самых мудрых — тот, который донес нам опыт Рахметова: надо читать единственную книгу по данному вопросу: самую емкую, исчерпывающую предмет.

Этому искусству выучиться нелегко. Как говаривал наш, ныне покойный учитель: профессор от студента отличается только одним — он знает, где и что прочесть.

2.

Посоветуйте, что читать? — просят юные друзья журнала в поисках ответа на вопрос, как найти себя.

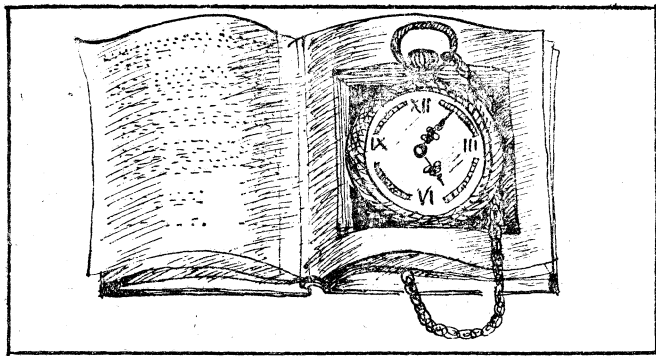
Отто Юльевич Шмидт (об этом однажды рассказала «Неделя»), поступив юношей в университет, составил список книг для обязательного прочтения. Оказалось, для того, чтобы прочесть необходимейшее, понадобится... 1000 лет! С болью в душе будущий академик вычеркнул то, «без чего можно обойтись»: осталось еще на 250 лет!

Далекie студенческие годы...

Безмятежная уверенность в безграничных возможностях, в том числе и для чтения.

Но вот однажды...

Однажды я оказался за таинственной дверью — в комнате немолодой коммунальной соседки, женщины одинокой, замкнутой. Была она со странностями, выходила на кухню редко — чтобы набрать воды из крана, и знали мы о ней только то, что где-то в каком-то институте она читает курс философии. И вот она заболела и попросила принести в больницу несколько ее книг. Я переступил недоступный прежде порог. Пахло пыльным теплом устоявшегося жилья. Оглядевшись, увидел книги, ничего, кроме книг. На стеллаже от пола до потолка, что сразу от дверей отгораживал комнату, образуя с другими полками как бы книжный коридор, блестели названия — как обоймы лент крупнокалиберных пулеметов. Все стены комнаты тоже были закрыты стеллажами. Книжки лежали на колченогом столике, на загравке кожаного дивана, на огромном подоконнике окна. Я замороженно стал перебирать пыльные томики. Книжки двадцатых и тридцатых годов, известные, а больше неизвестные имена. Какая-то озадаченность возникла. Еще не осознавая, что происходит, я машинально пытался разделить две сцепившиеся страницы. Они не поддавались, я стал дуть между листочками и тут заметил, что это не слипшиеся страницы, а неразрезанные. Типографский брак, подумалось сперва. Но вот не-

разрезанные страницы попались в другой книге, чуть ли не в каждом третьем экземпляре. И меня осенило: эти книги не читаны.

Сейчас неразрезанная страница редкость, типография отработала этот процесс, а в давние и не столь давние времена неразрезанные книги были обычным делом, и каждый любитель чтения держал при себе специальный нож. Встречались ножи — шедевры прикладного искусства — из дерева, кости, серебра, золота. Их инкрустировали, покрывали резьбой, травлением, чернью. Неразрезанная книга вошла в обиход и литературный. «Люблю ножом из пожелтевшей кости делить страниц нетронутых ряды», — писал в начале века поэт Алексей Сидоров.

...Соседка из больницы не вернулась. Перед смертью завещала свое имущество и несколько тысяч книг пятнадцатилетней деревенской девушке, — незадолго до этого та переехала в город в поисках работы и ухаживала за ней, за больной...

Впервые тогда и пришло ко мне это нерадостное постижение. Как же так? Всю жизнь любить на земле больше всего книги, собирать их, лелеять, ощущать впереди радостную бесконечность узнавания и узнать, что это не только конечно, что в конечном-то счете все, что ты способен постичь; все, на что тебя хватит, умещается в нескольких сотнях названий?

Образ НЕРАЗРЕЗАННОЙ книги, то есть книги, которую не прочитал и не прочтешь, хотя она вот, рядом, этот образ-символ стоит теперь неотступно передо мной. Он удручает, но он же и одергивает необузданную, бессмысленную жадность...

3.

Книги-радость, книги-печаль. Вот они лежат стопками на журнальном столике, на письменном столе, на окне. Но все это не больше, как самообман — держать книгу под рукой на случай, вдруг между делом читается.

Что с того, что существуют книжные сокровища, перед которыми твое богатство блекнет?

И твое-то неодолимо.

Есть книжники-тюремщики: они держат своих прекрасных пленников взаперти, не давая им дышать,

никогда ни для кого не открывая дверей в их камерах-шкафах, отменив навечно дни свиданий; есть книжники-гаремщики, книжники-ревнивцы: демонстрируя свое богатство вам, они вздрагивают, когда перекачат чей-нибудь слишком пристальный взгляд в сторону своих застекленных красавиц; есть книжники-скудные рыцари: они любят ими взаперти, в одиночку, испытывая почти болезненное сладострастие к своим фоллиантным капиталам, отказывая даже самим себе в радости обладания... И те, и другие, и четвертые, и двадцатые — все они не могут, какие бы ритуальные, патологические или страстно-искренние формы ни принимала их любовь, не могут, не способны, даже при самых волшебных обстоятельствах, совершить одного, — прочесть хотя бы часть своих книг.

У нас нет в стране читательского голода, у нас есть потребительский голод, заметил один ученый-книговед. Увы, если мы не в силах утолить наш духовный аппетит, то бессмысленно пытаться утолить наши потребительские вожеления. Единственное утешение: в духовной жажде есть высший смысл, в потребительской — никакого, это труд Сизифа.

Казалось бы, понять это — значит, перемениться. Но мало кому из нас это дано. Ум с сердцем не в ладу. Вопреки очевидности и здравому смыслу мы пренебрегаем мудрым советом Козьмы Пруtkова и изо всех сил хотим объять необъятное.

...Война метила нас разными метками, в том числе и четырехзначными порядковыми номерами на ладошках в промерзших очередях за хлебом. Запомнился один старичок: подставив под огрызок химического карандаша свою сухонькую руку, он истовым бесплотным голосом говорил: после войны такие очереди будут выстраиваться не за хлебом, а за книгами.

Старухи, старики, женщины с младенцами на руках, подростки (вечный голодный блеск в глазах) — словом, вся очередь незлобиво смеялась: что возьмишь с него, с выжившего из ума старика?

Это — давнее воспоминание. Из детства.

А вот близкое, нынешнее.

Свердловск. Ночь. Пустые переулки, иду которыми с поезда домой. Внезапно за поворотом — толпа, темная, возбужденная, колышущаяся. Слово ледяным холодом пахнуло — повеяло тревожным, военным, почти забытым, эвакуационным. Что? Что?

Девушка отделилась от толпы, взгляделась в испуганное лицо, что-то поняла, рассмеялась: «Переключка! Запись на «Дюма». Не желаете? Будете трехтысячным...»

Так, хотя и немного извращенно, сбылись пророчества полубезумного старика. Хлеба — сколько угодно. За книгой — очереди.

Хорошо. Но из этого «хорошо», как из плохо обработанной земли, вырастают не одни добрые злаки.

Пытаясь понять, что происходит последнее время с книгой, выходишь на таинственное, не поддающееся

внятному пониманию слово: МОДА. Мода на одежду, на песни, на мысли, на образ жизни. И — на книги. Мода изучена философами, показан ее объективный социальный феномен, ее стимулирующая роль в обновлении традиций и т. д. и т. п.

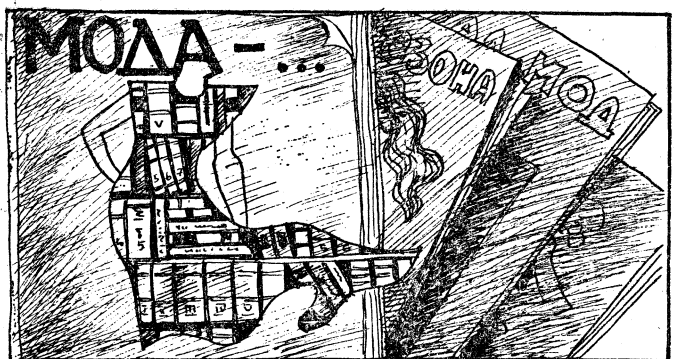
Но всякая мода чревата издержками. Размышления приводят к странным выводам. Оказывается, мода возникает при избытке. Там, где недостаток, — не до моды: было бы хоть что-то да как-то. В первые годы после войны, когда еще не хватало самого нужного — еды, вещей, жилья, книгу купить было легко. И как это повелось исстари, книга находила своего хозяина — книгогоча, неслучайного владельца. Попадала в трепетные руки студента, книголюбя-рабочего, инженера, писателя.

Со временем как-то словно само собой хор любителей книги разросся до стихийно безразмерных объемов — в него повалили все: с голосами и без, со слухом и без него, стройное пение стало нарушаться мощным диссонансным ревом, чистые альты зажалась и потускнели, вперед вылезли фальцеты, голоса басов и баритонов заглушили взревы иерихонских хайл...

Это на дирижерский пульт, на место хормейстера встала МОДА. Книг не уменьшилось. Страна выпускает их миллионами. Но книга есть и книги нет. Ее нет на прилавке, но она есть под прилавком. Просто так КУПИТЬ ее почти невозможно, ее нужно ДОСТАТЬ, но это не многим по силам.

Книга стала сертификатом, — на нее можно приобрести практически любой другой дефицит — от билета на самолет до расположения начальства. Книга используется как опознавательный знак духовности. Или как знак особого качества, которым выделяет себя ее обладатель. Слово приписываемый книгам свет духовности, излучаемый ею ореол обволакивает нимбом одухотворенной значительности и твое невыразительное чело. Какой ты замечательный, какой ты Обладатель Таких Редких книг, таких Значительно Дефицитных Подписных Изданий! Маленькая полка — маленький знак качества, огромные стеллажи — ба-а-альшой знак. Он так и светится на лбу. Не могу я быть дебилом, просто не имею права, раз у меня столько замечательных томов.

«Дом, в котором нет книги, подобен телу, лишен-

ному души». Бедный-бедный Цицерон, он ошибся, принимая видимое за сущее. Душу можно обнаружить и в домах, где голые стены, и можно не отыскать ее там, где от пола до потолка сплошь умные да добрые сочинения.

Раньше разные люди спрашивали друг друга при встрече — ты читал? Теперь лоснящийся от самодовольного обладания знакомец спрашивает:

— Ты достал?

Нет, не достал.

4.

Все труднее быть знающим. Все чаще знание заменяем так называемой информированностью. Точат голову афоризмы: «Во многой мудрости много печали, и кто умножает познание, умножает скорбь». Или: «Культурный человек тот, кто знает все о чем-то и что-то обо всем».

Стоп!

Вот если и не выход из тупика, не панацея, то все-таки реальная компромиссная возможность остаться в дружбе с книгой, не растеряться в безбрежном океане знаний.

Как прочесть хорошую книгу? Есть два пути: библиотечный — пришел в читальный зал и посмотрел новинки. Тут все ясно. Второй путь — книжные магазины, тут не все ясно.

Облик человека, торгующего книгами (то есть знаниями), за последние 15—20 лет переменялся и, увы, не всегда к лучшему. За книжным прилавком рядом с энтузиастом появляется случайный человек, то есть человек, которому, в сущности, все равно, чем торговать. И тогда в книжной лавке встретят вас «отмороженные» глаза, так же как и в подернутом снобистским флером художественном салоне, будто это — меховая комиссионка, куда невзначай завело вас любопытство.

Впрочем, случаются книжные радости. Вот, скажем, магазин на тихой улочке, носящей имя уральского писателя. Здесь в лицах людей, стоящих за прилавком, теплится еще та давняя мягкость, которая привлекает любящих книгу. И радость новинке, и возможность перекинуться словом о прочитанном, и че-

ловеческий интерес к покупателю, где не вымерла традиция советовать, подсказать, обратить внимание на тот или иной сборник, монографию... Вообразите, что так повсеместно: вы входите в двери и продавщицы, оставив свои нескончаемые разговоры о мохегах, кольцах и дубленках, оборачивают к вам свои ставшие вдруг внимательными личики и говорят: «Что вас интересует? Не желаете ли посмотреть новинки?...»

Не можете представить? То-то и оно.

А в магазине на тихой улице все еще хранят патриархальную привычку — обращать на покупателя свое внимание.

Пустяк вроде — походить по книжным магазинам, порадоваться общению с книгами и продавцами-знатоками-единомышленниками, порыться на полках, даже посидеть за столиком и полистать проспекты или новинки, — когда-то славилось такое книжное дело на Руси! Пустяк, а сколько радости за этим отдохновением в наше стремительное, бегущее без остатков время.

Впрочем, вернемся в домашнюю библиотеку. Вот они стоят, ряды... Их уже не прочесть. А ведь и еще при случае попросится на полку томик... И куда деваться, ведь и эта книга может понадобиться в работе, а бежать в библиотеку, рыться в каталоге, ждать, пока ее найдут, — терять время, такое дефицитное теперь, такое безграничное когда-то по молодости...

А тут еще и вкусы с годами так переменчивы. Увлечся поэзией, и постепенно одна к одной насобираешь полочка стихов. В другой миг озарения открылась красота живописи, искусства, и так захотелось иметь под рукой альбомы репродукций... С годами, когда вдруг обнаруживаешь, что и в поэзии множество менестрелей на час, и в искусстве не все навсегда, начинаешь любить запоздалой любовью справочники и словари. Словари! — вот книги, которые стоит хранить, если жить... вечно.

И все-таки как часто движет нами, книголюбцами, накопительский, приобретательский дух. И это даже не потребительский голод обывателя, который только демонстрирует потребление, ибо не потребляет. Это часто иллюзия голода, иллюзия потребления, по-своему даже искренняя.

Потребительский голод неутолим. Страдать им тяжело, он сродни синдрому булемии (есть такое заболевание, медики-психиатры определяют его как расстройство влечений). Потребительский голод возникает не от потребности, а от ложного ощущения несытости: хочется есть, есть, есть, хотя желудок уже давно переполнен. Так и наш обывательский вещизмный зуд: очень хотца — иметь, иметь, иметь... Любо брюху, что глаза кашу видят. Чем добру пропадать, пусть утроба лопнет. Да мало ли на этот случай поговорок припасено. И накопитель-то сам преотлично знает их, при случае сам в оборот пускает, а надо — и контропословицу ввернет, что-нибудь вроде: своя ноша не тянет; книги есть не просят; не тот урожай, что в поле, а тот, что в закромах... То бишь, не та книга, что в магазине, а та, что у тебя в шкафу.

5.

Какая это радость — взять в руки хорошую книгу. Но как узнать ее среди сотен томов? Вот серая, невыразительная обложка, тихий заголовок, а открыл — и не оторваться. А вот, наоборот, пестрая яркая картинка, завлекательное название, на полке она самая броская, выигрышная, как в компании девчат эффектная подружка. Каждый жест, каждая деталь наряда словно сулит, приманивает: обрати на меня внимание, я значительна, интересна... Обратишь, откроешь обложку, — нет, неинтересно.

Но бывает и совпадение: серое с виду серым и изнутри оборачивается, а видная красная внешность глубококому внутреннему миру соответствует.

Книга в чем-то совершеннее человека. Она может заговорить, когда ты хочешь. И замолчать, когда охота помолчать. Если она глупа, ты волен ее не слушать (попробуй захлопнуть иного человека!), а если она умна, можно попросить ее повторить умную мысль, вернуться к ней впрок, и не раз, и она повторит все без раздражения. Книги не назойливы, не бестактны, обилие людей иногда утомляет, обилие книг — никогда.

Непрочитанные книги — это неостребованные друзья. Они посланы писателями, как письма до востребования.

Человек, которому повезло даже на многих друзей, не может рассчитывать на то, чтобы они были всегда рядом. Книги — это друзья, которые всегда с тобой. А общение с друзьями — радость. Вот почему, хотя и много кругом библиотек, а человек — все-таки стремится, чтобы книги его окружали дома и чтобы ряды этих бесконечно надежных друзей множились.

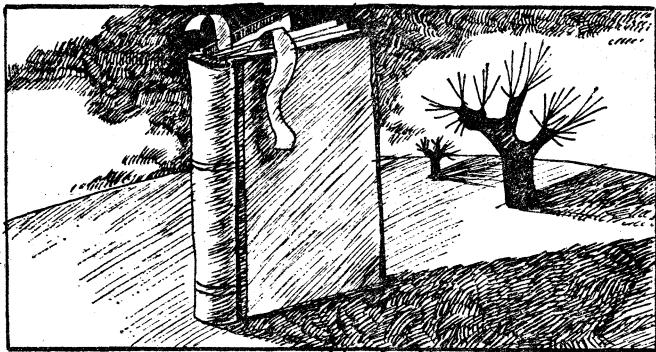
Множатся в необъявленных «чемпионатах по многокнижью», как выразилась одна газета, свои рекордсмены. Француз Антуан-Мари-Анри Булар и англичанин Ричард Гебер собрали каждую библиотеку в 500—700 тысяч томов. Булар, писала «Неделя», заполнил книгами все пространство от подвалов до чердаков в своих пяти особняках. В конце концов один из домов под тяжестью рухнул.

Много не прочтешь, а обладать хочется множеством книг. Чем же тут утешиться? Разве что прибавкой: всех книг не перечитаешь, но стремиться к этому надо.

А, может, утешаться древней восточной притчей? Подвели, рассказывают, человека к двум золотым кучам — одна большая, другая поменьше — и сказали: вот тебе плошка, черпай один раз. Зачерпнул человек все-таки из большой кучи: «Из большой приятнее».

Так ли уж человек устроен, что жаден, или вековая борьба за пищу выработала в нас рефлекс запасливости, что даже когда арбуз или картошку выбираем, тянемся к большой куче, не любим в маленькой рыться...

Раз-два в полгода пытаюсь чистить книжные полки — отбирать, сдавать, дарить «лишнее». «Чистим книжные полки, не себя ли мы чистим?» — сказал поэт. И это, оказывается, также невыносимо трудно,

как чистить себя. Легко ли нам избавляться от привязанности, мечты, привычки, надежды? Так и с книгами: повертишь-повертишь, да и снова на полку.

Вот эта явно устарела, рассказывает непрерываемым тоном об истинах, которые теперь, тридцать лет спустя, смешны и нелепы, но ты верил им, исповедовал их... Память! Тут не убавить... Повертишь томик и — обратно на полку.

Говорят, что мы любим книги, потому что разделяем их думы и боль. Нет, это они разделяют наши мысли.

Сказано: мы в ответе за тех, кого приручили. Не относится ли это и к книгам тоже? Может, оттого-то и не в силах мы с ними расстаться, что стали они ручными, как живые существа, за время жизни под одной крышей разделили с тобой испытания и бессонницы.

В личных собраниях, по сообщению газеты «Правда», сейчас находится до 40 миллиардов томов книг. Это в несколько раз больше, чем в государственных и общественных библиотеках.

Один из парадоксов века: никогда так много книг не было в личном владении и никогда так мало не читали. Впрочем, так ли? Еще Пушкин писал о том, как «пыльные громады лежалой прозы и стихов напрасно ждут себе чтецов».

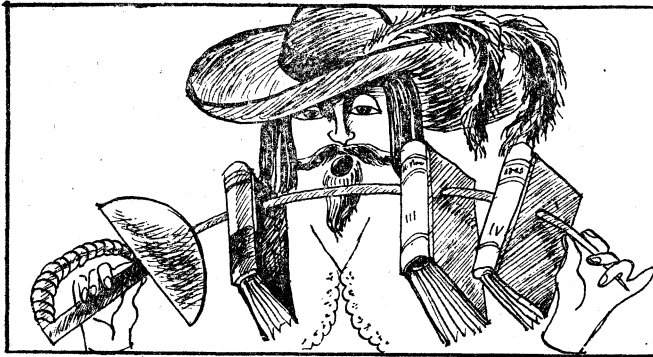
6.

Как собрать библиотечку?

Что читать?

Рецептов тут нет. Любишь историю — собираешь исторические книги, любишь природу — книги о природе; любитель фантастики или приключений тоже не заблудится среди книг, знает, что ему нужно...

Тут, правда, есть опасность, от которой предостерегал еще Козьма Прутков. Он говорил, что специалист подобен флюсу — полнота его односторонняя. Жить безвылазно на одной своей книжной улице ущербно — либо начнешь думать, что весь мир похож на твой порядок, либо горестно обнаружишь однажды, что прошел мимо главного стороны. Хорошо бы для начала просто знать, что есть не только книжные переулки, но и проспекты, площади, книжные города-мегаполисы.

Занятные моменты обнаруживает анкета, предложенная редакцией группе школьников. На вопрос: «Какая у тебя книга самая любимая?» — сплошь и рядом получены ответы: «Яд и корона», «Всадник без головы», «Железный король», «Женщина в белом», «Узница Шато-Гайяра», «Учитель фехтования»... Изредка встречаются имена Льва Толстого, Шекспира, советских писателей-современников, а потом опять — «Ангелика», «Железный король» и т. д..

Не нужно специального исследования, чтобы понять — все эти короли, ангелики и дамы в белом попали к нам в дом с помощью серого посредника — приемного пункта макулатуры, этой пятой колонны искусства.

Учителя, газеты, ТВ, радио «сеют разумное, доброе, вечное», борясь за высокий вкус и классическую культуру, но тут же рядом в неокрепшую читательскую душу вторгается и формирует ее вкус рынок, то есть стихия. Конъюнктура, формируемая макулатурным «экспериментом», легко оттесняет и классиков, и сегодняшних больших писателей. В паре с дефицитом выступает и мода, — это ведь она вводит в обиход не только «спросовые» книги, но и новые, неведомые старшему поколению феномены взаимоотношений читателя с литературой. Выросло поколение, что с трудом представляет: когда-то нужную книгу можно было вот просто так пойти и купить в магазине. На вопросы анкеты: «Есть ли дома библиотека?» и «Часто ли родители покупают книги?» — рядом с ответами: «Да, есть», «Да, покупают» или «У нас в семье это не принято» — тут и там скептические, не по возрасту признания: «Хорошую книгу сейчас купить трудно», «В продаже не бывает», «Покупают редко, ибо негде» и, наконец, «Покупают только по талонам», а то и вовсе сложная формула попадает: «Недавно купили книгу «Учитель фехтования», писатель Дюма, но еще не получили». Купили, но не получили!

К приемным пунктам подкатывают «жигули» и «волги», из багажников извлекаются пачки старых газет, журналов, книг (часто ценных) — все это обменная валюта, макулатурный сертификат. Ползут саночки, скрипят от тяжелых пакетов детские коляски, сгибаются под ношей пешеходы: мамы, папы, дедушки, бабушки торопятся за талонами, в поту принаравливаясь к премудростям новой системы добытия книг. Слово стонет с места все грамотное

человечество, потянулось к серо-зеленым сарайчикам — кладовкам знаний. Между тем она, приобретенная к радости книга, стоит себе на полке, вроде бы и не за семью печатями, а — почти недоступная.

«Сколько книг ты прочитал за год?»

«9... 5... 8... 4... не знаю, 5... около 10... не помню...»

Если учесть, что только двое-трое лихо заявили 200—300 прочитанных за год книг, то ответы, в общем, правдивые. 5—6 книг, прочитанных за целый год, — не велик багаж.

«Сколько телепередач ты посмотрел за год?»

Тут ответы — фантастические, но близкие к правде.

«360, если считать по одной каждый день». (Это пишет тот, который прочитал за год пять книжек).

730... 1200... 1000... 500... Астрономические цифры! Но даже преувеличенные (или преуменьшенные), они доказывают уже доказанное ранее. Телевидение давно и прочно потеснило из семейного обихода книгу и чтение. Вот правило: телевизор включается ежедневно, книжный шкаф открывается от случая к случаю.

А мода на книгу, книжный бум катится тем не менее дальше. Книга хорошо вжилась в новую роль, служа целям престижа, показухи, а то и обогащения. Она теперь многолика, она — мода, капитал, валюта, декорация, интерьер, аккредитив, визитная карточка, вещь...

Никому не пришло в голову удивиться, что в анкетном вопросе: «Какой подарок ты хотел бы получить на день рождения?» — книга оказалась в одном вещном ряду с магнитофоном, курткой, коньками, джинсами, велосипедом, лыжами... Подвоха тут не было, и отвечали честно — более ста школьников, от четвертого до десятого классов.

Победила книга — ее назвали 39 раз (далее идет магнитофон — 28 раз, велосипед — 19, куртка — 16, джинсы — 12...) Тут четвероклашки подвели — им джинсы не нужны, а старшеклассники итак поголовно в джинсах... Хотя это была и специально книжная анкета, все равно — слава книгочеям! — книга на первом месте. Но, увы, 39 из 100 — это, согласимся, немного, к тому же упомянута книга была, как говорится, не в чистом виде, а вместе с другими вещами, — уж очень хотелось многим иметь сразу несколько подарков. А в «чистом виде», в качестве желанного подарка, книгу назвали... 9 человек.

Чудеса! Хоть маленький опрос, а все-таки мнение! И, если судить по нему, книга вроде как бы и не нужна.

Но тем не менее книгу не достать.

Отголоски наших страстей доходят до подрастающего поколения и трансформируются в его сознании причудливо. Одна девятиклассница не пожелала назвать никакого подарка, признавшись на полях анкеты: «Боюсь написать, потому что это покажется вещицизмом».

Бедный вещицизм! Совсем задурило тобой головы! Сами разговоры о тебе стали модой. Отдать, что ли, дань им и нам?

Что же это за страшилище такое — вещизм?

Ни в одном словаре, ни в одном современном справочнике не нашел я этого слова (в старых и искать нечего). А оно теперь у всех на устах. Любим порассуждать о вещизме, не всегда толком зная, что это и кто этим болеет, словно мы, рассуждатели, уж точно застрахованы от этой болезни.

Хочешь прослыть рыцарем бескорыстной духовности — обругай вещизмом любое, не соответствующее твоей практике приобретение.

Часто уже путают рабскую зависимость от барахла с естественным желанием иметь удобную, полезную вещь. Не обязательно вещи должны быть дорогими, не обязательно должен быть у тебя хрусталь или машина; чтобы ты впал в вещизм, достаточно быть и обладателем книги. Вещизм возникает как особая модель взаимоотношений человека с принадлежащим ему материальным предметом, когда в вещь вкладывают не только материальное, а нарицательное — идеальное свойство. Вот есть у меня вещь, и я испытываю эдакое благостное состояние благополучия. (Хотя ведомы жизни несчастливые богачи и бедняки-счастливики!)

Ценность вещи — весьма условное понятие. Обличая вещизм, мы часто этой условности не берем в расчет. Да и самого словечка этого — как уже сказано — лет тридцать — сорок назад не было не только в словарях, но и у нас на устах. Но «спотыкаться» о чужие вещи люди умели давно. Простецкая бескорыстность питала наш обличительный пафос. Помнится презрение, даже негодование, с каким мы, студенты, смотрели на жену одного нашего старшекурсника, щеголявшую дома в брючной паре. (Кто сейчас обратит на это внимание?!) Еще бы: абсолютное большинство имело единственную пару брюк или платье — и для лекций, и для дома, и для кино. Еще раньше, в тридцатых годах, соседи шумного двора с поджатыми губами отмечали, что вот Петров купил себе патефон, а Сидоров — это ж надо! — настоящий велосипед: «У-у, буржуи!». Позже появились обладатели первых радиоприемников, потом — холодильников. «Личный холодильник в квартире? С ума сойти! Это ж куда мы идем? Вот уж точно разложение!..»

Кто сейчас обратит внимание на телевизор или телевизор в доме?! Разве если только его выставят в форточку — орать на всю Вселенную... А у приятеля на кухню втиснуто два холодильника, и единственное, что приходит в голову: «А что, удобно, в один-то не много влезет»... Теперь вот признаком болезни (вещизма) стали машина, дача... Думается, им уготована та же судьба, что и патефону, — они станут тривиальными спутниками современного человека.

И все-таки вещизм, этот своеобразный респираторный бум, налицо, и он, конечно, не в тряпках и не в машинах — это только условные иероглифы, выражители определенного мироощущения.

В одном учреждении распределяли в качестве поощрения дефицит — ковры по недорогой цене. При-

бегли к жребию, чтобы по справедливости. Весь ритуал розыгрыша и выигрыша сопровождался нервностью, взвинченными острыми репликами. «Справедливое» распределение не спасало обделенных от горького чувства потери.

Месяц спустя в том же учреждении разыгрывали ...книги. Реакция участников лотереи была такой же, как и при распределении ковров. Так ценности — материальная и духовная — уравнились (человеком, а не сами по себе!).

Дело не в вещах, а в нашем отношении к ним, вспомните: ковры или хрусталь в чужом доме склоняют нас к мысли, что владелец их страдает вещизмом. А если увидим полки, заставленные книгами, чаще всего проникаемся уважением: тот-де человек высоких духовных запросов, свободный от вещишной зависимости! Увы, теперь уже не надо доказывать, что книги для иных становятся тем же, чем стали для других мебель и «Жигули» — предметом вождельного престижа, признаком видимого благополучия.

Жизнь сложна. Она не деформирует сущности вещей, но сплошь и рядом меняет наши представления о них. Причудливо и своенравно меняет их роль и место в житейском нашем самоутверждении.

Мерило всего — человек, он модуль, масштаб всего: от планируемых размеров кухни и автомобильных салонов до свойств, приписываемых им предметам; и оценки часто меняются в зависимости от того, каким внушениями или самовнушениями мы подвластны.

Книга, как и всякая вещь, которую лишили прямого назначения, по нашей воле становится двусмысленностью — она средство и цель одновременно. Как, скажем, автомобиль: для кого-то — средство передвижения, а для кого-то и цель; достаточно вспомнить тех, кому ездить некуда и незачем, время от времени они совершают круиз на своем авто вокруг квартала. Ковер, средство для утепления жилища, давно превратился для многих в объект капиталовложения или в целевой знак: и у нас есть, и мы не хуже. У одного моего знакомого только на потолке их нет, ковров.

Книга в руках обывателя становится деталью интерьера. Теперь уже никого не удивит анекдотом о подборе книг по цвету обоев и гардин. Фраза: «Вот сюда, в этот простенок мне надо полтора метра Бальзаку» — перестала звучать как анекдот.

Скажи, каков ты сам, и тебе скажут, каким свойством наделена принадлежащая тебе вещь.

Так получилось, что за какие-то двадцать лет человек преобразил роль книги, заметно преувеличив ее вещишную роль. А где роль вещи преувеличена, там и является он, этот монстр — вещизм.

Все это — наши размышления. А может быть, вспомнить и научные взгляды на проблему? Среди множества определений вещи выбираю философское: «Вещь — предмет материальной действительности, обладающий относительной независимостью и устойчивостью существования».

Отсюда: не есть ли вещизм подсознательное чувство, при котором обладание вещью создает в обладателе иллюзию «независимого и устойчивого суще-

ствования»? Иначе сказать: чем, больше у меня вещей или чем они дороже, тем я сам вроде бы независимее, устойчивее, долговременнее, долговечнее. Не этим ли объясняется неиссякаемая даже на пороге старости жадность? Хватательные, накопительные инстинкты у иных людей не ослабевают перед очевидной бессмысленностью накопительства.

А иногда я думаю: может быть, любовь к вещам — самая платоническая на свете любовь? Ведь она не требует взаимности. Какую взаимность можно ждать от вещи? Но не потому ли она же и самая жестокая, мстящая за себя любовь, ибо — безответная. Ведь отдача-то бывает там, где вещь — книга, картина, скульптура — выполняет свою роль носителя духовного богатства. Когда же владелец унижил предмет своего обладания до декоративной, стоимостной роли (или возвысил до фетиша, что то же самое), не испытывая интереса к его смысловому содержанию, — какая уж тут взаимность?!

Есть старая-престарая сказка про то, как человек наткнулся в пещере на сокровища.

Набил медяками мешок, карманы, сумку. Сгибаясь под тяжестью клада, пошел дальше и увидал горы серебра. Быстро вытряхнул пятаки, набрал серебряных монет. Прошел еще немного — увидел гору золота. Вывернул мешок и карманы — стал собирать золотые...

Не похожи ли мы — книголюбы, книгоманы, книгочеи, приверженцы книжной моды — на этого человека? Как часто мы заблуждаемся насчет нашего книжного обладания! Думаем: у нас сокровища. А это всего лишь медяки. Сколько раз кидаемся обновлять наши духовные ценности, когда вдруг обнаруживаем, что владели до сих пор богатством копеечным! И когда-то доберемся до истинных книжных сокровищ!..

Только редкие счастливицы, наделенные мудростью ли, трезвостью ли, чутьем или знанием, избавлены от блужданий и дешевых соблазнов, они сразу начинают черпать из «того самого» сундука, где и хранится подлинное золото познания.

И то сказать: зачерпнуть удастся огромным ковшом, даже корытом, а вот сколько сможем испить? Больше-то, чем способны, ведь не сможем. Как бы ни велика была жажда.

Первые метры метро

Борис
ЦЫВЬЯН

СРЕДИ ЭКСПОНАТОВ СВЕРДЛОВСКОГО ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО МУЗЕЯ ЕСТЬ КЕРН ИЗ ПЕРВОЙ РАЗВЕДОЧНОЙ СКВАЖИНЫ НА ТРАССЕ СВЕРДЛОВСКОГО МЕТРО И КАСКА. С НИХ НАЧИНАЕТСЯ ЭКСПОЗИЦИЯ, РАССКАЗЫВАЮЩАЯ ОБ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ПЕРВОГО НА УРАЛЕ МЕТРОПОЛИТЕНА.

Керн

Задавали ли вы себе вопрос: каким должен быть срок службы метрополитена? Более 500 лет! Если при этом принять во внимание интенсивную эксплуатацию тоннелей (движение — до 45 пар поездов в час), то станет ясно, что подземную городскую дорогу нужно строить добротнo. У хирурга рука не поднимется на операцию без предварительных анализов, снимков. И проектировщики, строители просто не в состоянии ни рассчитать, ни построить и тем более обеспечить «долгую жизнь» метрополитену без исчерпывающих исходных данных.

Керн (столбик породы) и служит своеобразным «снимком» места, где будут проложены тоннели. Табличка в музее под керном гласит: «...взят с глубины 14 м первой разведочной скважины у стадиона «Динамо». Работу по определению грунта и бурению провел трест «УралТИСИЗ» 15 ноября 1974 года».

Уральский трест инженерно-строительных изысканий. Мы в кабинете заместителя главного инженера Александра Алексеевича Чайкина.

— Если быть точным, — говорит он, — то первые разведочные скважины для Свердловского метрополитена были пробурены несколько раньше, еще в 1972 году. Институт «Гипрокоммундортранс» разработал комплексную схему развития транспорта города Свердловска. И потому были пробурены скважины в районе Химмаша, Уктуса, площади имени Первой пятилетки на Уралмаше. К 1974 году специалисты московского института «Метрогипротранс» и «Харьковметропроекта» уточнили трассу метрополитена. Так вот на ней скважина у стадиона «Динамо», у будущей станции метро «Дзержинская», — действительно первая. Бурил ее один из лучших в тресте мастеров Н. П. Андрианов.

Наш разговор продолжается в техническом отделе треста. Собеседники — главный геолог отдела кандидат технических наук Юлий Витольдович Сырокомский и главный специалист по буровым работам Ю. И. Проняева. Юлий Витольдович:

— Геологические условия на трассе Свердловского метрополитена сложные. Например, скальные грунты различной степени выветрелости и трещиноватости. Наряду с гранитами, гранодиоритами, габбро проходчики будут иметь дело на трассе со сланцами, туфами, порфиритами.

— Мне думается, — продолжает Юлий Витольдович, — в музее должны быть не только керн, но и образцы грунтовых вод Свердловска. Деятельность человека в меньшей степени влияет на свойства пород, а вот состав городских грунтовых вод сильно меняется. Это касается любого города. Важно знать: не будет ли грунтовая вода агрессивна. Прошло почти десять лет после бурения

первой разведочной скважины на трассе метрополитена. А какова теперь протяженность всех скважин? Примерно 20 тысяч метров...

Берег городского пруда. Здесь тоннели метро соединят станции «Площадь 1905 года» и «Дзержинская».

— Для рабочего проектирования подводного участка тоннеля (он пойдет ниже дна пруда на несколько десятков метров) необходимы дополнительные данные: свойства подстилающих пород, их обводненность, связь грунтовых вод с водами пруда (ведь в пруду более двух миллионов кубометров воды)...— это говорит Юлия Ивановна Проняева.— Раньше мы бурили со льда зимой. А теперь зимы стали мягкие, лед на пруду тонкий, и наши самоходные установки весом 12 тонн могут провалиться. Бурим с понтона. Это надежнее.

Буровой мастер Николай Павлович Андрианов усадил нас в дюралевую лодку, и вот мы на понтоне, на плавающей площадке, надежно заякоренной. Здесь разместились самоходная буровая установка УРБ-2А-2, компрессор, бытовое помещение.

— Николай Павлович, где находится первая разведочная скважина, из которой взят керн в музей?

Николай Павлович прикладывает ладонь к глазам. — Видите на берегу дерево? От нас метров 150. Скважина была рядом с ним.

День за днем, и в стужу, и в дождь бурит Николай Павлович, нагнетает воду в скважины, тампонирует их. Он уточняет, исследует подземную обстановку для будущих тоннелей.

— Первую разведочную скважину мы прошли установкой СБУД. Свердловский машиностроительный завод имени В. Воровского выпускал ее 25 лет — с 1950 по 1975 год. Теперь у нас новые самоходные установки этого же завода — УРБ-2А-2. Они несравненно лучше. Свердловские конструкторы создали прекрасную буровую машину. Раньше я не представлял, что буровой снаряд можно поднимать без лебедки. Теперь это выполняет гидравлика, и я не мыслю без нее работать.

— Коль наш разговор коснулся технического прогресса,— говорит Юлия Ивановна,— надо добавить, что мы сейчас наряду с бурением успешно применяем установку «Панорама», позволяющую производить телефотометрию буровой скважины. И потому имеем не только керн, но и фотографические снимки стенок скважины. Установка «Панорама» впервые в СССР была использована на трассе Свердловского метрополитена. Автор новинки — доцент Алма-атинского политехнического института Казбек Касымович Баталов. Он оказывал нам неоценимую помощь. При возникавших затруднениях он нередко прилетал к нам даже в выходные дни. Примечательно, что в применении новой техники обычно геологоразведчики идут впереди изыскателей. А в этом случае получилось наоборот. Сейчас уральские геологи перенимают наш опыт и используют «Панораму» при разведке полезных ископаемых...

На помосте понтона в неглубоких деревянных ящиках лежат рядом керны из пробуренной скважины. Серо-зеленый сланец, примерно такого же цвета, что и выставленный образец в музее. Накапливаются все новые и новые документы каменной летописи подземного пространства города.

Каска «Дружба»

О чем может поведать обыкновенная каска — привычная для шахтера или строителя? О многом. Вот на этой оставили свои автографы четырнадцать первостроителей Свердловского метрополитена. И каска превратилась в музейный экспонат.

Кто они, первостроители Свердловского метро? Это заместитель начальника участка Пушкóв Д. В., бригадир

Козманов А. В., проходчики Гашин В. И., Лебедев А. С., Рогачев И. Б., Вопилов Н. А., Рубцов Н. А., Малышев С. Н., Низамнев И. Ф., Грибанов В. Ю., Старов В. В., Клюев Ю. В., Бородин А. Ф. и Мацевский Ю. Н. К каске прикоснулись рабочие руки, которые чаще имеют дело с отбойным молотком, перфоратором или рычагами породопогрузочной машины. Конечно, за три прошедших года (подписи поставлены 1 сентября 1980 года) жизнь не стояла на месте, и сейчас не все из них работают на строительстве. Четыре человека по разным причинам ушли, но десять строят в сложных геологических условиях скоростную подземную дорогу.

С чего началось строительство Свердловского метрополитена? Когда и где был вынут первый кубометр пород? Можно было бы, отвечая на эти вопросы, начать рассказ с воспоминаний кого-либо из десяти первостроителей. Но поступим несколько иначе...

...1 мая 1980 года. Праздничный день. Для Евгения Викторовича Юсова это был праздник вдвойне. Коренной свердловчанин, окончивший Свердловский горный институт, кафедру шахтного строительства, имеющий за плечами богатый опыт и горняка, и строителя (строил цех холодной прокатки Верх-Исетского металлургического завода), он в этот день вернулся из Горького в Свердловск, имея в портфеле приказ. Он, Юсов Е. В., назначен начальником Свердловского участка тоннельного отряда № 20 Горметростроя. В то время Горьковский тоннельный отряд строил метро не только в своем городе, но и в Куйбышеве. Сегодня Евгений Викторович — уже главный инженер тоннельного отряда № 34, созданного для сооружения Свердловского метрополитена.

— С каждым месяцем ширится фронт наших работ,— говорит Евгений Викторович.— Трудностей много. Вот — тисбинги для обделки перегонных тоннелей, подходящих выработок. Их везут к нам из Днепропетровска и, к сожалению, с большими переборами.

— Вы — первый инженер-строитель, а кто был первым рабочим на строительстве Свердловского метрополитена?

— Одним из первых поступил на работу 20 мая 1980 года проходчик Н. А. Вопилов. Он вошел в группу из двадцати проходчиков, которая отправилась поначалу в Ереван. Там они помогали строить метро (тоже в скальных породах) и, естественно, набирались опыта. Теперь Николай Аркадьевич Вопилов — опытный специалист, бригадир, сооружает станцию «Свердловская».

Во время нашей беседы на стройплощадку участка № 1 въехал грузовик.

Вот вам еще один наш первостроитель, Александр Владимирович Козманов. Тогда он был бригадиром, а теперь ему поручено не менее ответственное дело — взрывное.

Александр Владимирович молод, как и большинство метростроителей. Он охотно вспоминает события, связанные с началом закладки первого вертикального ствола здесь, на станции «Свердловская».

— Помню, как в центр будущего ствола я забил деревянный колышек... А затем всей бригадой мы проходили ствол. Два десятка метров работали отбойными молотками. А потом начались взрывные работы. Первый взрыв рассчитали правильно, но решили подстраховаться и заложили в шпуров аммонита больше, чем требовалось. И породу из ствола выбросило... Получился каменный фонтан. Теперь у нас такого не случается. Между прочим, я был третьим рабочим, принятым на строительство метрополитена.

15 августа 1980 года из Еревана вернулись в Свердловск первые проходчики. А 28 августа в торжественной обстановке, на митинге, посвященном началу строительства Свердловского метрополитена, экскаватор вынул первый ковш породы из устья ствола станции «Свердловская».

В величайшем саду вселенной

**Константин
КРАВЦОВ**

В электричке

Вспышка солнца в листе,
Вспышка сердца в груди,—
Мчусь куда-то сквозь ветер,
А что впереди —
На таких скоростях не ответить.

Лес летит мне в лицо,
Разорвав небосклон,
Полдень в тамбуре жарит железо
и душит вагон.

Я спасен,
От сомнений спасен
Малышами, что машут с разьезда.

Дождь прошел

Ты прошел с улыбкой, дождик,
дождик, чуткий, как художник;
и висит моя планета
на луче дневного света
и дрожит на нем живой
чистой каплей дождевой.

**Алла
ВОРИВОДИНА**

* * *

Кто же не был в юности влюблен
Пылко, безнадежно, безответно.
Кто же не грустил, как этот клен,
Что впервые распрощался с летом.

И душой возвышенно-чиста,
Там была готова ежечасно
Я от слова иль от взгляда стать
Всех счастливей или всех несчастней.

Но былое в памяти храня,
Знаю я, что той весной ранней,
Как у всей природы, у меня
Были только свет и ожиданье.

* * *

Чудо яблоко, красный цвет
Я держу на своей ладони
И жалею, что сада нет
И о том, что я не садовник.
Кто растил его, где и как?
Все упругое, налитое...
Тихо падает на закат
Солнце — яблоко золотое.
И ладони моей тепло
Это яблоко знает верно,
Что земля наша — малый плод
В величайшем саду вселенной.

**Валентина
АНУРЬЕВА**

* * *

Достаточно шкуры медведю,
панциря — черепахе,
раковины — улитке,
чтоб чувствовать неуязвимость.

Так слабому человеку
довольно одной улыбки,
заискивающей или гордой —
в зависимости от обстоятельств.

А смелому человеку
от страха зонта не надо:
он верует в откровенность
и сердце его открыто.

* * *

Левое ухо, которое ты целовал,
Вдруг возгордилось.
А правое ухо
Стало завидовать.
Я рассердилась на оба.

Имя

Для меня тебя нет. Никогда
Твои мысли не станут моими.
Сжег огонь, затопила вода
След и образ. Но выжило имя.

Имя это мне слышать не раз,
Называть им кого-то другого...
Оттого и огонь не горазд
Истребить окаянное слово.

**Мargarita
КОТОМЦЕВА**

Стихи о маме

Баяна ремни я на плечи надену
И выйду, робея, на клубную сцену.
И песню про синий платочек спою.
Я маму представлю, что в вечер весенний,
Сестренку мою посадив на колени,
«Платочек» поет вместо «баю-баю».

Сукна боевой материнской шинели
Коснуться ладони мои не успели —
Давно износила сестра пальтецо,
Но в память о маме остались медали,
Любимые мамою песни остались
И тополь, роняющий пух на крыльцо.

**Раиса
АБЕЛЬСКАЯ**

Тополиный пух

Этот пух летел над сквером
Поглощая звук шагов,
И стоял весь город в сером,
Словно в мареве снегов.
Пух на травы лег волнами,
Застил небо пеленой,
Он качался между нами
Серой призрачной стеной.

Невесомый дух печали,
Как он звуки поглощал!
В самом тихом из молчаний
Ты молчал, молчал, молчал.
В этом мире бестелесном,
В этой призрачной стране
Пух струился, словно песня
О тебе и обо мне.

Он ложился на ресницы,
На губах горчил, как яд.
Может, ты мне только снишься
Много-много дней подряд.
Может, стоит мне очнуться,
И развеется, как дым,
Тополиное кощунство
Над страданием моим.

Но во сне, печальном, странном,
Закричать я не могу,
И тебе вослед напрасно,
Задыхаясь, я бегу.
Тополя стоят, как боги
Нескончаемых разлук.
Я смотрю, как ты уходишь,
Еле видимый сквозь пух.

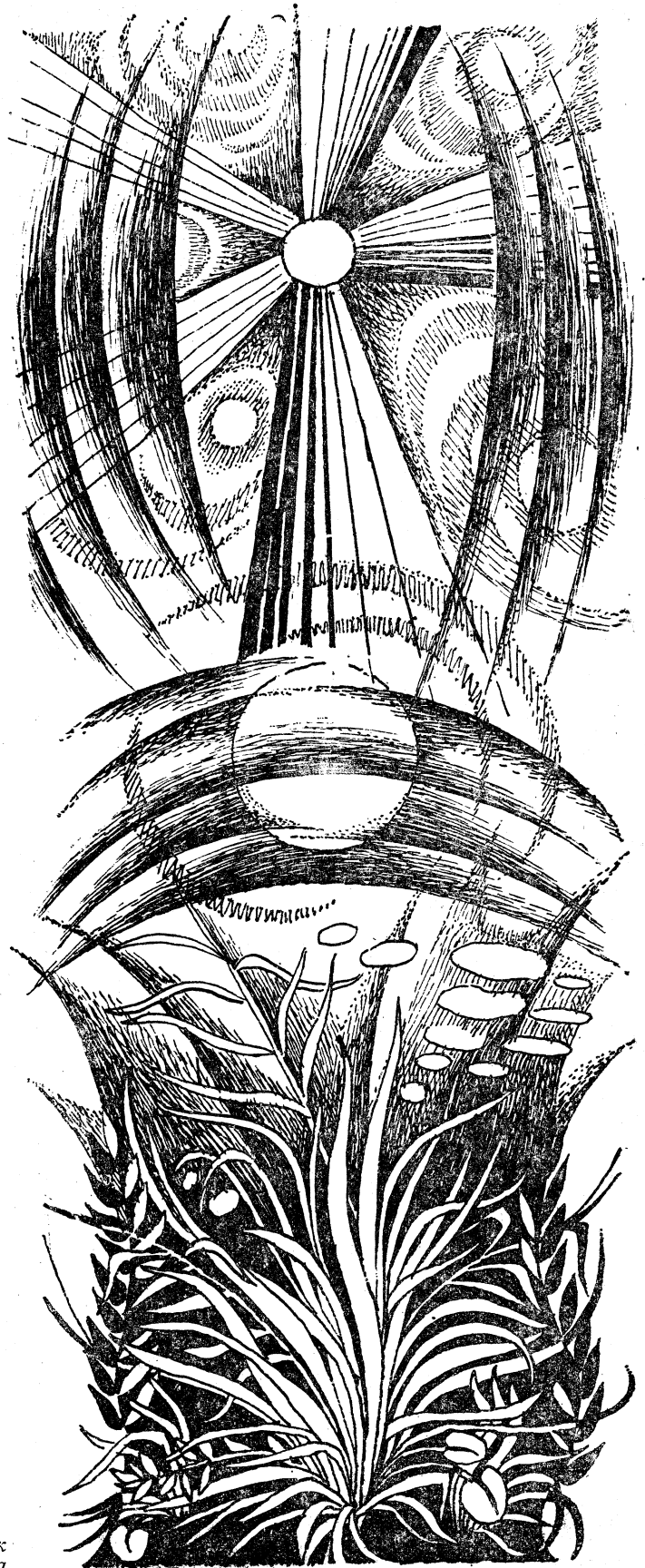
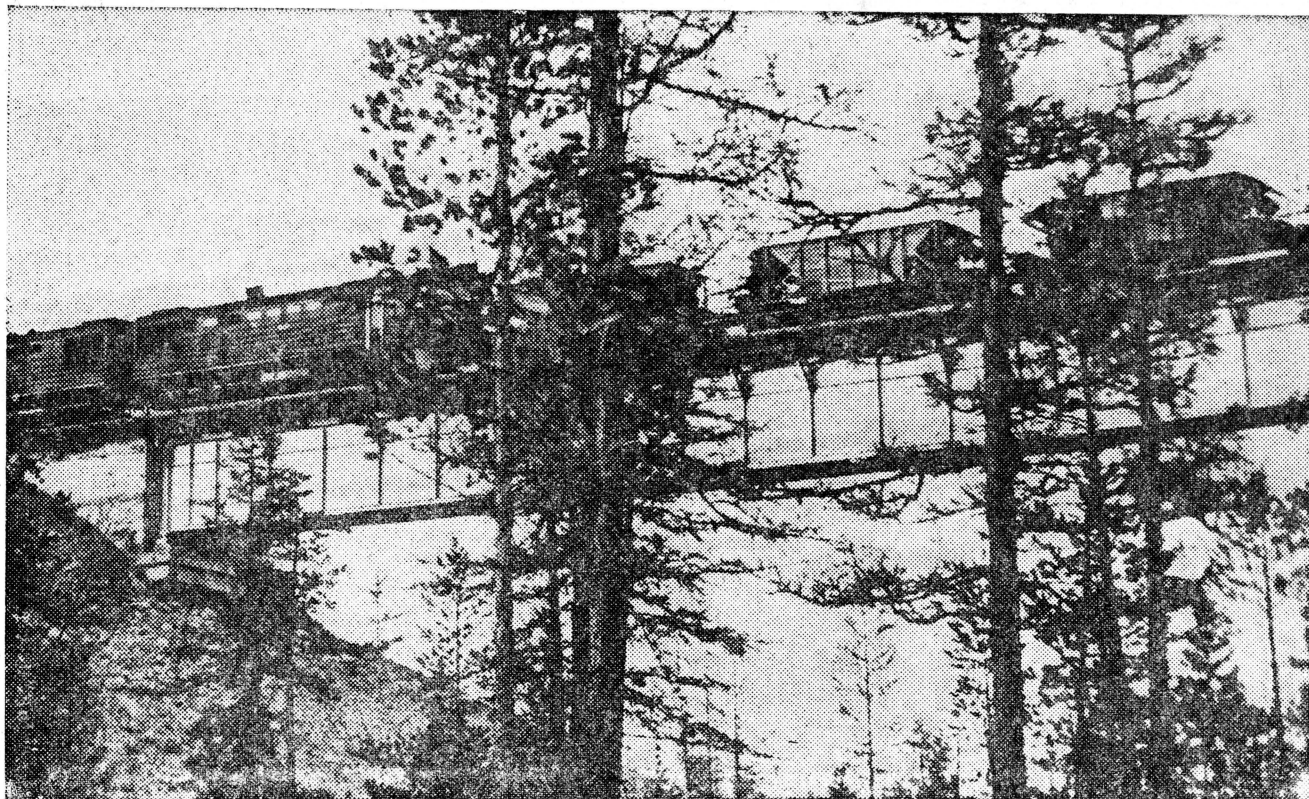

Рисунок
В. Красильникова

...Чтоб ракетой неслась в небеса

**Валентин
ЗАЙЦЕВ**

Фото автора

К нашим землякам-свердловчанам, возводящим в амурской тайге два бамовских поселка, на последнем этапе длинного пути можно добраться несколькими способами. Во-первых, авиацией (самолетами, вертолетами) из Тахтамыгды. Во-вторых, по знаменитому АЯМу — Амуру-Якутской магистрали (шоссе) от Большого Невера. Но, каким бы ни был маршрут, я непременно стараюсь взглянуть по пути в Тынду.

Однажды, считаю, особенно повезло. Узнав в Сковородино, что, согласно расписанию, пассажирского поезда в Тынду ждать целых пол-

суток, я по настырной журналистской привычке заглянул в депо: нет ли какой оказии? И был с лихвой вознагражден за хлопоты. Дежурный подсказал: «Из отпуска возвращается на службу недавно назначенный начальник дороги...»

Наш вагон-салон, прицепленный к маневровому тепловозу, мчался по Малому БАМу мимо станций, уже своими названиями напоминавших о трудовых подвигах — Бам, Штурм... Рядом с полотном в нескольких местах проявлялись заметные следы старой «железки» — остатки насыпи и даже двух мостов. А частенько

нынешняя колея шла просто след в след старой. Как известно, еще в трудные тридцатые годы в этих краях начали укладку рельсов, а больше чем сорок лет назад в Тынде торжественно встречали первый паровоз.

С этого, собственно, и завязался разговор со Львом Вениаминовичем Лотаревым. Мой собеседник справедливо утверждал, что БАМ уже всю работу на пятилетку. Это было заметно, что называется, невооруженным глазом. Во время так называемых скрещений-стоянок (рельсовый-то путь пока все-таки

единственный) особенно бросаются в глаза главные грузы БАМа — уголь и лес. По вывозке последнего молодая магистраль уверенно вошла в первую пятерку дорог страны. А угледобытчикам бамовцы могут отныне предоставить вдвое больше вагонов. Кроме того, бамовские железнодорожники практически без ограничений доставляют материалы строителям, в том числе и свердловчанам. И, раз речь зашла о земляках, я попросил, пусть коротко, оценить поселки Кувыкта и Хорогочи.

— Удача и Глухариный ток (примерно так переводятся непривычные для слуха эвенкийские названия), бесспорно, будут большими грузовыми станциями с весьма солидным объемом работ, — сказал начальник дороги. — Замечательно, что их создатели заботятся об уральском колорите: есть отделка мрамором и гранитом, озеленение с неременной рябиной. Особенно же мы благодарны уральцам за досрочную сдачу жилья. В 36-квартирных домах, построенных ими, ныне разместились железнодорожники.

Тем временем на разъезде промелькнул за окном пассажирский состав. И сразу последовало объяснение: «Как известно, сквозное движение решено открыть в конце этой пятилетки. Но, пока суд да дело, мы ввели в действие первый фирменный поезд. Он связал Беркамит в Якутии со Сковородино. Обслуживает его, в основном, молодежь, да и вообще в том же Тындинском отделении средний возраст работников 26 лет».

Пользуясь случаем, я узнал биографию первого начальника самой молодой в стране дороги. Сорок три года. Родился в Волгограде. Там же закончил железнодорожный техникум, потом — вуз в Ростове. Работал сперва, как водится, начальником станции, а на БАМ ушел с должности начальника отделения дороги под Москвой. По стопам отца пошел и сын — Сергей, студент столичного института инженеров железнодорожного транспорта.

...Под стук колес хорошо думается. Вспоминаю, как в Тынде удалось раздобыть несколько копий уникальной газеты «Бамовец»

1932-го. Из нее я вычитал немало подробностей, ставших историческими. Да, еще до Великой Отечественной тут проложили на север стальную колею. Но, увы, ей была суждена сравнительно недолгая, хотя и славная жизнь. Грянула война, и в самый канун Сталинградской битвы рельсы разобрали, перевезли для знаменитой волжской рокады. По той «дороге жизни» за короткое время (август — сентябрь 1942-го) путейщики пропустили 480 паровозов и 23 тысячи вагонов, доставив фронту все необходимое, когда все другие дороги с запада к городу-герою враг перерезал. Пожалуй, в биографии страны имеется лишь одна подобная аналогия. И она связана с Уралом. В голодный 1921-й Владимир Ильич Ленин предложил снять железнодорожное полотно от Екатеринбургa до Дружинино, чтобы срочно протянуть его от Петропавловска до Кокчетавa, — для вывозки хлеба.

В Тынде одна из улиц носит имя Якова Михайловича Свердлова. Здесь восемь лет назад высадился строительный десант из Свердловска. Разумеется, тогда еще и в помине не было ни улицы, ни маломальской тверди. «Вокруг расстилалась настоящая топь, — вспоминали при встрече первоотрядники. — Из нее, продельвая чистые оконца, пили водичку, брали для бани, постирушек».

Новоселье в дремучей тайге, на вечной мерзлоте — это, согласитесь, всегда событие. К тому же если речь действительно идет о всех удобствах. А именно с учетом этого и строят 36-квартирные дома свердловчане. Все четыре дома в поселке Кувыкта заселены. Ордера даны семьям машинистов, путейцев, связистов... Я выбрал для визита адрес электрика Ивана Кузнецова, живущего в доме № 3, квартира 24.

— Мы с женой Наташей, телефонисткой по специальности, прибыли на Байкало-Амурскую магистраль в составе первого ударного отряда молодых железнодорожников, — охотно рассказывает хозяин. — У нас подрастает дочка. Поэтому теплая удобная квартира с лоджией-балко-

ном, с встроенными шкафами, электрической печкой-плитой на кухне нам весьма и весьма кстати.

Иван Кузнецов трудится на «горячей точке» — на местной подстанции ЛЭП-35, только что вступившей в строй. Благодаря ей в дома поступает постоянная и надежная энергия от мощной Зейской ГЭС, ушли в отставку временные источники питания. Еще в 1978-м тут не было ни одного капитального строения. И свердловчан справедливо критиковала тындинская газета «Авангард». Увы, проявилась болезнь роста. Временный поселок вроде бы построили быстро, а дальше дело застопорилось. Месяц прошел, второй, — основательного жилья все не прибавлялось. Поставщики из родного города подвели, когда дело коснулось плит и перекрытий. У свердловчан на БАМе упали заработки. Но, к их чести, пали духом лишь единицы.

На долю нового начальника поезда В. Лагунова, состоящего в этой должности и по сегодняшний день, именно тогда выпало немало забот. Я был здесь, когда он только-только принимал дела. Мне Владимир Павлович в тот раз предложил: «А вы завтра походите со мной, поглядите, с чего мы попробуем начать...»

Зияли под ногами те же, что и вчера, голые котлованы с полузаброшенными фундаментами. Но вокруг уже хлопотали явно другие — повеселевшие — люди. Причем работа не прекращалась и поздним вечером. Через несколько дней я увидел, как бригада Сергея Таранжина выкладывала уже третий этаж первого дома.

Нет, Лагунов не был таким кудесником, способным вмиг изменить всю картину. Он был опытным строителем и организатором. Даже теперь, через несколько лет после тех событий, очевидцы с волнением вспоминают, как уверенно ухватился начальник за нужное звено. Создал ударную группу для расчистки разгрузочной площадки, и, ровно изпод земли, появился материал, необходимый для «двухсменки». Наверное, все люди склонны больше верить в доброе, чем в плохое. И к Владимиру Павловичу потянулись. Меня тогда поразила такая деталь.

Выяснилось, что Лагунов вместе с нехитрым скарбом взял за тридцать земель альбом с фотографиями и эскизами Дворца культуры Свердловского завода РТИ, представленного на республиканский архитектурный конкурс, — ему довелось возводить его. А раньше выпадало Лагунову работать на Качканаре и Запсибе, строил дома, ювелирную и кондитерскую фабрики в Свердловске, цехи завода «Уралэлектроугли» и нового ВИЗа...

В последний раз он удивил меня: «Знаете, хочу завтра поработать в Кувыкте начальником участка...» Что-то в тот период там застопорилось. И подчиненные поддержали экспериментаторское решение руководителя.

Однажды на трассе с трудом удалось уговорить Владимира Павловича встать перед фотоаппаратом у путеукладчика, там, где кончались рельсы. Он достал из «уазика» красную бамовскую каску и сказал с улыбкой: «Ладно. Чтоб не последняя такая мировая стройка в жизни случилась...»

Конечно, один руководитель, будь он и семи пядей во лбу, не сделал бы ничего. Но Лагунова судьба и жизнь наделили редкостным даром подбирать верных, надежных

помощников — мастеров, прорабов, рабочих. Это он сагитировал остальных на БАМе соратника по многим стройкам Телешева. И сейчас, когда бы вы ни пожаловали в Кувыкту, у управленческой конторы всегда увидите флаг трудовой славы в честь бригады Александра Михайловича.

Жилье Телешева легко найти по одному удивительному отличию. Свердловчане на БАМе так объясняют: «Михайлыча сразу определите по огороду...» С первого года своего пребывания в тайге разбил он под окнами полукоттеджа маленький огородик. Всего три четверти сотки на вечной мерзлоте. И — пожалуйста: картошка, зеленый лучок родились на удивление. Хозяйка дома Александра Константиновна погордилась: «Смотрите-ка, бульба выросла ничуть не хуже, чем у нас на Урале, в Горном Щите».

Глядя на своего бывшего учителя, и сосед каменщик Иршат Миначев, ныне сам возглавивший бригаду, завел у себя огород. Вообще, многие свердловчане на БАМе близко к сердцу приняли Продовольственную программу. У одного на дизо уродилась редька. У другого хорошо взмошел красный стручковый перец и пошел в рост совсем уж

экзотический для севера лимон.

Начальник Кувыктинского участка О. Пономарев в один из летних дней созывает детишек всего поселка. И те бегут к нему сломя голову: давно прознали, какой у Олега Константиновича сладкий зеленый горошек!

Прослышав об увлечении свердловчан огородничеством, поспешили к ним учителя школы из Хорогочи. Видно, специально, в присутствии журналиста директор школы В. Мисюра не раз напомнила Лагунову: «Владимир Павлович, уж вы теплицу-то пришкольную оборудуйте как следует». Тот, когда остался наедине со мной, в сердцах крякал и почесывал затылок. Понять его было легко: строительной сметой теплица не предусматривалась.

Не были заложены в смету и красивые подвесные потолки в кувыктинском торгово-общественном центре. Но бригада Д. Калинина наладила производство гипсовых плит для них прямо-таки поточное. Мастера остались мастерами. Ведь, Дамир Калинин и его жена Нина трудились на олимпийских объектах в Москве.

Разумеется, не только работой и хлебом единым живы свердловчане на Байкало-Амурской магистрали.

В Херогочи я невольно обратил внимание на дворовые площадки. Сказочные домики, теремки, большущий деревянный корабль выточил и вырезал в свободное время свердловский маляр В. Липатников.

Студенты Свердловского архитектурного института расписали в духе сказов Павла Петровича Бажова стены школы и детских садов.

Здесьнюю поэтессу, заведующую клубом «Уралец» Ж. Ржевскую знают многие. Ее стихи о первопроходцах, о счастье трудных дорог не раз звучали по Всесоюзному радио. Оказалось, Жанна известна на БАМе не только своими поэтическими произведениями. К ней зачастили чуть ли не со всего центрального участка... молодожены. Дело в том, что раньше она работала секретарем исполкома и вместе с активистами предложила красивый и трогательный ритуал регистрации брака. Лишь за последний год в Кувыкте сыграли 37 свадеб, а всего состоялось двести торжественных бракосочетаний. За двенадцать месяцев увидел свет 41 новый гражданин.

...Как важно в суете дней не забыть об уходящем! На БАМе, как это ни парадоксально, музеи возникли чуть ли не с первых дней. Тындинские железнодорожники раздобыли, например, вагон-салон образца 1912 года. Вновь засверкали его медные и бронзовые ручки, канделябры, зеркала, ванны, и, когда сюда зачастили делегации из-за рубежа, гостей стали катать в этом салон-вагоне.

Но было бы действительно несправедливо обойти подлинные музеи, открывшиеся в тайге. Центральный, посвященный истории строительства, недавно справил новоселье в Кувыкте на улице с названием Красная Пресня (ее застройку вели московские строители). В музее много любопытных экспонатов. Скажем, книга старейшего изыскателя А. Побожьего «Сказание о первых просеках» с авторским автографом. Не все знают, что писатель-фантаст И. Ефремов в 30-е годы занимался изысканиями в амурской тайге. Об этом примечательном факте свидетельствуют здесь его фотографии, командировочное предписание, личные вещи. Рядом демонстрируется

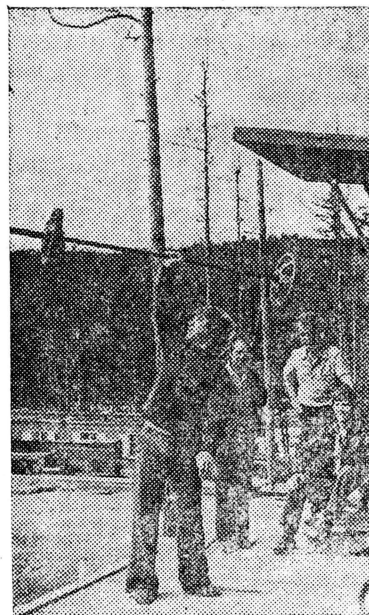
рисунок-чертеж старой трассы через Становую хребет...

Машинисты первого послевоенного поезда Г. Гусев и В. Захаров передали в музей скоростемерную ленту. Мастерок бойца отряда имени XVII съезда ВЛКСМ Т. Васиной рассказывает о многих домах, возведенных ее дружной бригадой. Есть здесь экспонаты (а всего их около пяти тысяч), связанные со Свердловском. Например, портрет абсолютного чемпиона стартов «БАМ-79» по спортивному ориентированию, мастера спорта В. Кривых и фото свердловской команды спортклуба «Кедр», занявшей в общем зачете первое место.

В уральской Кувыкте распахнул двери и музей, посвященный космосу. Любопытна и весьма символична его история. Когда-то здесь целое лето проработали студенты МАИ вместе с летчиком-космонавтом СССР Валентином Лебедевым. От них осталось следующее напутствие: «Наш комсомольско-молодежный отряд передает дар первопроходцам. Пусть эти экспонаты напоминают о нас, оставивших в далекой Кувыкте часть своего труда. Желаем космических свершений!» И на стендах, разместившихся в школе, — книги отца звездоплавания К. Э. Циолковского, руководителя бывшего ГИРДа (группы по изучению реактивного движения) Ф. Цандлера, Героя Советского Союза, первого старосты звездных братьев Н. Каманина, многих советских космонавтов. Привлекают макеты ракет и космических кораблей: миниатюрные «Востоки», «Союзы» и «Салюты», луноход на колесиках. В Кувыкте стали доброй традицией ежегодные смотры детского технического творчества.

У юных собирателей много помощников. Скажем, москвичка В. Чебыкина, по специальности художник, подобрала богатый газетный материал об освоении космоса. Из Звездного городка поступили пульта настоящего тренажера с навигационным глобусом и волнующими надписями: «Снять перед стартом», «Ручная ориентация», «Разворот», «Угол посадки», «Время полета»...

В книге отзывов я выбрал две записи. Первую сделал секретарь Тындинского горкома КПСС, делегат

XXVI съезда партии Ю. Есаулков: «Прекрасный музей. Спасибо его основателям. Не сомневаюсь, что он сыграет свою роль в воспитании достойных граждан». Работники столичного музея имени Владимира Маяковского напутствовали своих юных коллег: «Рады увидеть первый космический музей на трассе БАМа и пожелать, говоря словами поэта, чтобы в будущем веке жизнь человека ракетой неслась в небеса!»

«Каждый кулик свое болотце хвалит...» Да как же иначе, если нет роднее и дороже той округи, где прожил годы и где поставили тебя на ноги отец и мать! Кичливости в том нет — гордость да хорошее честолюбие. Гордость не столько за себя — за людей, прославивших твою землю на века вперед. Ефим Артамонов, отец и сын Черепановы — это не только первый в мире велосипед и первый в России «пароходный дилижанец», прадедушка паровоза, это еще, между прочим, и тебе, уральцу, почет и уважение. Так как же при случае, в разговоре с гостем не вернуть словечко о своих знаменитых земляках (мол, мы такие), зная наперед, что и у гостя для тебя кое-что припасено!..

В Лаврентии, в районном Доме культуры, услышал я о Маргарите Сергеевне Глухих, хранительнице многих народных традиций. Случилось это вот как. Чтобы скоротать длинный вечер, зашел в местную библиотеку, тесную, забитую книжками, однако по-домашнему теплую и уютную. Только-только развернул последний номер «Литературки» двухнедельной давности (почта запаздывала — непогода), как услышал где-то рядом мерные и сильные щелчки по туго натянутой коже и приглушенную, в несколько голосов, песню. Будто таинство какое совершалось. Так и представилось: век нынешний и век минувший сошлись в соседней комнате. Шаман ведет свой колдовской обряд, бьется, ворожит в танце, а люди, зачарованные его неистовой пляской, полностью отделились неудержимой стихии танца, ритма, музыки.

— «Белый парус» репетирует, — вслушиваясь в долетающие звуки, сказала девушка-библиотекарка. — В Москву едут с Маргаритой Сергеевной, на ВДНХ.

Так познакомился я вначале заочно, а после, побывав на репетициях эскимосского фольклорного ансамбля «Белый парус», и лично с его руководителем, заслуженным работником культуры РСФСР Маргаритой Сергеевной Глухих.

Невысокая, смуглолицая, в движениях — особенно рук — чуть подчеркнутая величавость Маргарита Сергеевна показалась мне доброй, умудренной жизнью индианкой старых времен. Разве что короткая стрижка и модный костюм выдавали в ней вполне современную городскую жительницу. Она оказалась интересным, тонко чувствующим другого человека собеседником. Особенно оживлялась, когда речь заходила о ее народе. Мне не приходилось задавать вопросы.

Немного о том первом впечатлении, которое возникло после нескольких минут знакомства с Маргаритой Сергеевной. Не было оно обманчивым. Ведь родина некоторых индейских племен Северной Америки и Восточной Канады — Азия, в частности Чукотский полуостров. Тысячи лет назад, когда Азию и Америку еще не разделял пролив, а была полоска суши, названная впослед-

СВОЙ БЕРЕГ

**Александр
МОСУНОВ**

*Рисунки
С. Сухова*

ствии Берингией, уходили эскимосы в поисках лучшей доли на другой материк. Веками все ниже опускался перешеек, пока не сомкнулись над ним волны двух океанов, оставив по обе стороны материка людей, родственников по крови.

Но время не смогло разрушить этническое, расовое, культурное единство этого немногочисленного — в 70 тысяч человек — и разделенного границами четырех государств народа. Обычаи советских и американских эскимосов во многом схожи, язык североканадских эскимосов отлично понимают гренландцы. Те же самые сказки и легенды рассказывают своим малышам матери Аляски и Чукотки.

Не одного лишь словца ради — с гордостью, что и сама она эскимоска — говорила Маргарита Сергеевна о тех безвестных умельцах, что упростили за ее народом славу изобретателей пневматического каяка, гарпуна, солнцезащитных очков, винта, с помощью которого морские зверобой затыкали рану убитого животного.

Пожалуй, мало чем отличалась жизнь эскимосов разных государств на пороге двадцатого века. Но сегодня одни из них, став неотделимой частью многонационального братского союза народов нашей страны, получили возможность учиться и учить, развивать собственную культуру и обогащаться из сокровищницы культуры мировой, созидать во всех областях человеческой деятельности. Другие... Вот свидетельство канадца Александра Стивенсона, директора отдела социального развития при Федеральном управлении по делам индейцев: «В 1950 году, то есть в самой середине нашего столетия, примерно из 9000 человек, проживающих в северо-восточных территориях, лишь 120 эскимосских детей постоянно посещали школу. Ни один из эскимосов не был принят в вуз, не получил профессионального образования, никто не мог рассчитывать на лучшую работу, чем у белого человека переводчиком или ставить капканы на песцов. Сфера умственного труда для эскимосов была закрыта».

Вчитываясь в эти строки, я вспомнил другой,

не менее убедительный факт. 1922 год. Тяжелейшее время борьбы с разрухой, борьбы за выживание молодой Советской страны. Но именно в этот год решением правительства была создана специальная комиссия Академии наук СССР для разработки письменности народностей Крайнего Севера. А спустя десять лет в жизни советских эскимосов произошло событие огромной исторической важности: вышла в свет первая книжка — букварь. Отныне ничто уже не сдерживало стремительное развитие некогда безнадежно отсталого народа.

Первое печатное издание у западных эскимосов появилось только три десятилетия спустя в Северной Канаде. К тому времени эскимосы Чукотки совершили поистине фантастический скачок из каменного века в век развитых культуры, быта, науки, здравоохранения.

И все же ничто порой так не убеждает, как история одной-единственной семьи, судьба человека.

Пятеро дочерей было у охотника Тлюнауна и швеи Рутьтытен — Елена, Нина, Маргарита, Зоя и Людмила. В Наукане, столице древних эскимосов, отца и мать уважали за трудолюбие и доброе отходчивое сердце. Подшучивали, конечно, глядя, как вьется вокруг Тлюнауна девчоночья тучка. Кто кормить будет на старости — зятя? Но отец глаз не прятал, проходя мимо сельских зубоскалов. Научил он каждую из дочерей охотничьему промыслу. Особенно выделялась смекалкой средняя, Маргарита. В военное лихолетье совсем еще подростком выходила она с мужчинами в открытое море добывать трудный хлеб зверобоя. Отлично стреляла из винчестера, умела и лодку законопатить, и сети выбрать, и камусы

сшить так, что не проникала сквозь одежду вода — не прокалывала кожу, а поддевала иглой мездру. Всерьез рассчитывал на нее, подмену себе в старости, отец. Только мама все видела, все замечала. Не сиделось дочке дома, когда в ненастье в самой большой яранге собирался и стар и млад послушать деревенских певцов, порадоваться, глядя на танцующего Нутетейна, одного из самых знаменитых на побережье танцоров.

Неспроста это было. Так оно и вышло. Закончив восемь классов, решила дочь уехать из дома, поступать в Хабаровское культпросветучилище.

— Э-эх! — вздохнул в сердцах отец, набивая табачком старенькую носогрейку. Ничего не сказал на прощанье.

— Запомни, доченька, — заплетая косы любимице, напутствовала мама, — у каждой птицы свое небо, а берег один. Слушай сердце — не собьешься с пути.

Талант — это любовь. А любовь не может жить без веры. Такой верой для молодого методиста-организатора стала убежденность в необходимости возрождать и развивать национальное искусство. Верно говорят: не велики числом эскимосы, зато чуть ли не каждый из них врожденный художник. То же — в танце и песне.

— Посмотри чужой человек, как принято у нас танцевать — удивится, наверное: «Разве это танец? Руки живут, а ноги спят». Песню послушает, усмехнется. Скучной покажется. А вникнет и в то и в другое, удивится еще больше — сколько пластики и изящества в движениях, сколько мыслей и событий в песне!..

Так говорит Маргарита Сергеевна сегодня, так думала она и тогда, двадцать с лишним лет назад. С той лишь разницей, что в то время она умела все, но только... не танцевать. А разве было когда такое, чтобы художник доверил свое дело неумехе, который и кисти в руках не держал? И она начала учиться едва ли не сызнова. Ей повезло. В Нуниамо, куда послали заведовать клубом, переехали признанные мастера танца Нутетейн и Умка. Подсматривала, копировала их рисунок, не щадя себя и времени. На новом месте — в Пинакуле — познакомилась с Хальхаегиним, Тагьеком, Аяей, и не стыдно уже было теперь выпрашивать, вызнавать у знатоков те самые секреты, что два года назад казались непостижимыми. Там же, в Пинакуле, и первый свой фольклорный ансамбль создала. Танцевала сама, учила других. И много, много работала, тонко и бережно реставрируя уникальный рисунок хореографии, убирая все наносное и омертвевшее. На районном смотре ее ансамбль занял первое место...

А после был «Белый парус» — тот самый, что основал и передал ей, своей ученице, Нутетейн. С радостью принимали посланцев Лаврентия в

далеких и близких пастушеских бригадах, с интересом знакомились с эскимосскими танцорами и певцами Магадан, Хабаровск. Посчастливилось побывать и в Москве, выступать на сцене Кремлевского Дворца съездов. Но первым своим признанием, как мать — первенцем, дорожит она больше всего.

...Сегодня репетиция начнется раньше. С Уэлена наконец-то выбрались в райцентр Михаил Тагьек, Афанасий Тнавуквутагин, совсем юный Слава Эргыро. Так сказать, «на усиление». Что поделаешь — и это беда многих народных коллективов — недостает в них мужчин-танцоров. Стесняются, что ли, парни или в самом деле дискотека теперь для молодежи свет в оконце?

Дожидаюсь, когда все соберутся, стараюсь не мешать расспросами хозяйке. В эти дни у нее и без меня забот невпроворот. Две недели осталось до поездки в Москву на фестиваль национального искусства народностей Крайнего Севера. «А костюмы не готовы!» — всплескивает руками Маргарита Сергеевна.

Шьют их тут же, в Доме культуры, на занятиях кружка прикладного искусства, руководит которым опять же моя знакомая. И это еще одна грань ее дарования, требующая вполне самостоятельного рассказа. Поскольку вышивка и аппликация, исполненные на кусочках мандарки — нерпичьей кожи или камусе — замше оленьей шкуры, — вид искусства у эскимосов столь же древний и почетный, как и резьба по кости. Вон их сколько здесь — нарядных праздничных камлеек, отороченных белоснежным мехом песка, кожаных мячиков, украшенных искусными узорами, ковриков, расшитых серебристым оленьим волосом и яркими шелковыми нитками.

Одну из стен, словно походный штандарт, украшает большое панно. Традиционный геометрический рисунок пущен понизу. В центре остроконечный силуэт яранги. Солнце расправило желтые лучики по полотну, а над ним крупными буквами вышито слово, одинаково понятное и чукчам и эскимосам — «ЕТТИ», что означает «здравствуй».

Семь лет назад коммунист М. С. Глухих предложил создать клуб, как принято сейчас говорить, — по интересам, который бы объединил жителей многонационального села Лаврентий, стал бы своеобразным центром культурной и общественно-политической жизни. Райком партии одобрил идею. Так и родился в райцентре клуб «Етти», где вечерами собираются за чашкой чая русские, чукотские, эскимосские женщины. Посидеть у самовара, обсудить новости, похвастать рукоделием или угостить вкусным пирогом, услышать беседу врача, директора школы, слово лектора, с В. М. Етыленом, первым секретарем райкома партии, встретиться. Мало ли у людей вопросов и проблем.

Об одном теперь мечтает Маргарита Сергеев-

на, чтобы в каждом селе появились такие объединения. Пример есть, и мечта эта сбудется непременно. «Ети» известен всей Чукотке.

...Первым из гостей пришел Михаил Тагбек. Не спеша снял чехол с яра — эскимосского бубна, лет ему не меньше, чем бабушке Имаклик, которая о чем-то сейчас беседует со своей черноглазой правнучкой. И тут же, смочив одну сторону натянутого на деревянный обруч моржового пузыря, проверяет звучание. Хорошо звенит ярар, голос высокий, чистый.

Запахавшись, прибежала с работы Тоня Амирек. «Здрасьте! Ой, думала, опоздаю». Следом степенно вошли самые опытные танцоры — Борис Тнаун, Василий Тевельтин, Лариса Тулюкак. Еще кто-то подошел. Ну, кажется, теперь все в сборе и можно начинать.

— Тым-м, ты-м, тым-м-м... — вступает со своим инструментом Миша Тагбек. Все сильнее, все звонче бьет тонкий прутик по ярау.

Сначала один, но вот уже другой, третий, десятый голос сливаются в единый протяжный звук.

— Уанай, уана-а-ай.

Моя помощница, школьница Иринка, тихонько переводит, то и дело прыскавая от смеха в кулачок (опять Слава глазки строит):

— Уанай — это значит все вместе, дружнее. Так у нас к танцу приглашают.

Все упруже ритм, как горячую кровь в жилах, разгоняет бубен Тагбека дневные заботы, усталость. Трудно усидеть. Встали танцоры в круг. Красивы, грациозны движения рук. Собирает охотник мужчин на промысел. В бинокль смотрит, кита видит. Значит, вернутся они с уда-

чей. Голод теперь не страшен. Праздник, праздник первого кита придет в село.

Другая песня рождается. Вначале вполголоса, чуть слышно. Голова слова вспоминает, руки — движения. А в центре уже Слава Эргыро. О чем его танец? О тех переменах, что пришли на древнюю землю эскимосов. Первая лампочка загорелась в селе. Смотрят люди, дивуются — хорошо, светло вокруг стало. Спасибо за это Ильичу, спасибо. Так и зовется танец — «Лампочка Ильича».

А когда вошла в круг старая Имаклик, даже моя Иринка застыла от удивления. Вспомнила бабушка, рукам спасибо — не забыли, как шьют мастерицы одежду охотникам. Теплая должна быть одежда. Студеное море обжигает лицо, ледяной ветер выстуживает грудь. Вот и вышла кулянка, хорошая вышла. Не страшны в ней ни ветер, ни снег...

Короткий перерыв. Устали артисты. Высох и ярар у Тагбека, надо бы смочить.

Маргарита Сергеевна довольна: не стыдно будет в Москву показаться.

Она берет в руки иглу и, пока все отдыхают, доканчивает керкер — праздничную одежду женщины.

Вспомнила что-то, улыбнулась:

— Вы знаете, на том берегу у нас много родственников. В войну, когда была открыта граница, частенько ездили к ним в гости. Хорошо они жили, сытно. Все к себе жить зазывали, да никто не соблазнился, хоть и голодно было, тяжело. И теперь зовут. Но мы-то все те же. Свой берег у нас, своя Родина...

ЕСТЬ ТАКАЯ ПРОФЕССИЯ— ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ

**Александр
БЕЛЯЕВ**

Пятнадцать лет—это не только романтические мечты, возраст самых радужных надежд... В пятнадцать лет формируются убеждения, идеалы, нравственные принципы. И чтобы выбрать профессию воина—уже необходимо иметь сформировавшееся чувство ответственности.

Каждое лето приезжают выпускники восьмых классов сдавать экзамены в Свердловское суворовское училище. Они хотят стать офицерами. Те, кому повезло, кто успешно сдал вступительные экзамены, конечно, с нетерпением ждут дня торжественного вручения заветных алых погон. И какой мальчишка не мечтал об этом! Но!.. «Погоны—тяжелая ноша. Для некоторых—непосильная. Это походы, тревоги, стрельба в зной и мороз, гимнастерка, пропитанная солью... Военный—это когда очень трудно и не роняешь ни одного слова, когда думаешь не о том, что трудно сейчас, а о том, что трудности были, есть и будут, но и в этом радость и счастье!»—так написал суворовец-выпускник.

Гордое и высокое это имя—офицер Советских Вооруженных Сил, и нелегко его заслужить. Не устарел мудрый завет Суворова: «Прежде чем повелевать, научись повиноваться».

Трудовой день в суворовском начинается, как и во всех частях и подразделениях Советской Армии, с команды дежурного: «Рота! Подъем! Приготовиться к построению на физзарядку!» Все пришло в

движение. О потягивании, раздумье—вставать или еще подремать?—не может быть и речи: две минуты дается на одевание, а там уже звучит следующая команда: «Выходи строиться!» И если опоздал, то старшина роты не сделает вид, что не заметил. В первые дни руки как назло не попадают в рукава, куда-то запропастился ремень в суматохе и, в довершение всего, затянется узел на шнурке... Но пройдет месяц, два, и все становится на свои места—минуты уже хватает. А если уж начнется соревнование, чей взвод построится первым, можно собраться и за сорок пять секунд. Гимнастические упражнения, полукилометровая пробежка развеют последний сон—с зарядки все возвращаются бодрыми, раскрасневшимися. И если зарядку делал с увлечением, с задором, то и зимний мороз совершенно не страшен. Затем—заправка постелей (и не кто как может, а чтобы без единой складки, чтобы подушки были выровнены словно по нитке, чтобы даже полоски на одеялах составляли одну прямую линию), потом приводится в порядок обмундирование: у кого-то оборвалась пуговица, другому следует пришить свежий подворотничок, обязательно надо не забыть надраить до блеска ботинки—ведь внешний вид проверяет на утреннем осмотре сам старшина. После завтрака раздается сигнал, возвещающий о начале занятий. Урок у суворовцев, хотя и похож на школьный,

имеет свои особенности—недаром у сидящих в классе на плечах погоны. Особенности эти заключаются и в соблюдении воинской дисциплины (за порядком следят заместители командиров взводов и командиры отделений, назначаемые из числа лучших суворовцев и имеющих звание вице-сержанта), и в характерной для военных четкости, быстроте выполнения команд и заданий преподавателей, ясности по военному кратких ответов.

Программа общеобразовательных дисциплин та же, что и в средней школе, но в суворовском есть и целый ряд специальных предметов. Это и военная подготовка: изучение стрелкового оружия, уставов, оружия массового поражения и средств защиты от него, радиосвязи (суворовцы должны знать устройство радиостанций, телефонных аппаратов и уметь работать с ними), строевая и медицинская подготовка, изучение материальной части и вождение автомобиля. Это и такие предметы, как этика и эстетика,—офицер должен обладать высоким уровнем нравственного сознания, разбираться в литературе и искусстве: ведь он не только командир, но и педагог, и старший товарищ.

Шлифовка характеров будущих офицеров—долгая и сложная задача. И большую помощь в ее решении оказывают суворовские традиции, своими корнями уходящие в грозные и суровые годы Великой Отечественной войны.

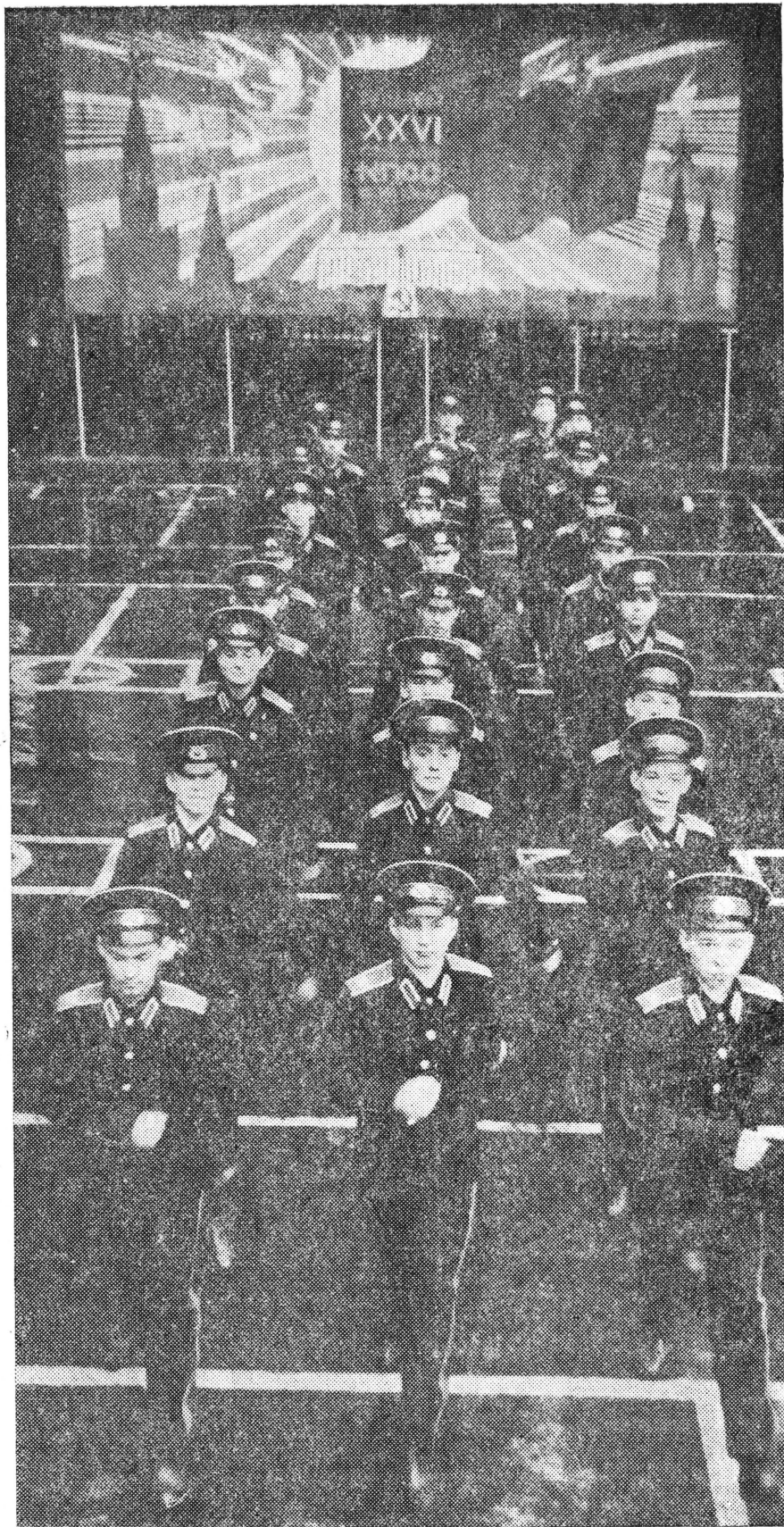
...Лето 1943 года. Только

что победно закончилась Курская битва. Но враг силен, и до победы еще два года. Враг отступает. Советские воины встречают на своем пути руины, пепелища, горе и слезы стариков, матерей и детей. Дети... Много их тогда бродило по дорогам войны, пока сотни, тысячи ребят не попали в только что созданные суворовские училища.

Михаил Дурнов. Он бросился на помощь матери, когда фашисты издевались над ней. Гитлеровские изуверы ранили его, и убили бы, если бы не подоспевшие партизаны. Иван Драков стал свидетелем гибели своих родителей и сам был избит фашистами. Иван Ушаков тоже рано расстался с детством: отец погиб на фронте, а мать заняла место отца в солдатском строю. Сергей Веремьев только чудом спасся от рук палачей: одиннадцатилетнего Сережу, его сестру и мать немцы бросили в сани и повезли за село. По дороге Сереже удалось незаметно выбраться из саней и спрятаться за сугробом. Через несколько минут он услышал выстрелы. Поняв, что произошло, и побоявшись вернуться в разоренный и осиротевший дом, мальчик направился в лес, к партизанам.

В тот день, когда родное село было освобождено от врагов, Сережа, уже знавший от партизан, что на «большой земле» для детей погибших открыты военные училища, пришел в дом, где разместились офицеры, и сказал: «Хочу быть Суворовым...»

Некоторые из мальчишек были на фронте. Сын полка Володя Валахов вместе со старшими товарищами разминировал под Новгородом немецкий склад с боеприпасами. В сражении за Мелитополь двенадцатилетний боец с гранатой в руке бросился на врага и принудил его сдаться в плен. За проявленный героизм В. Валахов из рядовых был

произведен в сержанты, и вскоре на его гимнастерке засеребрилась награда — медаль «За отвагу». А семь лет спустя к двум фронтовым медалям Володя добавил и еще одну — золотую медаль за отличное окончание Свердловского суворовского военного училища.

Их было много, очень много — детей без крова, без родителей, которым не раз приходилось смотреть в глаза смерти. Кто знает, как бы сложилась судьба этих ребят, слишком рано изведавших полную чашу лиха войны, если бы не было решено создать суворовские училища в самое напряженное время войны для обучения и воспитания детей воинов Красной Армии, партизан Отечественной войны, рабочих и колхозников, погибших от рук немецких оккупантов.

Большинство ребят, приходивших в училище в первые послевоенные годы, были круглыми сиротами, или не имели отцов. И эта общность тяжелой судьбы роднила воспитанников, рождала нечто большее, чем просто товарищество. Готовность к поддержке, чувство семьи единой, столь прочно закаленное войной у советских людей, — вот что стало ценной традицией... Особенно остро ребята переживали свое сиротство, когда начинались каникулы: ехать было некуда. На помощь приходила дружба, товарищество: суворовцы, имевшие родной дом, и их родные приглашали к себе в гости тех, у кого этого дома не было.

Прошло много лет, у большинства ребят теперь есть родители, никому не пришлось испытать, что такое военное детство, но сила дружбы не стала от этого слабей. Суворовец Горячев Виктор вспоминает: «Последний день перед каникулами. Все хотят ехать домой. Но не всем родители могут прислать деньги на билет. Билеты покупали вскладчину.

Деньги для нас — не особенно что-то нужное. И вообще они для нас — в жизни — не главное. Самое дорогое и ценное — дружба».

Знакомство с традициями училища вновь поступавшие курсанты начинают с фронтового письма Г. Масловского своему сыну Юре:

«Ну, вот, мой милый сын, мы больше не увидимся: час назад я получил задание командира дивизии, выполняя которое живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с которой идет твой папа на смерть: не каждому доверено умереть за Родину...»

Хочу, чтобы ты знал, кто был твой отец, как и за что отдал жизнь, вырастешь — осмыслишь. Хорошо, очень хорошо дорожить Родиной!.. У меня есть сын. Жизнь моя продолжается, вот почему мне легче умереть. Я знаю, там, в глубоком тылу, живет и растет наследник моего духа, сердца, чувства...»

Это не просто письмо — это наказ, завещание погибших отцов их сыновьям, завещание всем последующим поколениям защитников Родины.

Сын героя суворовец Юрий Масловский не нарушил заветов отца, стал достойным наследником его «духа, сердца, чувства». Выполняя наказ отца, сын стал офицером. Уже в первые годы службы он добился значительного успеха: вывел свой взвод из отставших в передовые. Был делегатом XIV съезда ВЛКСМ. А через некоторое время его приняли в члены КПСС. Ныне подполковник Ю. Г. Масловский служит в Ленинградском военном округе.

Закончились занятия, убраны классы и закрепленная за каждым взводом территория... Теперь можно получить у старшины парадную форму и готовиться к увольнению в город — ведь сегодня суббота!

Но вот по всем классам и коридорам, клубу и ленинским комнатам звучит передаваемая по селектору команда: «Училище, внимание! Тревога! Тревога!..» Мгновенно пустеют классы, оставлены недочитанные книги, журналы, шахматные партии на самом интересном ходу, быстро пустеет зрительный зал — придется новый фильм посмотреть в другой раз... Неопытному взгляду кажется, что все пришло в беспорядок. Но это кажется только тем, кто ни разу не собирался по тревоге: каждый суворовец предельно собран и точно знает свои действия. Прежде всего необходимо получить оружие и снаряжение, затем — вещевой мешок, в котором все необходимое — ложка, котелок, кружка, смена белья — приготовлено заранее. И через несколько минут рота строится в полной боевой готовности — предстоит лыжный поход с преодолением препятствий, с боевой стрельбой и метанием гранат. Первыми вышли к назначенному рубежу суворовцы 1-го взвода. Однако вряд ли это им удалось, если бы не мужество и стойкость суворовца Швестко. Где-то на пятом километре, после отличного выполнения упражнений по стрельбе и метанию гранат, у Швестко сломалась лыжа. Чтобы выполнить боевую задачу, не уронить чести коллектива, он несколько километров шел по глубокому снегу.

Заканчивая суворовское училище, ребята, помимо многих важных для службы в армии знаний и навыков, приобретают еще самое главное качество: глубокое убеждение в необходимости своего жизненного предназначения. Хорошо об этом написал суворовец Ю. Филиппов:

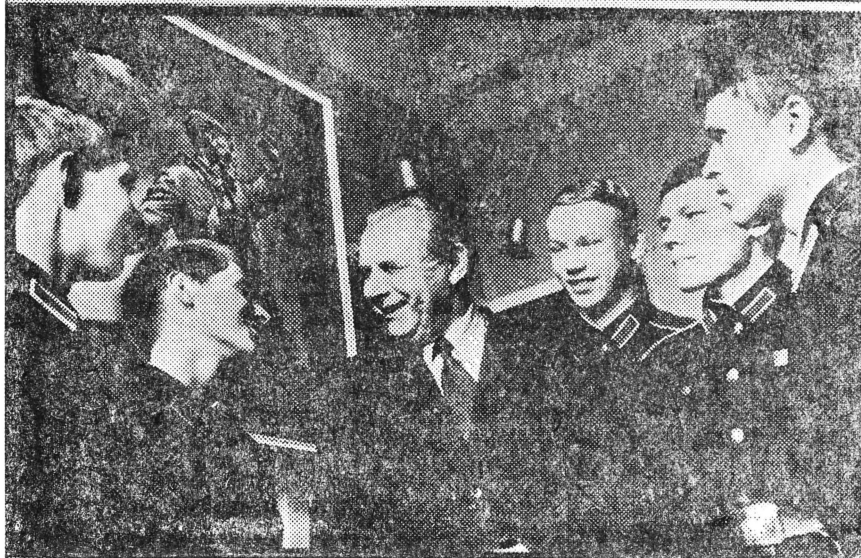
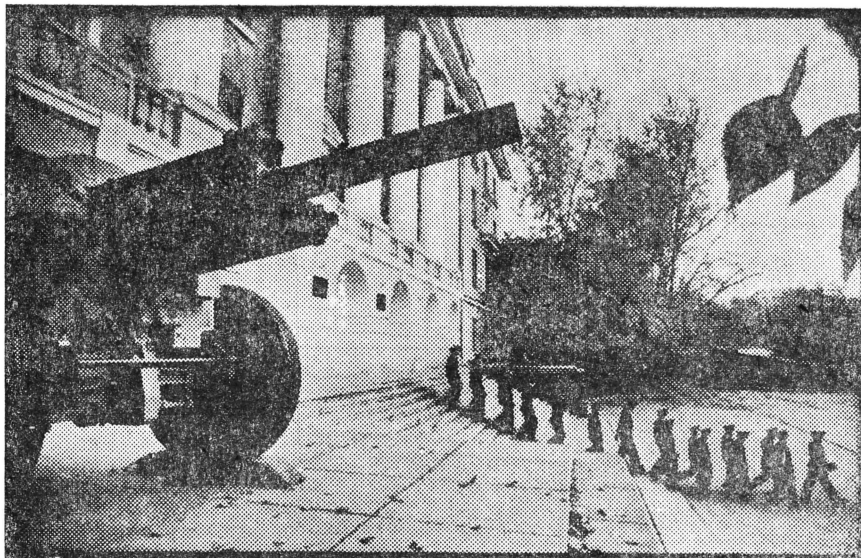
Вспоминаю детства
перезвоны:
На боку — пустая
кобура,

На плечах —
отцовские погоны,
На губах — отцовское
«ура».

Мы в войну до
сумерек играли,
И теперь мне грустно
вспоминать:
Все, что мы о ней
тогда не знали,
Должен я сейчас
за всех узнать.
Да, узнать, и волей
непреклонной
Мы должны войну
остановить —
Вот зачем мне
алые погоны —
За друзей и
сверстников носить.
Знаю, что дорога
камениста,
Только это, право,
ничего:
Мой отец всю жизнь
был коммунистом,
Ну а я характером
в него.

Сорок лет прошло с тех пор как первое, военное, поколение ребят надело алые погоны... Им, первым, сейчас уже за пятьдесят. Немалый стаж службы в войсках имеют и те, кто выпускался из нашего училища в конце пятидесятых годов. Нет такого края в нашей стране, где бы не служили бывшие суворовцы: на Сахалине, в Прибалтике, на Украине и в Сибири, на севере и в Средней Азии — везде можно встретить офицеров, с гордостью носящих значок об окончании СВУ. И вновь придут новички... И снова близится выпуск. И вновь прозвучат слова великого полководца, имя которого они понесут с гордостью: «Потомство мое прошу брать мой пример. Доброе имя должно быть у каждого честного человека; лично я видел это доброе имя в славе своего Отечества: мои успехи имели исключительной целью его благоденствие».

Фото А. Липтева

АРКТИЧЕСКИЕ

«ЗАЙЦЫ»

Сергей
ПОПОВ

Помните поваренка Молибogu из кинофильма «Семеро смелых», которого так блистательно сыграл Петр Мартынович Алейников? Как он «зайцем» попал на полярную станцию и стал полноправным членом зимовки? История — почти невероятная, но такая ли невероятная?..

Фильм вышел на экраны в 1936 году. Советский народ только что с энтузиазмом начал комплексный шторм высоких широт. От желающих поехать в Арктику, особенно среди молодежи, отбою не было. Так, в 1934 году на сто вакантных арктических мест в ЦК ВЛКСМ поступило более трех тысяч заявлений. Вот тогда и появились первые арктические «зайцы».

В 1932 году ледокольный пароход «А. Сибиряков» совершал первый в истории беззимовочный поход по Северному морскому пути. В конце августа зашли в бухту Тикси, на пустынные берега которой всего лишь три недели до этого высадились первые зимовщики и строители будущей полярной станции. Здесь «А. Сибирякова» поджидали колесные речные пароходы, которые ему надлежало провести на буксире на Колыму. Однако ледовая обстановка оказалась неблагоприятной. Поэтому начальник экспедиции О. Ю. Шмидт, чтобы не рисковать людьми, часть речных судов, наиболее старых, приказал отправить по Лене назад в Якутск.

Участник плавания кинорежиссер В. А. Шнейдеров, который уже в наши дни долгое время вел телевизионный клуб кинопутешествий, рассказывал:

«Уже в открытом море матросы находят в трюме спрятавшихся за ящики двух «попутчиков». Хочешь не хочешь, придется везти их на Колыму. Это хорошие ребята — якутские грузчики, заявившие в свое оправдание, что им «страшно обидно» возвращаться домой, так и не добравшись до Колымы. Матросы устраивают их у себя в кубрике и кормят обедом...»

Был «заяц» и на пароходе «Челюскин», который спустя год отправился по пути «А. Сибирякова». Архангельский кочегар Михаил Субботин в Мурманске тайком забрался в угольный бункер и пробыл в нем пока «Челюскин» не отошел от

причала и его не обнаружили. Он прекрасно понимал, что высадить его до Петропавловска-на-Камчатке будет нелегко.

— А чего особенного? — плутовато усмехнулся парень в ответ на капитанский вопрос. — Страсть захотелось идти с вами, вот и забрался в бункер. Не бойтесь, даром хлеб не ем: буду кочегарить — лучше не надо!

Челюскинец-кочегар А. Мионов, ставший потом писателем, со слов которого мы записали эти слова, утверждает, что капитан В. И. Воронин высадил через несколько суток «зайца» на пароход «Аркос» в проливе Маточкин Шар для возвращения в Мурманск.

Однако дублер старшего помощника В. В. Павлов еще в 1934 году утверждал, что «зайца» высадили через час после отхода из Мурманска в становище Белокаменная. Мне показалось невероятным такое расхождение, и я специально поднял в архиве вахтенный журнал «Челюскина». Действительно Субботина собирались высадить в становище, но парень, видно, сумел уговорить вахтенную службу. Однако капитан, узнавший о «зайце» позже, оказался непреклонен. Об этом свидетельствует соответствующая запись в вахтенном журнале, полностью совпадающая с утверждением А. Мионова.

Самое интересное, что «заяц» оказался и среди челюскинцев ледового лагеря Шмидта. Точнее, в Постановлении ЦИК СССР от 20 апреля 1934 года о награждении их орденами Красной Звезды, опубликованном газетой «Правда». Под номером 75 в этом историческом документе значился: «Шульман И. П. — студент-практикант».

Однако никто из челюскинцев не помнит такой фамилии, хотя они всегда очень внимательно следили за судьбой своих товарищей, часто встречались, переписывались.

В ледовом лагере было 104 человека. В списке награжденных — тоже 104. Но двое малолетних детей, Алла Буйко и Карина Васильева, награждены, естественно, не были. Завхоз Б. Могилевич погиб вместе с судном и был награжден посмертно. Стало быть, в списке награжденных должно быть 103 человека. Лишним оказался именно Шульман.

Из государственных архивов пришли подтверждение, что через год, 31 июля 1935 года, И. П. Шульман был исключен из списка награжденных как ошибочно включенный в них.

Вполне была бы понятна ошибка, допущенная Главным Управлением Северного морского пути, если бы эта фамилия фигурировала в списках Мурманского контрольно-пропускного пункта, который по-

служил основанием для списка награжденных. Но там Шульмана не значилось.

Зато в архиве сохранилась радиограмма заместителя начальника Главсевморпути С. С. Иоффе, посланная из Москвы в Ванкарем 13 апреля 1934 года, где указывалось об отсутствии в списках вывезенных со льдины челюскинцев студента Шульмана. В ответ на нее из Ванкарема ответили: «Шульман отправлен из Ванкарема в Уэлен». Однако через неделю, 22 апреля 1934 года, когда постановление о награждении челюскинцев было опубликовано, Уэлен наконец выяснилось: «Студента Шульмана ни в лагере, ни на «Челюскине» не было».

К сожалению, пока не удалось установить, кто такой был этот мифический студент...

К числу курьезов принадлежит и случай с «зайцем» на дрейфующей станции СП-4, о котором рассказал ее начальник, ныне доктор географических наук П. А. Гордиенко.

15 апреля 1955 года на льдину прилетел самолет полярной авиации, доставивший горючее в бочках. Несмотря на то, что он прилетел не с Большой земли, а с острова Врангеля и поэтому почту не ждали, самолет встречали всем коллективом — радостно и шумно. Быстро разгрузили и долго махали ему вслед.

Вдруг из ближайших торосов довольно неуверенно выходит с виноватым видом совершенно незнакомая фигура.

Это был начальник фактории с острова Врангеля Василий Иванович Истратов. Промыслы в тот год на острове выдались неурожайными. Местным охотникам рассчитывать с факторией было нечем. Незадачливый факторист раздал все, что у него было, практически ничего не получив взамен. Вот с перепугу и решил драпануть куда глаза глядят.

Это точно был первый «заяц» на Северном полюсе. Накормили его, отвели место. Работящий оказался. Через две недели провозжали обратно, снабдив ходатайствами, отменными характеристиками. При разборе его дела в Магадане эти бумаги, тогда еще редкие и необычные, были приняты во внимание. А главное — учли, что человек не совершил никакого преступления, скорее наоборот, предотвратил большие лишения на зимовке...

Срок нашей летней поездки в Саранул подходил к концу, пора было возвращаться в Свердловск, а мы все никак не могли уловить погожий денек, чтобы съездить за Каму, на Созычиху, к змейкам: понаблюдать за ними и поймать ужика для террариума.

Мой постоянный спутник и помощник в маленьких экспедициях десятилетний Юра с нетерпением поглядывал на хмурое небо, и когда оно прояснилось, заторопился:

— Едем завтра!

Сложили рюкзаки и утром были на причале. До отхода катера оставалось минут сорок, и Юра потянул меня на дебаркадер, где прошлым летом мы обнаружили гнезда воронков, прилепленные к осветительным плафонам на потолке верхней палубы. В народе воронками зовут городских ласточек, в отличие от деревенских касаток и речных береговушек.

Змейка сторожит огород

**Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ**

*Рисунок
В. Казакова*

*Рубрику ведет
писатель Б. Рябинин*

По крутому трапу мы поднялись на верхнюю палубу.

— Птенчики! — засиял от радости мальчик и показал на серенькие головки, высывающиеся из гнезд.

Скинув с плеча тяжелые рюкзаки, мы разглядывали птенцов. Родители приносили им корм. Уцепившись лапками за край гнезда, они клали в широко открытый клюв ближайшего птенца пучок мошек и улетали за новой добычей. Птенец скрывался в гнезде, а остальные терпеливо ожидали своей порции. Мы подметили: в одних гнездах птенцы были покрупнее, значит, постарше,

в других помельче, помоложе. Видно, позже вывелись. И вдруг наши наблюдения прервались самым неожиданным образом.

Здесь же, на верхней палубе, находилась комната отдыха для пассажиров с детьми и рядом с нею — медицинский пункт. Дверь медпункта распахнулась, и на пороге появилась женщина в белом халате. Сердито глянула она на гнезда ласточек, на плафоны, где белели кружки птичьего помета. Потом пришла женщина в черном халате со шваброй. Тоже глянула вверх, приставила швабру к стене, а затем ушла и вскоре вернулась с длинной

доской. Не успели мы сообразить что к чему, как она уже ткнула торцом доски в гнездо. Большой кусок отвалился и грохнулся на палубу, и с ним выпали два птенца.

Юра только было раскрыл рот, чтобы предупредить, что там маленькие птенчики, а женщина уже ударила доской по второму гнезду, и с его обломками к нашим ногам упали два живых пушистых комочка. Третий птенец остался в корытце полуразрушенного гнезда и удивленно поглядывал сверху на людей.

Юра нагнулся и взял воронков, растерянно посмотрел на

меня. К счастью, птенцы не разбились. Они успели расправить крылышки и затормозили падение.

— Что я наделала! — ахнула женщина в черном халате. Заглянула в Юрины ладошки, где пугливо жалась друг к другу желторотые воронки, и принялась давать нам какие-то никчемные советы. Женщина в белом халате все так же сердито поглядывала на остальные гнезда. Я подумал: не будь нас, она, пожалуй, вышвырнула бы птенцов за борт.

Посадили мы воронков в Юрину фуражку и, не зная, как быть, спустились к причалу. Возвращаться домой — сохнет долгожданный поход к змейкам. Да и что делать с птенцами дома? Прошлом лето безуспешно пытались мы выкормить молодую ласточку-береговушку и куличка-зуйка с поврежденным крылом, которых подобрали на берегу. Обе птички погибли. И не хотелось повторять печальный опыт. Напряженно искал я способ спасения птенцов и не находил. Вдруг вспомнился мне обрыв на противоположном берегу Камы. Сказал о нем Юре. Он понял меня, повеселел, и мы поторопились прыгнуть на борт катера, который уже дважды просигнализировал и отдавал швартовы.

А теперь, пока наше небольшое судно будет плыть по Каме, мы отвлечемся от сюжета и поразмыслим над тем, что произошло на дебаркадере...

Кажется, тут было все просто: птичий помет возле медицинского пункта — беспорядок. И источник беспорядка ликвидировали. (Все-таки все гнезда у плафонов разорили.) О птицах не думали. И о себе не подумали. А может быть, то, что ласточки здесь, на дебаркадере, — это хорошо? На окнах и на столиках детской комнаты мы видели игрушки, и среди них были пластмассовые оранжевые птички. Так разве не интересней и не по-

лезней ребенку любоваться живой птичкой в гнезде у окна, чем мять в руках пластмассу...

На улице Студенческой в Свердловске под карнизом старого дома, по соседству с моим новым бескарнизным пятиэтажным домом, много лет селилась колония воронков. Подошел как-то черед красить фасады, а маляры соскребли лопатками ласточкины гнезда. О птицах как о живых существах, наших соседях, и здесь тоже не подумали. По технологии тоже все ясно: перед покраской полагается поверхность стены зачистить, подмазать, загрунтовать. Все это соблюли, а ласточек уничтожили. Лишь через несколько лет появилось под этим карнизом одно-единственное гнездо.

Через два дома на этой же улице стоит школа. По моей просьбе учительница Клара Владимировна Щукина заинтересовалась: знают ли ее первоклассники ласточку, видели ли гнездо? Оказалось, знают и довольно хорошо. И гнездо видели. На этом доме и на многих других в округе школы. Кто-то вспомнил гнездо касатки в деревне под крышей хлева. Ласточка жила в душе ребенка. Оно и понятно: ведь, как сказал поэт, «с нею солнце краше и весна милей». Ласточка — спутник человека, символ нашей природы. Еще на заре русской поэзии большое стихотворение о ласточке сочинил Державин. О гнезде этой птицы написали стихи Майков и Никитин. Образ ласточки вырисован в стихах Кольцова, Фета, Плещеева, Алексея Константиновича Толстого, в произведениях народного творчества.

В далекую пору моего детства в нашей деревне Семеновке никто не смел разорить ласточкино гнездо. Бывало, деды стоят возле него и любят. А вечером вся деревня слушает приятные щебетанья касаток, сидящих на стрехе или на плетне. Не за одно пение

оберегали крестьяне своих пернатых соседей. Дружно сопровождали касатки деревенское стадо и вылавливали над ним надоедливую мошкарку. А то сядут птицы на спину коня или коровы и очищают шерсть от мучителей-паутов.

В отдаленном прошлом воронки и касатки гнездились по берегам горных рек, в пещерах или в расщелинах скал. Расселяясь и осваивая новые территории, ласточки прилетели в человеческие селения, где постройки оказались очень похожими на их родные скалы и пещеры.

Несколько лет назад на дебаркадере в Сарапуле воронков не было. Оттого ль, что их стало больше, или оттого, что многие здания на берегу, где они раньше строили гнезда, снесли, воронки облюбовали плафоны дебаркадера. У осветительных плафонов есть гнезда воронков и в Свердловске, в самом его центре. Зоологи установили, что городская ласточка наиболее активна в освоении новых мест обитания.

На примере ласточек мы видим, что некоторые животные сами приходят в город, в деревню. Другие животные оказываются на городской территории как бы по воле человека. Озеро Малый Шарташ, где этим летом мой помощник Юра обнаружил целое скопление серых и черных гадюк, когда-то было далеко от Свердловска. Теперь оно входит в городскую черту, окольцовано кварталами многоэтажных домов. Змеи, конечно, не знают об этом и продолжают жить на «своей» земле. Как жили, так пока и живут возле Малого Шарташа лоси и многие другие звери, птицы, амфибии, насекомые, хотя и стали они уже горожанами.

Против Малого Шарташа, по другую сторону Сибирского тракта, есть обширный луг, упирающийся прямо в городские кварталы. Пересвистываются тут суслики, поют соловьи, летают луни, ястребы,

соколы, гнездятся чибисы, утки... Не помеха им ни городские автобусы, ни пригородные электрички, ни пешеходы.

Человек и фауна как бы движутся навстречу друг другу, наслаивая «сферы влияния». Движение животного бессознательно. Движение человека осознанно, целенаправленно. Он оттесняет дикую природу, освобождая для себя место: вырубает леса, распахивает землю, осушает болота, строит здания, изменяет тем или иным способом дикую флору. В результате человек сужает области распространения животных, сокращает, дробит или вовсе уничтожает места обитания отдельных популяций или целого вида животных. В результате некоторые виды животных исчезают, сокращается численность других видов. Животный мир Земли становится беднее. Экологическое равновесие в природе нарушено, а это грозит неисчислимыми бедрами. Человек еще невнимательно смотрит вперед...

Постепенно мы начинаем осознавать, что род человеческий, как ветвь единого древа мира животных, не может сохранить себя без связи со стволом этого древа, с его корнями и с другими ветвями. Сосуществование на одной территории людей и фауны не только неизбежно, но и необходимо. Ныне ставится задача экологизации города: сохранения в его границах имеющихся и создания новых больших и малых островов, где жили бы звери и птицы. Таких, к примеру, как Малый Шарташ. Или то же гнездовье воронков на дебаркадере. Не слишком ли расточительно соблюдать чистоту на палубе ценой истребления колонии ласточек? Не проще ли мокрой шваброй лишний раз провести по ней и смыть помет? Осознать себя хранителем и опекуном братьев наших меньших — вот что требуется от нас сейчас!

Один из аспектов экологиза-

ции города — регулирование численности животных. К примеру, серых ворон, которые уже перенаселили город. Они уничтожают других птиц, наносят большой вред городской фауне. Гнездо чибиса — это открытая лунка на земле, в которой лежат несколько темно-зеленых в крапинку яиц. В мае на упомянутом лугу серые вороны за какую-нибудь неделю выкрали яйца из всех гнезд, и чибисы не вывели потомства. Мне известны места под Свердловском, где из-за разбоя серых ворон вовсе перевелись плиски — желтые трясогузки, сократилось число уток, чаек, куликов.

Но и в перенаселении ворон опять же повинен человек. В городе слишком много свалок и помоек, где вороны находят обильный корм. Не будет свалок — уменьшится число ворон. Так можно регулировать численность, не прибегая к ружью...

А теперь вернемся на катер. Он уже огибает остров посреди реки и направляется к противоположному берегу. Юра, придерживая на коленях фуражку с воронками, вглядывается в темную стенку обрыва. Над нею кружилась большая стая береговушек. Они то опускались к самой воде, то взмывали вверх и улетали от реки на дальние луга.

Катер ткнулся носом в берег. Матрос перекинул трап, мы сбежали на песок и заторпились к обрыву. В нем чернели глубокие норы. В них устроены из травинки и пуха гнезда. Береговушки с ходу влетали туда с кормом в клювах. Юра поднес ладошку с воронком к норе. Птенец встрепенулся, сразу ожил и кинулся в глубь пещерки, семена лапками, будто в свое родное гнездо. В соседнюю нору посадили второго воронка. И он тоже, как домой, помчался в темноту. Мы удивились их прыти. Когда-то воронки, подобно береговушкам, рыли для гнезд

норы. Возможно, у птенцов сохранился древний инстинкт? Мы постояли у норы, послушали: в гнезде ни писка, ни шороха — тихо. И взрослые береговушки не проявили беспокойства...

С Созычихи, лесного кордона у старого пруда, принесли мы домой двух ужиков. Младший, всего-то чуть поболее карандаша, оказался существом покладистым, спокойным. Свернется колечком в ладошке и лежит, греется. Старший был построптивее, все поровил куда-то сбежать. Но скоро и он по привычке к нам. Кормили мы ужиков мясом, разрезанным на мелкие кусочки. Воду они пили из баночки. В другой — по очереди купались, плавали, стремительно описывая круги.

Вернувшись в Свердловск, мы провели змеек, живущих у Малого Шарташа. Погода стояла жаркая, и змеи грелись на солнце.

Время было грибное и ягодное. Люди приходили сюда с корзинками. Встретились нам здесь четыре девочки лет десяти. Они рвали в малиннике спелые ягоды. Я спросил: «А знаете вы, что здесь водятся змейки? Могут укусить!» Девочка в платке, повязанном уголкем, глянула на меня и ответила: «Знаем!» Потом произнесла наставительно: «Змейки дедушкин огород сторожат!» (Горожане садили на этой поляне картошку.) Вот так! Оказывается, змейка-то находится при деле, а не просто греется на солнышке. И внучка при деле. Так зачем им бояться друг друга? Какими путями пришла в голову этой малышке экологическая мудрость?

Так вот, и на дебаркадере ласточки при деле. И свиристель на свердловских улицах при деле, и лягушка на городском пруду... Вот это и надо нам всем понять: животные в городе состоят при деле.

Доброе утро, село!

Балтым — село на старом тагильском тракте близ Свердловска. Село тоже «в годах», с богатой родословной.

Много лет как ушла с тракта большая жизнь, и, казалось, селу тоже оставаться «в стороне» от нее, но случилось иное. Именно в Балтым зачастили сейчас гости со всех концов России. Здесь, на центральной усадьбе совхоза «Верхнепышминский», поднялся сельский поселок XXI века. Новые дома и улицы рядом с прежними балтымскими избами выглядят «как нарисованные».

Мне довелось быть на строительной площадке нового Балтыма в тот момент, когда шеф совхоза — комбинат «Уралэлектромедь» сдавал под ключ готовые дома-усадьбы. Заводские строители показывали просторные и светлые комнаты, веранды, баньки, кормокухни, помещения для скота, сеновалы, гаражи, кладовки — все это расположено удобно, на разных уровнях, но под одной крышей. Дом в нескольких уровнях удобен для семьи, жилые комнаты отделены от кухни, от подсобных помещений. Все постройки под одной крышей — тоже неплохо, учитывая капризы уральской погоды.

Десять проектных институтов, тридцать строительных и специализированных организаций участвовали в обновлении уральского села (вместе с Балтымом поднялся новый микрорайон в селе Патруши, центральной усадьбе колхоза имени Свердлова). Творческий конкурс ума и рук выдал «на-гора» 17 типов домов-усадеб. Все они с полным городским комфортом. Впрочем, сравнение устарело — редкая квартира в городе может похвалиться такими удобствами, такой продуманностью во всем, любовной отделкой деталей.

Стройка — экспериментальная. Видимо, некоторые варианты зданий будут отклонены жизнью, главным образом, из-за дороговизны, ибо они не «сориентированы» на поточный метод. Усадьбы пока обходятся в немалую копейку. Комбинат «Уралэлектромедь» — шеф застройки — на 21 дом затратил 2,5 миллиона рублей. Но тут надо учитывать, что тому, кто начинает, всегда трудно, что дома изготовлялись не серийно, а поштучно, что в новом селе прокладывали инженерные коммуникации, благоустраивалась территория... Словом, эксперимент и есть эксперимент.

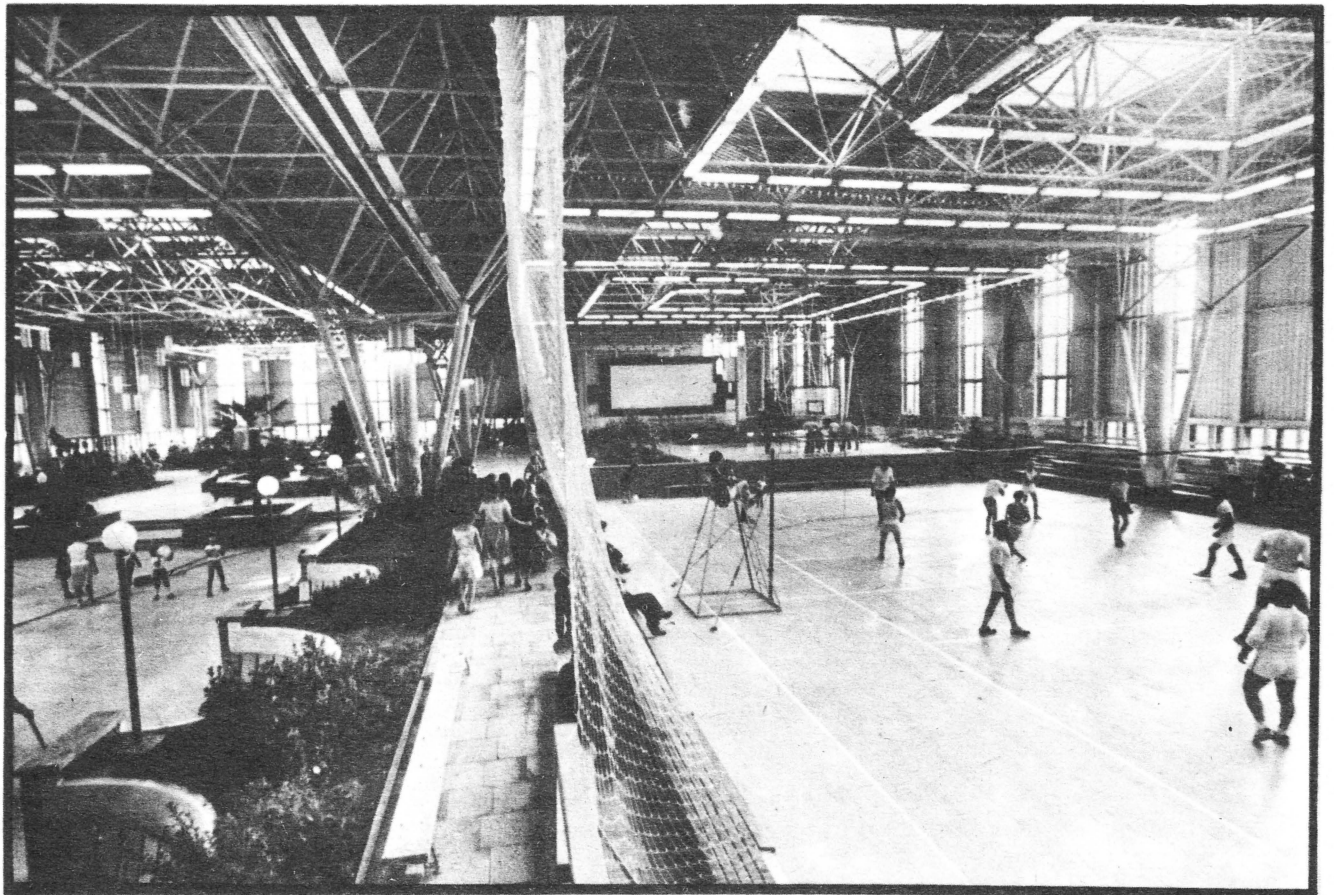
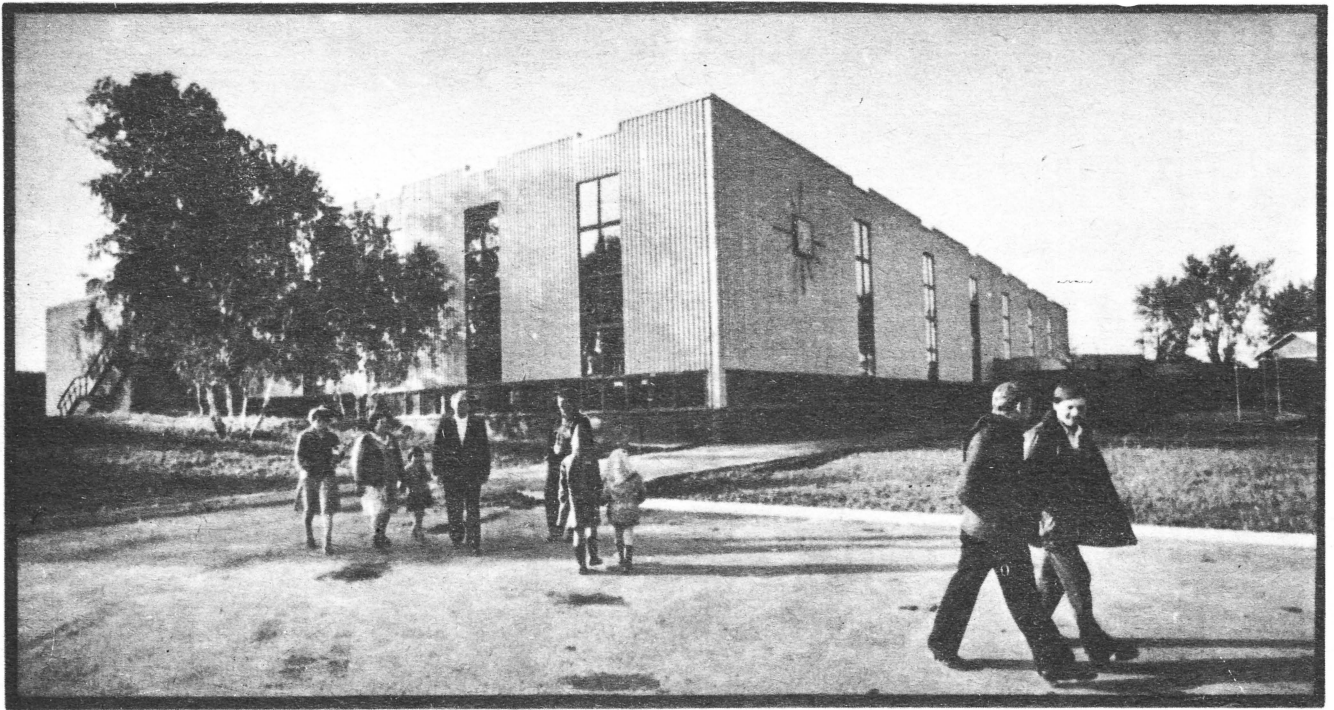
Любопытно, что немалая стоимость домов не пугает будущих жильцов: «Если можно купить усадьбы в рассрочку и поможет совхоз, то осилим. От таких домов ни нам, ни детям нашим не захочется уезжать». Новым поселкам дали «добро» и участники всероссийского совещания по комплексной застройке и благоустройству сел Нечерноземья.

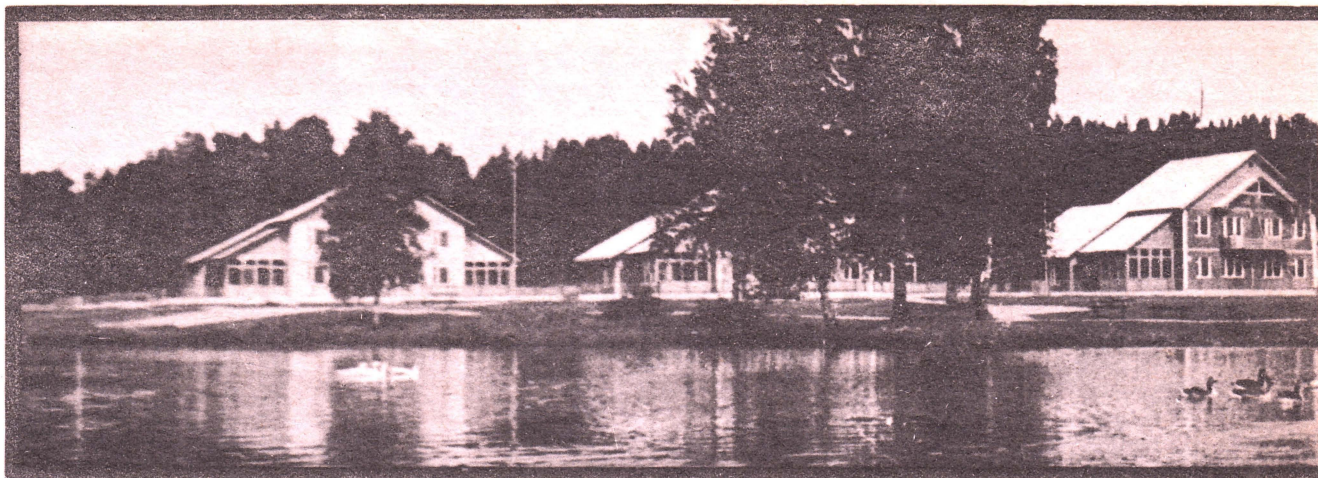
Деревянные кружева украшают окна, крылечки новых домов. Наружную отделку зданий вели ребята Бобровского художественного профессионально-технического училища. Училище славится юными мастерами: за последние годы они получили 70 медалей ВДНХ. Верится, что не раз и не два добрым словом вспомнят жильцы авторов деревянной резьбы, которая, право же, выполнена на уровне художественного творчества.

С добрым утром, новое уральское село!

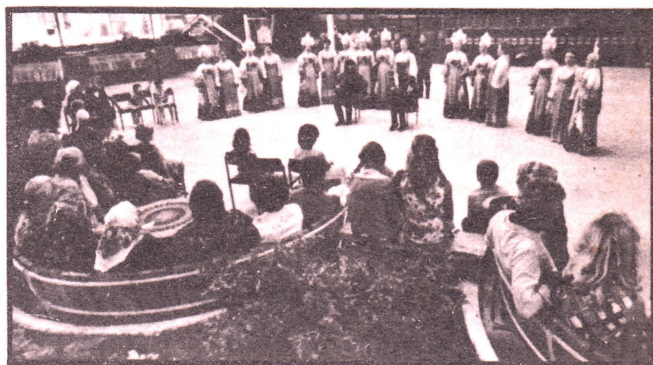
Вл. СТАРИКОВ

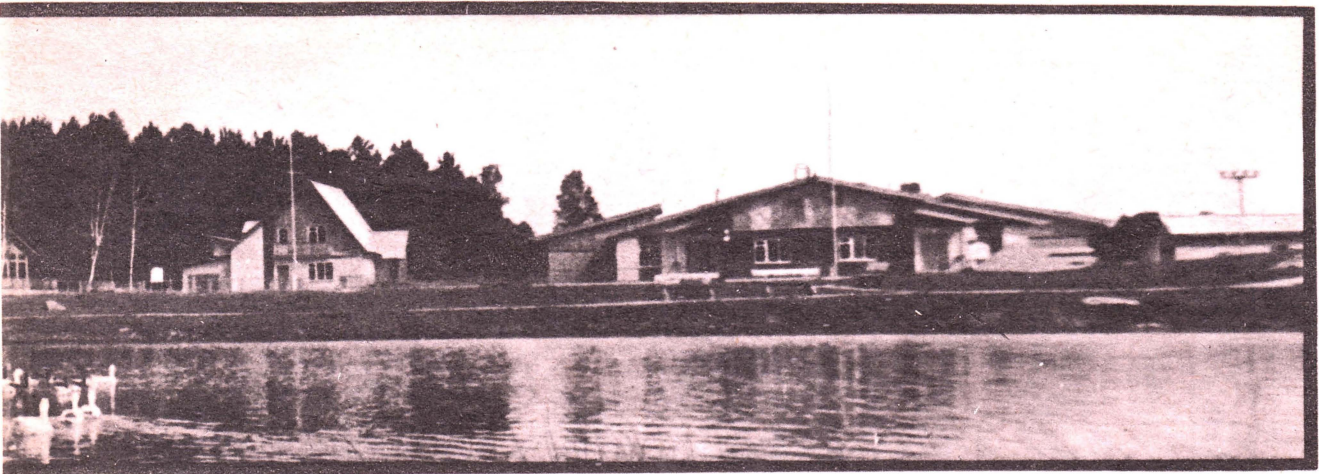
На 1—3 стр. вкладки
фото А. Лаптева

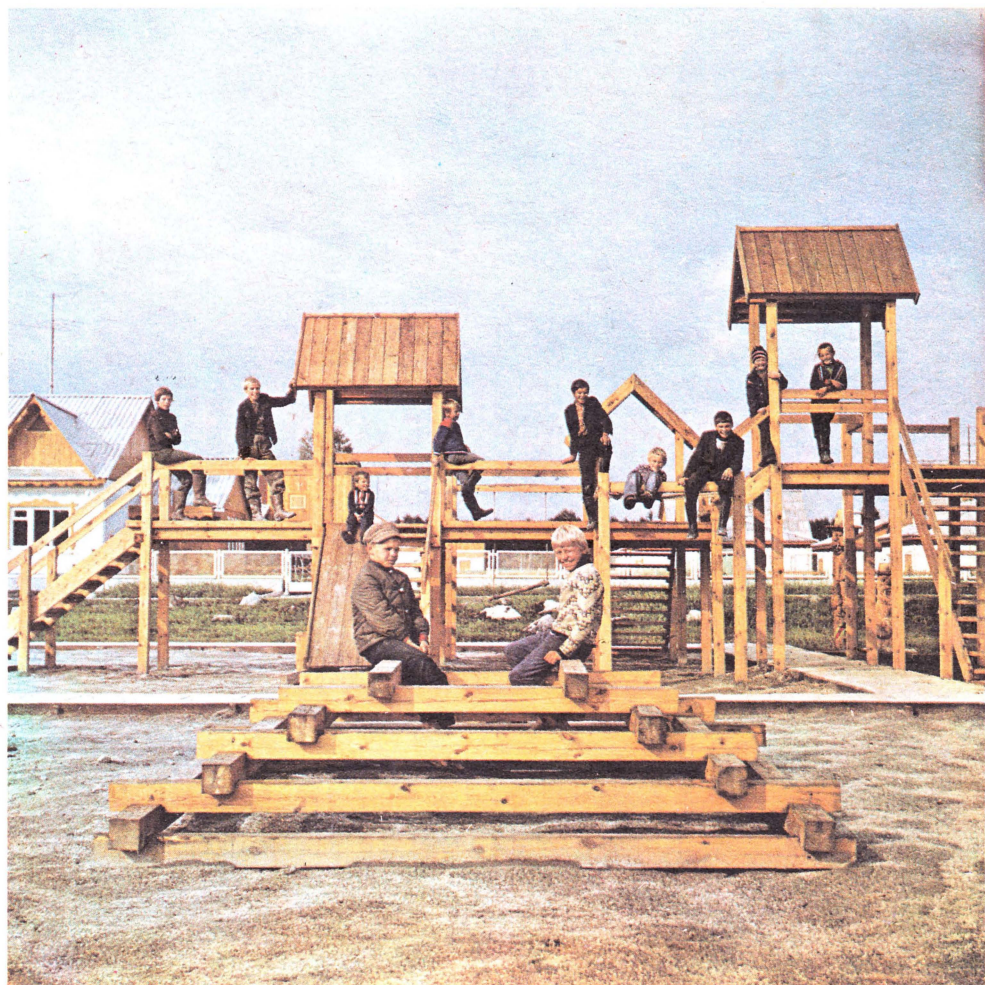
Новый Балтым... Культурно-спортивный центр поселка — оригинальное сооружение. Оно позволяет проводить одновременно несколько мероприятий. Хочешь — выходи на волейбольную площадку, играй. Хочешь — смотри концерт... Сегодня в гостях у балтымцев — народные артисты из самодеятельности города Березовского.

Для малышей открыт зал игровых автоматов. Есть и свой автодром, где азартные гонки могут продолжаться бесконечно.

Каждый дом нового Балтыма своеобразен, нет ни одного похожего. Многие украшены причудливой деревянной резьбой, сделанной руками юных уральских мастеров-краснодеревщиков.

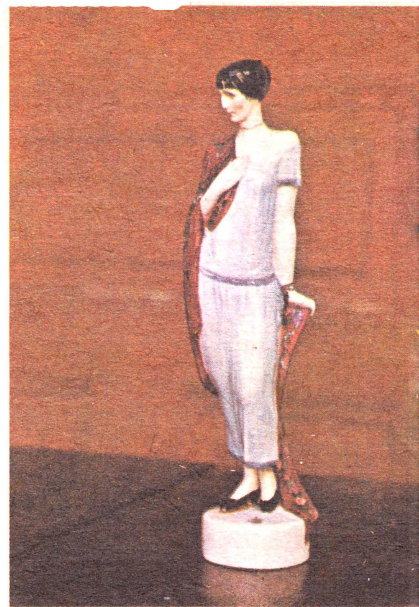

Ставропольская станица. 1780 г. Старинный рисунок.

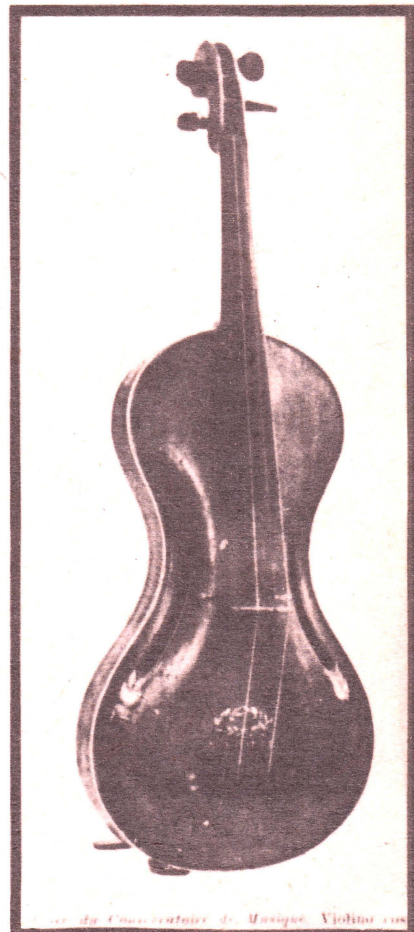
Ставрополь. «Лермонтовский» дуб.

Фото М. Баженова, А. Лаптева, Ю. Христинина.

Анна Ахматова. Работа Н. Данько

Сделана в мастерской Савара и посвящена Виотти.

Читайте стр. 33—35.

Судьба миниатюры

Марк
БАЖЕНОВ

Известно, что к образу Анны Ахматовой обращались многие мастера изобразительного искусства — как при ее жизни, так и после. А. Любимова, автор нескольких портретов поэтессы — графических и живописных, вспоминает: «Анна Андреевна сказала, что я двадцать второй художник, которому ей приходится позировать». Однако совершенно особое место в иконографии Ахматовой принадлежит ее портрету в технике фарфоровой миниатюры, выполненному Натальей Яковлевной Данько — одной из основоположниц советского художественного и агитационного фарфора. Она умерла в марте 1942 года в уральском городе Ирбите, куда была эвакуирована вместе с фарфоровым заводом из блокадного Ленинграда.

Тонкое чувство материала, меткость социальных и психологических характеристик в работах Н. Данько, созвучность их новому времени были единодушно отмечены критикой уже в 20-е годы.

Статуэтка «Анна Ахматова» была отлита в 1924 году на Ленинградском государственном фарфоровом заводе им. М. В. Ломоносова, где Н. Данько руководила скульптурной мастерской и где в музее хранится один экземпляр миниатюры. Надглазурную роспись ее, как, впрочем, и роспись

большинства других фарфоровых миниатюр мастера, сделала сестра Натальи Яковлевны — Елена, умершая тоже в 1942 году.

Эта небольшая скульптура (высота ее около 24 сантиметра) воссоздает образ молодой Ахматовой. Поэтесса стоит в длинном голубом платье с накинутой на правое плечо бордовой шалью в позе тещи: левая рука чуть отведена назад, придерживает спадающую шаль, правая — прижата к груди. Скульптору удалось выразительно передать душевное состояние, волнение, чувство внутреннего достоинства поэтессы, хотя фарфор, как известно, весьма «трудный» для пластики материал.

Миниатюра экспонировалась летом 1981 года в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина на ретроспективной выставке «Москва — Париж. 1900—1930».

Мы, члены музея Анны Ахматовой, созданного на общественных началах в городе Пушкине, задались целью выяснить, каков был тираж знаменитой миниатюры и где находятся отдельные ее экземпляры. Получить ответ «из первых рук» не удалось, так как архив 20-х годов на фарфоровом заводе не сохранился, очевидно, погиб во время блокады.

Стали искать — долго и трудно. Вот что удалось узнать. Один экземпляр статуэтки был подарен в 1930 году автором Максимилиану Волошину и с тех пор находится в доме поэта в Коктебеле. По словам жены поэта, статуэтка была отлита в количестве 25 экземпляров.

Еще об одной миниатюре рассказала в своих воспоминаниях об Анне Ахматовой ленинградская балерина Т. М. Вечеслова: «Был день моего рождения. Собрались друзья. Мы сидели за столом. Анна Андреевна опаздывала. Не было и Фаины Григорьевны Раневской. В разгар веселья появились

Анна Андреевна и Фаина Григорьевна.

— Танюша, вот вам мой подарок, — сказала Фаина Григорьевна. — Прошу любить и жаловать! — И она передала мне в руки небольшую коробочку. Я с любопытством открыла ее — там лежала статуэтка Анны Ахматовой работы Данько!..»

Ф. Г. Раневская сообщила, что эту статуэтку в свое время подарила ей Ахматова. Поэтессу и актрису связывала многолетняя дружба.

Еще об одном экземпляре статуэтки пишет сама Анна Ахматова в воспоминаниях о Мандельштаме («Листки из дневника»). В мае 1934 года, находясь в стесненных материальных обстоятельствах, она продала миниатюру С. Толстой, которая обещала передать ее в музей Союза писателей. Возможно, речь шла о теперешнем Государственном литературном музее. Но в фондах его миниатюры работы Н. Данько нет.

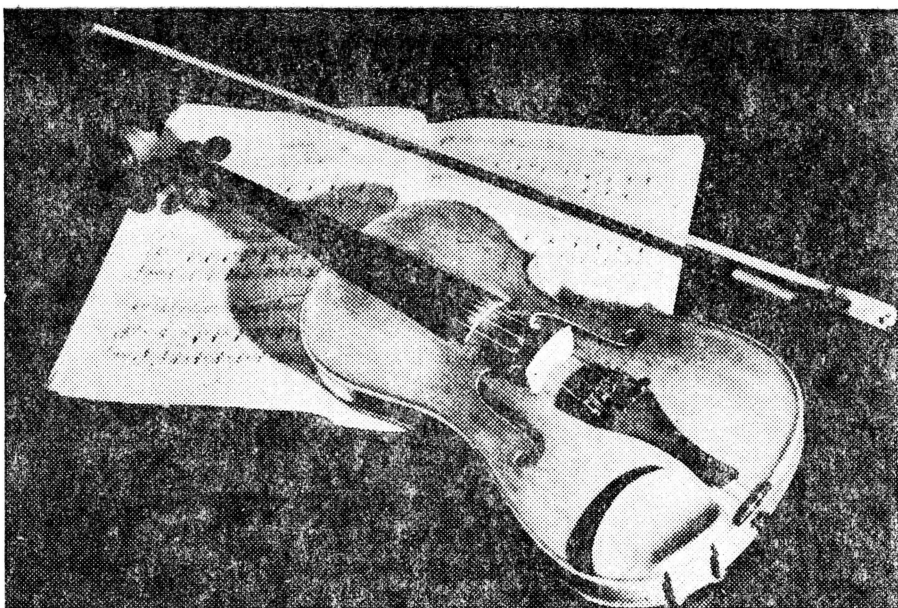
Две статуэтки, как выяснилось, хранятся в фонде прикладного искусства Государственного Русского музея. (Одна из них и была представлена на выставке «Москва — Париж...») Еще две есть соответственно в Киевском музее русского искусства и в домашнем собрании ленинградцев Рыбаковых. Любопытно, что именно в квартире И. И. Рыбакова и произошла встреча, знакомство Анны Ахматовой с Натальей Данько. В тот зимний вечер 1924 года А. Ахматова читала свои новые стихотворения. Тогда же у Н. Данько возникла идея создать образ поэтессы в фарфоре...

Теперь нам точно известны судьбы уже девяти статуэток «Анна Ахматова» работы Н. Данько. Пять из них являются собственностью государственных музеев.

Если было выпущено 25 статуэток, то где же остальные? Сохранились ли они?

СЕКРЕТЫ ВЕЛИКОГО КРЕМОНЦА

**Владимир
МИЛЬШТЕЙН**

Скрипка Кылосова (однобокая)

Эстрада парижских, так называемых Духовных концертов пользовалась непрекращаемой репутацией в Европе. Здесь собиралась самая знатная и вельможная публика, элита знатоков и ценителей музыки, законодатели мод. Выступить на этих подмостках почитал за честь любой музыкант.

23 марта 1782 года на эстраде парижских Духовных концертов выступил приезжий скрипач — итальянец Дж. Б. Виотти. Он исполнил концерт собственного сочинения, специально написанный им для этого дня.

Публика, чопорная и изысканная, была повержена в неописуемый восторг. Виотти был прекрасным музыкантом, может, и концерт он сочинил неплохой, но парижан ошеломила прежде всего сама скрипка — с голосом необычайной силы и глубины. Такую скрипку в музыкальной столице Европы — Париже слышали и видели впервые.

Дж. Б. Виотти играл на скрипке Страдивари, на одном

из лучших инструментов давно умершего уже кременского мастера.

Кременский чародей скрипок Антонио Страдивари за свою почти вековую жизнь (1644—1737) сделал около полутора тысяч инструментов. Почти каждая его скрипка настолько совершенна и по звучанию, и по качеству работы, что ее можно сравнивать с великими произведениями искусства, например, с картинами Рафаэля или пьесами Шекспира.

Однако слава и популярность пришли к Страдивари лишь много-много лет спустя после его смерти. В конце XVIII столетия скрипки тирольского мастера Штайнера стоили в пять-шесть раз дороже, чем творения Страдивари. Во Франции знатные вельможи за баснословные деньги покупали для своих коллекций скрипки Амати, а о существовании подлинных шедевров его земляка Страдивари ничего не знали.

Виотти открыл Страдивари не только для парижских меломанов, но и для французских

скрипичных мастеров. Инструменты кременца стали для них эталоном, образцом для подражания. Поначалу французские мастера — Люпо, Вильом, Турт и другие — просто копировали форму дек кременца, пользовались его лаком, считая, что в этом состоит главная тайна звука. Больше других преуспел в искусстве подражания Вильом. Его скрипки были так похожи на подлинники, что их порой не различали и, случалось, продавали как скрипки самого маэстро Страдивари.

Однако французский мастер не смог достичь самого главного — теплоты и выразительности звучания инструментов Страдивари.

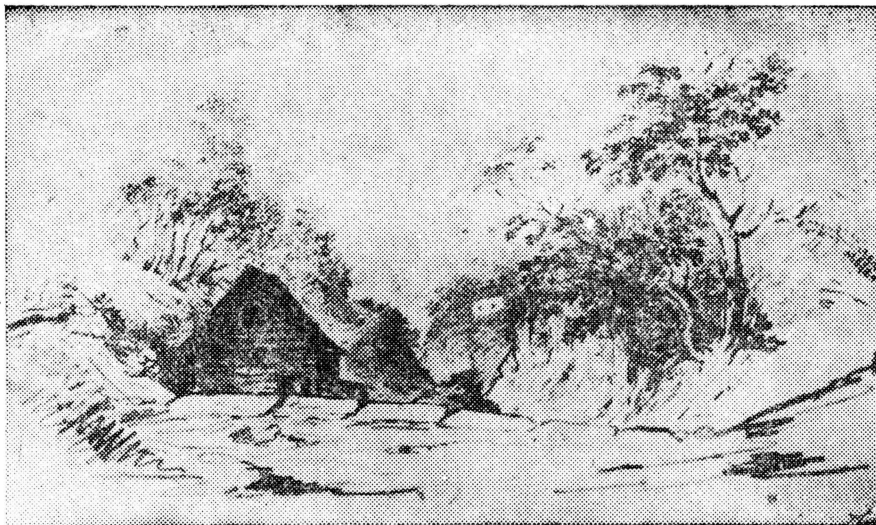
Известный французский ученый-физик Савар сделал важное открытие в области акустики скрипок — доказал, что деки инструментов Страдивари имеют гармоническую настройку, установил, на каком принципе она зиждется. Савар с помощью известных мастеров попытался создать скрипку совершенно нового типа, самых

изоощренных форм. Одну из них он подарил Виотти с такой надписью на верхней деке: «Посвящается Виотти — первому среди всех скрипачей». Итальянский виртуоз дал высокую оценку творению Савара, однако он ни разу не сыграл ни одного концерта на экспериментальном инструменте.

Вскоре все скрипки, что изобрел Савар, стали экспонатами музея Парижской консерватории.

В середине нынешнего столетия талантливый уральский мастер Андрей Семенович Кылосов, решив увеличить амплитуду звучания низкого регистра, сделал одностороннюю скрипку — округлой формы со стороны баска. Она блестяще выглядела и вроде бы пела неплохо, но те скрипки, которые сделал мастер по классическому эталону, были намного лучше...

Современные скрипичные мастера, ученые, вооруженные самой совершенной техникой, тщательнейшим образом изучают шедевры Страдивари. Они пришли к выводу, что его секреты состоят в гармоническом единстве многих компонентов — подборе дерева, настройке дек, грунте, лаке... Также замечено, что даже при идеальной правильности всех компонентов в каждом отдельном инструменте есть нечто и неповторимое, свое. Возможно, со временем, путем новых поисков и экспериментов удастся раскрыть гениальное страдивариевское «чуть-чуть».

ЛЕРМОНТОВ В СТАВРОПОЛЕ

Юрий ХРИСТИНИН

Каждому известны лермонтовские места в Москве, Ленинграде, Пензе, Тарханах, Пятигорске, Кисловодске. Они хорошо изучены, о них написаны книги. А вот подобные места в Ставрополе до сих пор почему-то остались без должного внимания, хотя Лермонтов побывал в этом городе не меньше пятнадцати раз.

Впервые Лермонтов был в Ставрополе проездом на Горячие Воды в 1820 году, затем еще через пять лет: Е. А. Арсентьева привозила туда слабого здоровьем любимца-внука. Весной 1837 года поэт, попавший в немилость царя и назначенный на службу в Нижегородский драгунский полк, прибыл в Ставрополь. Здесь жила семья генерала Петрова, дяди Лермонтова по материнской линии.

Дом Петровых, где останавливался Лермонтов, сохранился, он стоит в самом центре Ставрополя. Дом взят под государственную охрану, но, к сожалению, не отмечен хотя бы простой мемориальной доской.

Друзья поэта в своих воспоминаниях, биографы неизменно упоминают о «Ставропольском кружке» Лермонтова, который собирался в доме офицера И. А. Вревского. По соседству жил доктор Н. В. Майер, ставший прототипом одного из главных героев «Героя нашего времени». На одном из собраний кружка Лермонтов, возможно, и набросал рисунок «Сцены из ставропольской жизни».

13 мая 1837 года Лермонтов, простудившись по дороге, подал в штаб рапорт о болезни, и был определен на излечение в госпиталь. Здание госпиталя, кстати, сохранилось до сих пор.

Из госпиталя Лермонтов совершал частые прогулки к Волобуевой мельнице, расположенной на реке Ташле. На рукописи «Демона» поэт набросал рисунок этого живописного уголка.

Долгие годы достопримечательностью города был и знаменитый 700-летний Лермонтовский дуб. По преданию, поэт не раз отдыхал под его густой сенью, написал здесь стихи о дубовом листке, который отрывался от ветки родимой... Но время неумолимо: летом прошлого года гигантское дерево рухнуло. Работникам ботанического сада удалось укоренить один из побегов патриарха кавказской фауны, и дуб продолжает расти, напоминая о прошлом.

Сохранилось в Ставрополе здание бывшей почтовой станции, на которой неоднократно останавливался Лермонтов. Но и этот дом ничем не отмечен. Стала Центральным парком культуры и отдыха имени Ленинского комсомола бывшая Бабина роща, где Лермонтов, бывало, проводил целые дни. Его помнят там старые дубы и липы...

На снимке: «Волобуева мельница». Рис. М. Ю. Лермонтова.

ПУСТЫНЯ ЖИЗНИ

Повесть

Дмитрий
БИЛЕНКИН

Рисунки
Е. Стерлиговой

Глава восьмая

Молниеносным движением я нажал на все выключатели сразу, то есть продублировал действие автомата, который должен был сделать все за меня и, надо полагать, сделал. Разумеется, сделал, мое вмешательство ничего не изменило. Я и так не сомневался, что кибермозг отключил главный ход тотчас после «проявления» (иначе не было бы и самого «проявления»), просто во мне тлела надежда, что из-за каких-то неполадок в цепи тормозная система спуска еще продолжала работать на холостом ходу.

Наивная, конечно, надежда, ведь я не ощущал никакой вибрации. Но не сидеть же сложа руки! Теперь я сделал все, что мог, а световой барабан продолжал вращаться, энергия утекала или ее что-то высасывало из машины, как кровь из сердца.

Но не могло быть такого вампира! Тогда что же случилось, что?!

Наконец бег цифр замедлился. Это не было обманом зрения, расход энергии падал. Подавшись вперед, я с надеждой следил за этим замедлением, хотя оно уже ни на что не могло повлиять.

Все тише, все медленней... Я обливался потом, ничего другого, кроме скольжения цифр, для меня не существовало. Наконец барабан замер. В боковом окошечке цифры продолжали сновать, но эта была мелочь, жалкие киловатты, которые тратились на работу кибермозга, на освещение и тому подобное.

Никакого резерва на возвращение не осталось. Более того! Все хитроумные накопители солнечной и ей подобной энергии, которые были придуманы на случай перерасхода, эту убыль могли восполнить разве что за тысячу лет.

Окончание. Начало см. в № 10.

Я влип.

Но больше всего в ту минуту меня напугала не перспектива собственной гибели, не провал всех наших замыслов, а полное непонимание случившегося. Энергия не могла исчезнуть так внезапно, потратиться неизвестно на что, пропасть незамеченно, но именно это и произошло.

Я высветил график расхода, прокрутил его от момента старта до момента «проявления». Это кое-что дало. Кривая, в общем, соответствовала расчетной, все шло как надо до тех пор, пока аппарат не «проявился». Тут она взлетела пиком! И каким... А ведь меня даже не качнуло. Как это прикажете понимать? Очередной фокус времени?

Меж тем в кабине становилось все жарче. Так и должно было быть, корпус хроноскафа должен был при «проявлении» окутаться плазменным облаком и нагреться чувствительно для тех, кто находился внутри. Все было правильно. Думая о другом, я машинально повернул регулятор, но вместо ожидаемой прохлады из климатизатора дохнуло, как из печи. Система работала наоборот, хотя только что она действовала исправно! Но не могли же спятить законы термодинамики?!

Наружный термодатчик более чем скромно представлен на приборной панели; я повернул голову, чтобы разглядеть его циферблат, но не успел.

Это навалилось, едва я повернул голову. Ничего не было, ровно ничего, ни звука, ни тени, ни туманного образа; только сквозь броню стен, сквозь всю изоляцию, сквозь все, чем меня оградили, проступил взгляд. Не взгляд, конечно, что-то совсем иное, но в этом была такая темная, давящая, гипнотическая власть, что веки ответили ей чисто рефлекторным движением. Я зажмурился. Но это не отпустило меня. Огромное, как само время, неразличимое, оно, казалось, высасывало волю, как прежде высасывало энергию, давило на мозг, сгущало обжигающий воздух до невозможности вдоха. Сознание не затуманилось, а как бы застыло в этой тягучей лаве. В нем ничего не осталось, кроме видения жутко просвечивающих сквозь стены и веки, смутно затягивающих глаз. Не было сил ни закричать, ни вырваться из плена этой черной пустоты, в которой был мрак настойчивого, медленно засасывающего водоворота; лишь чей-то голос вдруг прозвенел в ушах: «Не поднимай век!».

Но что-то еще боролось во мне с наваждением, противилось тому, что обволокло машину и мозг. Я даже знал, что: гордость. Не моя, личная, гордость всего человеческого рода, который все-таки вышел к звездам и был готов идти дальше, какое бы неведомое ему ни грозило.

Внезапно давление ослабло, словно то, что было снаружи, отвлеклось или отодвинулось.

Пользуясь этим, я стряхнул оцепенение, с трудом разомкнул веки и глянул на датчик наружной температуры.

Его зашкалило! Его зашкалило, хотя он был рассчитан на жар вулканической лавы.

Да ведь я просто сварюсь...

Опережая мысль, руки скользнули к переключателям пульта, их движение обморочно отдалось в сердце, но машина уже рванулась сквозь время, прочь от того чудовищного, что на нее навалилось.

Я прыгнул на сутки вперед и, держа пальцы на переключателях хода, ждал, что теперь будет.

Из климатизатора хлынул морозный воздух, бодряще ожег лицо, в ушах зазвенело, как при рывке из глубины на поверхность.

Мокрой ладонью я отер в три ручья струящийся по лицу пот. О туманенный, как в бане, воздух отпотевал на стекле и металле, но то уже были пустяки. Что произошло, что навалилось на меня там, откуда я едва унес ноги?

Гадать было бесполезно. Аппараты и прежде не возвращались из прошлого, мне выпал не лучший шанс, но я по крайней мере остался жив.

Пока жив.

Датчик наружной температуры показывал уже нечто вполне приличное, в кабине было еще свыше сорока градусов, но климатизатор работал без фокусов, в полном согласии с известными законами термодинамики, так что все вскоре должно было охладиться. Я бегло взглянул на мокро блестящее лицо Эи, которая мирно продолжала спать, только рот был приоткрыт в частом натужном дыхании.

Здесь тоже все было в полном порядке. Откинувшись, я дал себе минуту роздыха. Я уже не боялся, что сквозь стену на меня глянет нечто. Но тень пережитого не исчезла. Я доверял технике, она подвела. Я доверял природе, она наслала на меня ужас. Я доверял науке, она ничего не смогла объяснить. Теперь я мог доверять только себе.

Мог ли?

Я чувствовал себя пылинкой в игре неведомых мне сил.

Ладно, посмотрим, еще не вечер, как говаривал мой прадед, когда я еще ходил пешком под стол.

Рука дрогнула, когда я протянул ее к рифленной кнопке включения обзора.

Стены кабины протаяли, в лицо хлынул нежаркий солнечный свет. Он падал с чистого, ласкового своей умиротворенностью неба, освещающая черную пустыню пожарища. Все вокруг было выжжено дотла, голо, лишь кое-где торчали обугленные колки пеньков, два или три из них еще курились прозрачно сизоватыми струйками

дыма. Ленивый ветерок нехотя мел по кочкам мутные завитки пепла.

Пожарище, просто пожарище. Секунду-другую я сидел, улыбаясь неизвестно чему, следил за кружением гаревых смерчков, наслаждаясь спокойствием по-осеннему неяркого неба. Дальний обзор с трех сторон заслоняли выжженные скаты холмов, зато впереди все просматривалось на многие километры. Там, за чертой гари, жухлая трава лугов сменялась пестро-желтым лесом. Далее земля как-то сразу и круто вздымалась отрогами гор, темнела откосами скал, высоко на гребнях и пиках сверкала белейшим снегом, который ниже чуть припудривал каменистые склоны. В одном из отрогов что-то дымилось. Над всем возвышалась двузубая, блестящая льдыстыми сколами гора.

Пора было будить Эю.

Она, как ребенок, сладко посапывала во сне и совершенно по-детски подтягивала к себе колени. Трудно было смотреть на нее без зависти. Все очевидное мной снаружи весьма совпало с тем, что она рассказывала о родных местах, а если так, то ее беды уже закончились. Бесхитростно, не ведая ни о чем, она дважды пересекла время, пожила среди своих отдаленных потомков, видела грядущее своего рода и с тем же незамутненным сознанием теперь возвращалась домой. Счастливая!

Я выключил обзор, достал ампулу, снял с нее протектор и приложил к запястью Эи. Бурая жидкость всосалась, не оставляя следа, минуту спустя по телу девушки пробежала дрожь, глаза открылись. Она подняла туманенные глаза, мгновение — и сон в них пропал. Еще мгновение — ее взгляд встретился с моим, надо полагать, далеко не безмятежным. Ее рука инстинктивно рискнула в поисках ножа, дубинки, любого оружия и, не найдя лучшего, ухватилась за мой разрядник; нам что-то грозит, вот как она все это поняла, и тотчас изготавилась к бою.

Благо враг был, конечно же, рядом.

Он был, это я ничего не видел и не понимал, она же с ходу сообразила, какова опасность. Вот вам, мудрые мои современники, задача: что увидела и поняла Эя?

Я, само собой, догадался лишь задним числом. Тесная кабина хроноскофа, разумеется, показала Эе пещерой. А в пещерном сумраке, понятно, могут скрываться хищники. И ведь мерцающие огоньки индикаторов так похожи на зрачки притаившихся в засаде животных! В особенности спросонья, в особенности для такого человека, как Эя.

Она успела замахнуться разрядником, словно дубинкой. Мне стоило немалых трудов ее удерживать и успокоить.

— Нет же, нет, — уговаривал я ее, когда она наконец затихла. — Это не глаза, видишь, я их трогаю, видишь? Можешь сама прикоснуться...

Она уже поняла свою ошибку, но окончательно ее убедило лишь осознание. Она тут же потеряла к огонькам всякий интерес.

— Где мы?

Хлынувший свет заставил ее зажмуриться и заслониться, но уже мгновение спустя она радостно вскрикнула:

— Вздох! Вздох!

Так, еще в моем времени, она называла двухзубую, самую приметную вершину родных мест. Больше никаких сомнений не осталось: мы находились там, куда стремились попасть.

Я заранее, чтобы не пугать Эю, отстегнул привязные ремни, она могла свободно двигаться и, конечно, рванулась наружу. И, конечно же, ее руки уперлись в стену.

Радость тут же сдуло с ее лица. Она еще раз, уже с недоверием коснулась стены, такой прозрачной для взгляда и такой непроницаемой на деле, и рассерженно мотнула головой.

Ладно, это неважно. Место, значит, то самое. Время — осень, тоже сходится. Но почему Эя словом не обмолвилась об этом столбе дыма в отрогах хребта, приметная же деталь... Броская, такую нельзя запомнить.

— Там что-то дымит, — сказал я. — Что бы, интересно, это могло быть?

— Дракон, — ответила Эя.

Так, так, дракон, стало быть... Что ж, дракон так дракон, огнедышащий, надо думать. Фумарола какая-нибудь, ничего удивительного. Тогда молчание Эи понятно. Дракон есть дракон, вряд ли его можно считать приметой местности, он же грозное существо, злой дух, который летает ночами, кушает маленьких непослушных детей или что там еще придумала их фантазия... Я в своем хроноскафе тоже гожусь на роль дракона, могу в этом качестве поспорить с любой фумаролой. Раз уж мне придется здесь жить до скончания века, то, безопасности ради, не установить ли таким манером собственный культик? Я и Снежка, дракон и драконесса, попробуй кто-нибудь подступиться... Из Эи можно сделать превосходную жрицу, она бы собирала дань с окрестных племен. Неплохая, что и говорить, перспектива, черный, не хуже суеверия, юмор.

Я отомкнул мембрану и вышел. С коротким вскриком, едва не сбив меня с ног, следом рванулась Эя. Мои ботинки глубоко ушли в пепел (говорю о своих, потому что Эя успела избавиться от этих непонятных и обременительных штуквин). В ноздри ударил мерзкий запах гари. К ногам, ластясь, подкатил черный смерчик, свернулся в порошистый клубок и пошел гулять дальше.

По лицу Эи текли слезы. Выскочив, она сразу упала на колени, ласкающим движением погладила черную землю. Теперь она верила, что глаза ей не лгут, и рвалась к дому, мне стоило

немалых трудов вернуть ее в хроноскаф и убедить, что до становища куда быстрее добраться с помощью «магии». Упоминание о магических силах, которыми я наделен, ее убедило. Конечно, мы познакомили ее с нашими машинами, она вроде бы даже поняла, что все это не наваждение, но в ее уме плохо укладывалось, что «скалы» движутся по воле человека. Вот летающий человек — это дело другое, в это она быстро поверила. Еще бы! Сказки зародились в глубокой древности, в них герой мог летать и летал, тут была прямая аналогия с птицами и видениями сна. Но чтобы огромные скалы мчались по небу с людьми, чтобы эти бездушные громады исполняли желание? Это так и осталось вне ее представлений, хотя я, конечно, не прав, называя скалы «бездушными»; для Эи все на свете было одушевлено, только по-разному. Возможно, именно это позволяло ей более или менее спокойно воспринимать наш мир.

Усадив ее и взяв слово, что она ни к чему не прикоснется, я двинул машину. Конечно, до стоябища, где жила Эя, быстрее всего можно было добраться по воздуху, но я не хотел привлекать внимания, тем более являть собой «дракона в небесах», и, приподняв аппарат на гравиподушке, тихо повел его к распадку леса. Разумеется, Эя поняла, почему я избрал околный путь, и заволновалась. Я не стал объяснять, просто сказал, что мы можем двигаться только так. Она не возразила, но, похоже, сделала для себя кое-какие выводы. Мое настроение Эя чувствовала хорошо, и оно, видимо, вернуло ее к первоначальной догадке, что где-то неподалеку спрятался враг, столь же могущественный, как я сам. Если бы я не взял с нее слова сидеть неподвижно, какой-нибудь рычаг, боюсь, был бы на всякий случай сломан и превращен в оружие. Иначе зачем ей было бы братья за ботинок? Озираясь по сторонам, она держала его в руке и при этом что-то шептала. Я так и не понял, чем он был для нее. Защитой, вроде креста и распятия, или оружием, тем более магическим, что ботинок оставался частичкой нашего, условно, таинственного и могучего мира? Не знаю, не знаю, что намешалось в ее голове; легче понять инвариантность перехода во времени, чем это.

Я спешил, как только мог, однако извилистые распадки и чащоба водоразделов, которые приходилось пересекать, задерживали движение, отчего прошло не менее часа, прежде чем мы приблизились к цели. Эя едва сдерживала возбуждение, да и я тоже. Наконец позади остался последний завал. Чтобы не обнаруживать себя, я притормозил машину метрах в десяти от перегиба возвышенности, завел ее в густую тень подлеска, вылез сам и выпустил Эю. Несколько шагов — и мы оказались на краю гребня.

Внизу в солнечной безмятежности нежилась

продолговатое озеро, к его берегам подступали березы и сосны. Воду полосами морщила блеская рябь. Ток-ток-ток! — где-то неподалеку стучал дятел, которого ничуть не волновали всякие там хроноскафы. Меж соснами противоположного берега просматривались конусы хижин, несколько узких долбленок было приткнуто в камышах. Все в точности отвечало описаниям Эи. Сердце забилося так гулко, что я ухватился за ствол дерева: там, в одной из хижин, должна была находиться Снежка.

Могла находиться, тут же остерег я себя.

— Вот ты и дома... — сказал я Эе.

Ответом было молчание. Ноздри Эи раздувались, словно она принюхивалась, вид у нее был скорей хмурый, чем радостный.

— В чем дело? — встревоженно спросил я.

Лицо девушки, по которому скользила зыбкая тень листвы, казалось вырезанным из потемнелого дерева. Я схватил бинокль. Что ее повергло в столбняк? Люди покинули стойбище? Мы попали не в ту осень? Изображение прыгало, от волнения я не сразу поймал то, что хотел. Наконец мне удалось справиться с оптикой.

Постройки оказались сложнее, чем это виделось издали, каждая хижина представляла собой равноугольную спираль, такая их геометрия благоприятствовала сохранению тепла центрального очага и оттоку дыма наверх. Там, где серые следи стен, сходясь на конус, собирались в пучок, они были черны от сажи и копоти. Машинально я отметил поразившую меня деталь: следовавшие за палеолитом тысячелетия отвергли эту спиралевидную, как у ракушек, планировку жилищ, зато ее возродило наше время, на совершенно ином, разумеется, качественном уровне, ведь наши эмбриодомы тоже обрели сходство с ракушками...

Возле одной из хижин не то дрались, не то возились лопухие собаки. Затем в поле зрения вдвинулись самые обычные, грубо сколоченные качели. Далее за кустами просматривался резной столб, очевидно, какой-то тотем; глубокие затесы создавали свирепое подобие человеческого лица, провалы губ, похоже, чернели запекшейся кровью. Я содрогнулся при мысли, чья это может быть кровь, и поспешил подавить отчаяние.

Люди здесь были. На тропинке возникла похожая на бабу-ягу старуха в облезлой, мехом наружу, накидке, с мотающимся на дряблой шее костяным ожерельем и с палкой в руках. Спекшееся морщинами лицо глядело маской, так густо его покрывала черно-багровая то ли раскраска, то ли татуировка. Старуха приостановилась, ее подбородок затрясся, по-лягушачьи приоткрывая провал беззубого рта. Проследивая ее взгляд, я сместил бинокль и увидел голого пузатого ребятенка, который справлял малую

нужду и, заслышав голос, стремглав припустил к хижине. Туда же заковыляла старуха. Нет, отвернула к другой, самой высокой хижине. Стойбище жило, там вроде бы все было в порядке.

Я опустил бинокль и нетерпеливо взглянул на Эю. Ее глаза темно блестели, руки, точно сдерживая крик, были прижаты к груди.

— Иду, — сказала она отрывисто. — Жди!

— Снежка... Она...

— Увижу, увижу!

— Твои близкие там?

— Да, да!

Она дрожала от нетерпения, мыслями была уже там, в хижинах, все остальное, казалось, ее ничуть не волновало, но это было не совсем так.

— Твой враг не нападет? — спросила она внезапно.

— Нет, — ответил я со всей уверенностью, на которую был способен. — А что?

— Тогда жди. Не показывайся.

— Хорошо. Когда ты вернешься?

— Не знаю. День ежа укрытен и долот!

Лингвасцет все переводил исправно, но был ли это разговор на одном и том же языке? Я не успел ничего уточнить, Эя скользнула вниз, сбегала бесшумно, как тень, и тут же пропала, будто растворилась в воздухе.

Снова я обнаружил ее, когда она уже плыла по озеру. Одежду она, видимо, скинула на берегу, потому что на ней, когда она вылезла, не оказалось ни лоскута. Выйдя, Эя отряхнулась и, вопреки моим ожиданиям, не взбежала наверх. Некоторое время она зачем-то принюхивалась к своим мокро струящимся волосам, затем нарвала какую-то траву, втерла ее в волосы, прополоскала, потом, сев на корточки, принялась разрисовывать себя глиной. Я ожидал, что появление Эи будет замечено и на берег высыплют ее соплеменники. Никто не показался. Эя наконец закончила свой ритуальный, надо полагать, туалет и медленно, каким-то непонятным зигзагом, двинулась к самой большой и высокой хижине, куда было прошла старуха.

Наблюдая в бинокль, я ждал, что будет дальше. Крики изумления, радостный шум? Эя скрылась. Все было тихо.

Впрочем, так длилось недолго. Несколько минут спустя по тропинке просеменила уже знакомая мне баба-яга. Гортанно, с надрывом прокричала что-то, лингвасцет ничего не перевел. Задохнулась от усилия, старчески обмякла. Ей могло быть и сто, и сорок лет, люди ее времени стареют быстро. Наконец она перевела дыхание и прошла к идолу. Куст мешал видеть, что она там делает. Похоже, старуха разожгла костер, так как вскоре там взвился дымок. И, словно это была команда, стойбище ожило. К идолу потянулись люди. Трудно было различить, кто молод, кто стар, кто мужчина и кто женщина,

так одинаково были разрисованы лица и однотипны одежды. Все шли с оружием в руках. Кое-кто вроде бы с беспокойством поглядывал на небо. Детей в этой толпе не было.

Все сгрудились возле костра. Сомкнувшиеся спины, вдобавок кустарник, не позволяли видеть, что там происходит. Отдельных слов нельзя было разобрать. Дым стал гуще, повалил клубами. Иногда в бинокле возникали отдельные, ничего мне не говорящие из-за раскраски лица, словно там двигались не люди, а какие-то непостижимые насекомые, которые приняли облик людей. От нетерпения я переходил с места на место, даже залез на дерево, но там мне помешала листва. Впрочем, Снежка вряд ли могла участвовать в этом таинстве. Вообще надо было набраться терпения, только так и можно в этой неспешной теперь жизни.

Дым тем временем опал, все стали молча расходиться. Кучка людей двинулась к той хижине, куда зашла Эя. Вскоре снаружи не осталось никого.

Чужая жизнь — загадка, доисторическая — вдвойне, я так ничего и не понял. Шло время, в поселке ничего не менялось. Лишь изредка пробегали собаки, похоже, еще не научившиеся взбалмошным лаем доказывать свою бдительность и холопскую преданность хозяевам.

Солнце неспешно клонилось к вершинам, так же неспешно росли и удлинялись тени, сонно покачивались лапы сосен, во всем был невозмутимый покой осени, когда сама природа словно убаюкивает себя перед долгим зимним забвением. Первое время я беспокойно ходил взад и вперед, затем присел на поваленный ствол. Солнце еще пригревало, в ветвях тонко серебрилась паутина, дятел куда-то убрался, было тихо, лишь в озере иногда, будто нехотя, плескалась рыба. Дышалось здесь иначе, чем в моем времени, и думалось иначе, пространство не пронизывал обычный и потому незаметный, как фон, ток мыслей и чувств миллиардов людей, который ощущался всегда и везде, в самом глухом и укромном уголке моей Земли. Здесь его не было. Думалось расслабленно. Незаметно для себя я уже смирился с крахом надежд, не терзался загадками, которые так напугали меня, все это осталось в прошлом, и скорбеть о потерях не имело смысла, надо было мириться с настоящим. С тем, что этот мир теперь мой навсегда. Мой и Снежки. Только бы она была жива!

Иное время, нескончаемое, вековечное, завладело мною. Оно незримо присутствовало во всем, было столь же реально, как смиренный опад листьев, как их желтая круговерть в космическом предвечернем свете, как последнее тепло солнца в беспечальном небе, где даже суровая нагота снежных вершин смягчилась кротко гонимой дымкой простора. Прежде я бежал,

ежеминутно бежал, только сейчас я это почувствовал. Бег жил в моей крови всегда, до всех потрясений, мною всегда владел стремительный ритм эпохи, прежде я этого не замечал, как не замечают постоянного биения пульса, надо было вылететь на обочину, расстаться со всеми своими замыслами и надеждами, чтобы почувствовать это.

Мы гнали не одно столетие, гнали так, что ноги прикипели к педалям. Иначе мы не могли. В спину жалили болезни и голод, дорогу грозил перекрыть обвал экологической катастрофы, от многого надо было уйти, мы спешили уйти и ушли. Откормленный золотом монополий генерал такая же фигура музея, как закованный в металл рыцарь и троглодит с шипастой дубинкой. Хлеб не проблема, когда его можно делать из всего, в чем есть элементы жизни. У конвейера производства давно уже стоят не люди, а киберы, обременительная для Земли индустрия вынесена в космос, и воздух планеты свеж, как на заре человечества. Чего же еще? — сказали бы предки. Мечта осуществилась, живи и радуйся.

Будто когда-нибудь можно достичь всего... Будто мечта не бежит впереди человека. Когда есть хлеб, нужны звезды, близкие и далекие, небесные и земные. А где желанья, там и проблемы, там трудности, там бег. Нам бы ваши заботы! — снова могли бы сказать наши предки. Да, возможно. Но когда выясняется, что невысказанные для прошлого ресурсы энергии тем не менее вскоре могут иссякнуть, то одна эта малость не позволяет сладко вздремнуть у речки, и надо штурмовать какой-нибудь вакуум не только ради познания и чисто духовного им наслаждения. А сколько еще подобного, как непростое управление земной природой, как желанна, трудна и необходима эстетизация Земли, как трудно удержать, хотя бы удержать достигнутое равновесие! Нужны Атланты, а человек не рождается Атлантом, уж я-то знаю, насколько я сам далек от идеала, я, воспитатель. А тут еще законное и такое естественное желание человечества замедлить чрезмерный бег прогресса, спокойно насладиться его плодами. Только мы пожелали дать себе роздых после всех перевалов и круч, только нас поманил такой ровный, казалось бы, в весенних цветах, луг, как все рванулось из-под ног и грянуло хроноклазмами. Так и бывает, когда расслабляешься, когда очень хочешь сочетать достигнутое с тихой безмятежностью древнего, слитного с природой, бытия на земле, такого, как здесь, в этой тишине, в этой невозмутимости дремлющего на солнце селения. Грянувшее не рок, но и не случайность. Или все же случайность?

Я улыбнулся. Напрасные мысли. Что мне до них теперь? Я никогда не узнаю ответа. Отныне мне жить здесь, среди этих сосен и гор, в мире,

где незаметен бег минут и дней, где все соразмерно движению солнца, росту травы, опаданию листьев. Ты хотел покоя? Вот он, в шорохе сосен, в косом и неярком свете, который золотит все, к чему прикоснется, в запахах нетронутой земли, в светлом и безбрежном небе, знающем одних только птиц. Отныне это твой мир, твой и Снежки, если все закончится хорошо.

Золотистый свет расплылся перед глазами, я обнаружил, что плачу. Все, что жгучим комом застряло в душе,— и горечь утрат, и мука долга, и невозможность иной судьбы, и собственное бессилие, и подавленный страх перед неизвестным,— все вылилось теперь слезами. Я не вытирал их. С прошлым надо было проститься наедине, с прошлым, которое еще так недавно представлялось мне единственно возможным настоящим и будущим.

Не помню, сколько я так просидел. Тени уже накрыли склон, воздух похолодел, только озеро, вбирая последний свет, червонно и ало пылало внизу. Прохладным касанием по щеке скользнул опадающий лист.

Я вздрогнул! Где Эя?

В поселке мертвела тишина. Просматривались не все тропинки и хижинки, какое-то движение могло ускользнуть, однако любое громкое слово отозвалось бы и на этом берегу. Но слышен был только бухающий плеск рыбы.

Надвигалась ночь, а с ней неизвестность. Как же я мог забыть?

Я вскочил. Не зная, что делать, я закружился на месте. Во мне все заторопилось. Ждать? Идти самому? Почему Эя не показалась хотя бы на миг? Ее задержали?

Я порывисто оглянулся, крадучись отступил к машине, взгляделся в неясный сумрак леса. Никого, ничего, кроме серой глыбы хроносафа, такой внушительной и чуждой всему вокруг. Нет, нет, нелепо подозревать Эю в измене! Никто украдкой не зайдет сзади, не набросится на меня с тыла, это все ложные страхи, детские призраки одиночества и боязни.

Что же все-таки делать и надо ли? Ведь Эя не оговорила срок своего возвращения. Вдобавок внутреннее чувство подсказывало, что Снежка жива. Я продолжал верить в это, хотя, возможно, лишь потому, что ничего другого мне не оставалось. Но где же Эя, куда делись ее соплеменники?

Я так мало знал о ее мире, что не мог ни на что решиться. Может быть, все идет, как надо, что для них лишней час...

Хотя был уже вечер, нигде так и не занялся дымок очага. Никто не выходил наружу, не выпускал детей, все точно вымерло или уснуло. Нет, что-то во всем этом было не так, очень даже не так. Селение притаилось, замерло не к добру.

«День ежа». Как я мог забыть эти слова Эи,

не придать им значения! Еж свертывается, выставляя колючки, замирает, пока длится опасность, все очень и очень похоже. Это мне наблюдение за домами ничего не сказало, но Эя сразу уловила неладное, насторожилась, почувствовала тревогу своих близких. Что же крылось за этим, какая угроза? Звери не могли потревожить стойбище, человек задолго до этого времени стал самым свирепым хищником Земли, дома на него никто не осмелился бы напасть. Набег другого племени? Это было возможно. Но почему тогда нигде никаких дозорных, почему Эя не предупредила меня?

Не выдержав, я сбежал к озеру, но оттуда все видно было хуже, чем сверху. Круто поднимался противоположный скат, темная у берегов вода ходила кругами, будто ее поставили на огонь, всплескивалась с шумом, колыхала глянцево-листья кувшинок, жемчужно-розовела там, куда еще не дотянулись тени, жила своей жизнью, столь же далекой от человеческих забот, как первая искра звезды в синюющем крае неба.

Делать мне здесь было нечего, я поспешно вскарабкался наверх.

И тут я увидел Эю.

Она уже спустилась к воде, странно измененным шагом брела по песчаному намыву, шла так, будто вокруг была непроглядная тьма. Однако глаза ее не были слепы, незрячи скорей были сами движения, ноги ступали врозь, обвисшие, словно лишённые мускулов, руки колыхались не в такт шагам, в этой раскоординированности было что-то нечеловеческое, более похожее на походку поврежденного робота. В воду Эя вошла так, будто собиралась пересечь озеро пешком, и поплыла, лишь очутившись в воде по ноздри.

Я смотрел, обомлев.

Выходя на берег и поднимаясь по склону, она ни разу не замедлила шаг, не оступилась, но и не уклонялась от сомкнутых ветвей, не поднимала рук, чтобы отвести хлещущие удары, мерно шла напролом, и чем ближе она подходила, тем было очевидней, что движется не сам человек, а его подобие. Это было страшно, но в те мгновения во мне перегорел всякий испуг. Один! Я остался один среди смыкающихся теней ночи, потому что меня уже оставила всякая надежда увидеть Снежку, а в том, что ко мне приближалось, ничто не напоминало прежнюю Эю.

— Что с тобой? — отступая, прошептал я.

Ничто не изменилось в ее походке. Теперь нас разделяло всего несколько шагов, я отчетливо различал белое, как снег, лицо Эи, мертвенно-пустые глаза, капли воды на щеках. Она остановилась, как шла, губы не шевельнулись в ответ.

Шагнув, я судорожно сжал ее мокрые без-

вольные плечи, повернул лицо девушки к свету. Голова Эи запрокинулась, в зрачках пусто и призрачно качнулось вечернее небо, такое же стылое и чужое, как их взгляд.

— Что с тобой? — закричал я прямо в эти слепые неподвижные глаза.

— Я умерла, — прошепел едва различимый голос.

В дрогнувшие зрачки вкатилась прозрачная, крохотная в них луна. Мои сжатые пальцы осязали тепло человеческого тела, но это было все, что в нем осталось от жизни. То, что в детстве однажды глянуло на меня с могил, снова близко и жутко смотрело в упор, но там стояли наделенные бесплотным существованием, понятные мне нелюди, а здесь был живой мертвец.

Тут провал, дальнейших секунд я не помню. Возможно, минут? Что-то кинуло меня к машине. Я всем телом вжимаюсь в холодный металл, словно в нем избавление от того ужаса, который стоит за плечами. Бок машины дышит горе-

лой окалиной, в нем, знакомом, несомненность и моего существования. Там, внутри, четвертая в левом подлокотнике кнопка, крайняя; она от всего, от забвения и от безумия, от призраков и от страхов; возможно, она еще и от черной магии, которая живого человека обращает в ходячий труп. Я вламываюсь в машину, навстречу мне плещется тихий, такой родной и надежный, свет приборов.

Я валяюсь на сиденье, зализываю невесть откуда взявшуюся ссадину на пальце. Все в порядке, кнопка подождет. Меня колотит озноб, руки трясутся, но я быстро нахожу то, в чем нуждается Эя. Наука против колдовства, пусть так. И мне не помешает. В общем-то все равно, на что мне теперь жизнь? Может быть, она и ни к чему, но прежде разберемся. Эю в обиду я не дам. Не дождетесь, сволочи!

Глоток, этого достаточно. Теперь наружу.

Все серо, безвидно в сумерках. Эя тенью стоит там, где стояла, человек, из которого вы-

нули душу. И кто? Сородичи, близкие. Какая нелепая, чудовищная, непостижимая магия! Наш век близок к тому, чтобы вдохнуть разум в неживое, ее век, похоже, решил обратную задачу.

Что ж, поборемся. Вынуть-то душу вынули, а все-таки Эя вернулась ко мне. Все-таки вернулась...

Я поднес стимулятор к ее губам. Она их не разжала. Зачем мертвецу пить? Все верно. А зачем ему куда-то идти? Говорить?

— Пей!

Робот повинуется приказам, Эя повиновалась. Глоток перехватил ей дыхание, она закашлялась, согнулась пополам. Так, хорошо, мертвец не кашляет, вегетативка не поражена, ну, маленькая, ну, сестричка, оживай, наша магия посылает ее, психорол — это тебе не наговоры...

Я обнимал Эю, подбадривал, чувствовал, как под ладонями оживают мускулы, как теплеет изнутри худое озябшее тело, как одеревенелая кукла снова становится человеком, могущественная психохимия исправно делала свое доброе дело.

Потребуется ли еще внушение? Я вернулся к машине, достал запасную одежду и стал натягивать ее на Эю, чтобы девушку не доконал ночной холод. Она повиновалась, как ребенок, дышала мне в шею, казалось, безучастно принимала заботу, но стоило мне отодвинуться, чтобы затянуть молнию на куртке, как она рванулась, прижалась всем телом и, спрятав лицо на груди, заплакала молча, безнадежно, потерянно.

— Ну, что ты, что ты, — шептал я, глядя ее вздрагивающие плечи. — Все обошлось, все хорошо...

— Я мертвая, — она прижалась еще сильнее. — Мертвая, мертвая...

— Глупости! — я повернул ее лицо к себе. — Чушь! Ты дышишь, ты плачешь, ты живая. Живая! Я тебя расколдовал, понятно?

— Нет, — голос ее опять сник. — Ты не можешь.

— Почему?

Запинаясь, она объяснила, почему. И пока объясняла, из ее голоса уходила жизнь, лицо гасло, она удалялась от меня, точно и не плакала вовсе, не искала помощи и сочувствия, не была прильнувшим ко мне, как к матери или отцу, ребенком, таким непохожим ни на прежнюю Эю-воительницу, ни на недавнюю Эю-робота. Не все было ясно в ее словах, но кое о чем я мог бы и сам догадаться.

Родовое сознание — вот слова, которые объясняли многое, если не все. Человек, в отличие от многих других существ, не способен долго и без ущерба жить в одиночестве, этим он похож на пчелу или на муравья, ибо общество столь же властвует над душой, как земное тяготение над телом. Это так же верно для нас, как и для наших далеких предков. Вне общества посреди са-

мых райских кущ для нас расстилается незримая и неосязаемая, но не менее страшная, чем любая Сахара, пустыня жизни. До нее не надо далеко идти, она рядом, и только близость людей оградой встает меж ней и человеком. Но эта ограда может быть и фасадом дворца, и стеной каземата. Причем сразу тем и другим одновременно.

Для меня семьей было все человечество, для Эи — одно ее племя, и разница здесь не только количественная. Для историков памятен тот испуг, который возник в первые десятилетия научно-технической революции. Бездушная техника, к которой человек привязан, не лишает ли она души его самого? Роботизация — не роботизирует ли она человека? Не будет ли он стандартизирован, как машина? Не превратится ли в винтик, серийно штампуемый по всем правилам изощренной науки? Смятенному сознанию рисовались бесконечные, от полюса до полюса, шеренги людей, запрограммированных, как киберы.

Они не туда смотрели, эти встревоженные: то, что виделось им в грядущем, находилось в прошлом. В том времени, где немногие приравнивали многих к скоту, к предмету хозяйства и обихода, а это состояние повсеместно длилось не век и даже не тысячелетие. Там же, где дело до этого не дошло, там было другое. Свобода? Да, Эя, конечно же, не была рабой...

Она была членом родовой общины.

За пределами оазиса человека ждет жажда и смерть. За пределами рода может не быть ни жажды, ни голода, все равно участь отщепенца трагична. Того, кто надолго исчез и как-то сумел вернуться, род может счесть оборотнем, мертвецом, для него не найдется ни еды, ни крова, там, где он был счастлив, от него отшатываются мать и отец, дом, куда он из последних сил стремился, отвергает его, как зловещего призрака. И что бы живой мертвец ни говорил, ни делал, для него все бесполезно, он отторгнут и обречен, хуже чем прокаженный.

Это не правило, но и не исключение, это черта родового сознания, дичайшая и нелепейшая для нас, вполне понятная для людей далекого прошлого. Одиночка долго прожить не сможет, его погубит не голод, так хищники, не хищники, так что-то еще, это всем известно, не раз подтверждено опытом, а раз так, значит, после какого-то срока возвращается не человек, а дух. Нет жизни вне рода! Нет и не может быть, как в гиллой, за чертой оазиса, пустыне. А дух погибшего, оборотень, так же реален для древнего сознания, как вкрадчивый ход змеи, как удар небесного грома. Обратня надо заклясть и изгнать, чтобы он увел с собой смерть, лишь так можно обезопасить род. Ну, а в колдовское заклятье каждый верит настолько, что внушение убивает не хуже яда.

Эя вернулась слишком поздно. Вдобавок, если

я правильно понял, особую роль сыграли зловещие обстоятельства ее исчезновения. Так или иначе род счел Эю мертвецом. И она в это поверила. Не могла не поверить! Вот этого я постичь не мог, хотя знал, что именно так должно быть, хотя сама Эя, еще живая, еще говорящая, чувствующая, стояла передо мной в такой прострации, что даже могущий поднять покойника психорол вызвал в ней лишь краткую вспышку бодрости.

Но уж если это могучее средство оказалось бессильным... Моя наука могла заменить кровь — всю, до последней капли, могла дать другое сердце, другие глаза, но средства заменить психику я не знал. Неужели, ну, неужели эта сильная, смышленная, своенравная малышка и прежде была лишь оболочкой человека, маской, сквозь глазницы которой на меня смотрела не личность, а родовая душа? Душа, которую вот сейчас племя вынуло с той же легкостью, с какой мы вынимаем платок из кармана? Неужели все так просто, и в этом — вся тайна психики, кажущаяся нам безмерной, как звездное небо над головой?

Нет, подумал я с мрачной решимостью, еще не все средства испробованы. Но первоочередное сейчас не это...

— Ты меня слышишь, слышишь?

— Да.

— Ты видела Снежку?

— Нет.

— Узнала о ней что-нибудь?

— Да.

— Она жива?

— Нет.

— Ее убили?!

— Нет.

— Сама умерла?

— Нет.

— Так где же она? Что с ней?

— Ее принесли в жертву.

Я закрыл глаза. Рука сама собой дернулась к разряднику. Спокойно, осадил я себя, спокойно. Здесь нет извергов и убийц, здесь, на этой земле, есть только прошлое твоего рода.

— Где, когда и кому она принесена в жертву?

— Дракону.

— Какому дракону?!

— Тому, в горах.

— За что?!

— Так велел род.

— Эя, ты можешь объяснить? Что плохого сделала Снежка? Почему ее принесли в жертву? При чем тут дракон?

— Дракон летал и жег. Дракона надо было умилостивить.

Я вытер охолодевший пот.

— Когда это случилось?

— Вчера.

— Дракон... как он выглядит?

— Он ярче солнца и страшнее пожара.

— Дракон принял жертву?

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Он успокоился.

— К нему можно подойти?

— Нет.

— Как же тогда... как же ему доставили жертву?

— Положили перед ним на скалу.

— Живую?

— Да.

— Хватит! Летим к дракону.

Эя промолчала, ей было все равно. Она и отвечала, как говорящий автомат. Так же безропотно она дала себя усадить в машину.

Мне тоже было уже все равно.

Мы взлетели.

Глава девятая

Видел ли я что-нибудь, когда машина пронеслась над гребнем скал и черной щетиной леса? Все было чужим и мрачным. Небо, лишенное привычных огней внеземных поселений; сам наш полет над сумрачной в лунном свете землей; дракон, к которому мы мчались и который издали давал о себе знать багрово пульсирующим сиянием; мы сами, два безмолвных робота, которым уже все было безразлично.

Багровое свечение разгоралось. Его источник был скрыт за гребнем котловины, чьи угрюмые в складках теней утесы, приближаясь, все отчетливей выступали из мрака. Я был в том состоянии, когда мне ничего не стоило с ходу ринуться на любое, хоть из прошлого, хоть из будущего, чудовище, но испечься в лаве, которая, очевидно, и полыхала за гребнем, — до этого я еще не дошел. Прожекторами осветив склон, я осторожно замедлил ход и, приглядевшись, выбрал среди скал удобную для посадки площадку. Эя на все смотрела так же безучастно, как раньше, в ее темно неподвижных глазах глохли красноватые мятущиеся из-за скал отблески. Она была не здесь, не со мной, если вообще была. Я вышел один и, не поднимая головы, медленно, как приговоренный, взомел на гребень.

Как описать то, что открылось за ним?

Я ждал, что внизу, у моих ног, окажется спокойно пламенеющая лава, которую воображение соплеменников Эи наделило жизнью грозного в миг извержения, все испепеляющего существа. В лицо точно дохнул жар и свет, но до его источника было далеко. Вдоль всей продолговатой котловины, окаймляя ее, мрачным блеском пылали скалы, так что небо над этим зубчатым венцом казалось непроницаемо черным, предельным для самого света. Главный свет исходил не от

лавового озерца, которое тоже было, и не от его добела раскаленных краев, а от того, что, касаясь береговых камней, висело над маревом расплава.

Оно-то и было неопишущим. Бесформенный сгусток плазмы? Нет, оно имело форму, столь, однако, изменчивую, что ее не успевал зафиксировать глаз. А может быть, просто непривычную. Оно, это огненное, размыто висящее, пульсировало, можно и так сказать. Пульсировало, как... Как что? Как бешено крутящийся хаос? Нет, в нем угадывалась структура. Как вихревые, преобразующиеся друг в друга сгустки, стяжения, кристаллы огня? Все это понятия человеческого опыта, они тут не годились. То, что видели мои изнемогающие глаза, было и чистым светом, сквозь толщу которого проглядывали дальние скалы, и клубящейся материей солнц, и белой озаренностью алмазных, чередой протаивающих в глубине пещер, всем этим сразу и чем-то еще. Излучаемый свет радужно кольцевал воздух, плавно переливался из ярко-белого в голубизну, а затем, минуя промежуточные цвета, желтел. Но скалы при этом неизменно отливали розовым и багровым, чего вроде не должно было быть, если только сам воздух не приобрел иные физические свойства.

То, что я видел, явно не соответствовало Земле, а возможно, и всей нашей Вселенной. Дракон все-таки был, все-таки был... Ладонью прикрыв лицо, я смотрел, не отрываясь, и неясная поначалу догадка сменялась уверенностью. Это был он — мой давний знакомый и враг. Никогда еще я не вглядывался в огневика так спокойно, не рассматривал его в упор. Теперь меж нами не маячило перекрестье прицела, а терять мне было решительно нечего. Здесь, под черным небом прошлого, мы были одни. Вокруг неяркого по контрасту озерца лавы сверкала кайма добела раскаленных камней, в мерном сиянии огневика мерцали скалы, шевелились их черно-алые, уступами, тени, от тешины звенело в ушах.

Неизвестно, откуда берутся огневики... Они возникают в одном случае из двух... Чем их больше, тем хроноклазм слабее... «Слушай, я, кажется, догадался! В энергии, дело в энергии!»

Слова прозвучали так отчетливо, словно Феликс был рядом. Внезапная утечка энергии из моего хроноскофа — вот он, ключ к пониманию!

Всюду и везде живое и неживое зависит от энергии, все участвует в ее круговороте, отталивается, поддерживается, тянется к ней, как трава к солнцу, как частички железа к полюсам магнита. Сама наша эволюция повинуется этому закону притяжения, вехами цивилизации были огонь, электричество, атом, путь вел нас от скудных источников энергии ко все более разнообразным и мощным. Слом времени — это тоже выброс энергии. Да какой! Быть может, для огневиков перемещение во времени столь же обыч-

ное дело, как для нас перемещение в пространстве, быть может, такова главная особенность их мира. Пространство и время нераздельны, как частицы и волны материи, просто на одном, пространственном, берегу оказались мы, а на временном, противоположном, развилось то, что породило огневиков. И вот крайности сошлись... Огневики приманила энергия хроноклазмов. Разделившись, они ринулись к сопряженным точкам прошлого и настоящего, как жаждущее водопоя стадо к берегам реки, примерно половина оказалась там, другая половина здесь, обычный статистический разброс, ничего другого. Так и железные опилки распределяются меж полюсами магнита. Высосать, забрать все до капли, пока энергия не рассеялась! А мы-то недоумевали, почему хроноклазмы далеко не так разрушительны, как этого следовало ожидать... Мы не понимали, куда прут огневики, почему они держатся кратчайшей прямой, а они спешили к месту назревающего хроноклазма, чтобы заранее быть там, успеть поглотить, полнее насытиться. Мы их останавливали, истребляли, а они, в сущности, спасали нас, спешили ослабить, погасить еще только зреющую катастрофу.

Вот что, скорее всего, открылось Феликсу за минуту до боя.

Понятно, почему огневики кидались на нас, когда мы пускали в ход оружие: энергия! Мы, сами того не подозревая, приманивали их. Приманивали, чтобы так уничтожить, поскольку даже их способность поглощать энергию, конечно, имела предел.

Возможно, поэтому они не успевали везде. Или их было слишком мало. Здесь, в этих горах, произошло три хроноклазма. Первый перенес сюда Снежку; очевидно, тогда и возник «дракон». Второй вырвал отсюда Эю. Третий... Третий создан моим хроноскофом. Всякий раз это были ничтожные разломы, и всякий раз ими пользовался огневик, поглощая все, что было в его силах. Сконцентрированная в хроноскофе энергия, видимо, оказалась для него лакомым кусочком... Как же при этом он должен был пугать соплеменников Эи!

Жар опалял лицо, я прикрывался руками, не в силах отвести взгляд от дна котловины, где покоился огневик. Многое мне еще не было ясно, но так не бывает, чтобы природа сразу и полностью открывала все. Почему этот огневик был здесь? Ждал ли он нового хроноклазма или, быть может, грелся у источника подземного тепла? Был ли он чисто физическим образованием или все-таки существом? А вдруг он представлял собой автомат иной, неведомой цивилизации, которая таким способом пыталась смягчить катастрофу, вызванную, что даже возможно, ее собственным нерасчетливым действием?

Таков уж мир, что в нем возможно самое, казалось бы, невозможное. Какая разница? Мое

знание уже ничего не могло изменить ни в судьбе человечества, ни в моей собственной. Оно было бесполезно, как вся моя дальнейшая жизнь. Вне своего времени я был, в сущности, тем же, чем Эя,— живым мертвецом.

Я думал, нет ничего хуже постигшего меня несчастья. Нет ничего хуже гибели Снежки. Нет ничего хуже безвыходного одиночества. Оказывается, это еще не предел. Сейчас я знал то, в чем нуждалось человечество, и не мог ничего поделать.

Не мог.

Глаза терзал свет, но от этой боли было даже легче. Все равно я не мог опустить взгляд. Вопреки всему я хотел видеть и знать. Зачем?

Вот именно: зачем?

Я с усилием отвел взгляд.

Оставалось сделать последнее: найти тело Снежки.

Эя не знала, была ли она оставлена связанной или ее милосердно столкнули с обрыва. Но, конечно, это произошло где-то неподалеку, палачи не решились бы приблизиться к огневику, а до противоположного края котловины им незачем было добираться.

Резь в глазах наконец утихла, я пошел вправо, приглядываясь к рдеющим осыпям, склонам, темным провалам ложбин и расщелин. Однако вскоре путь преградила скала, одинаково отвесная со всех сторон, так что сюда вряд ли могла вести какая-нибудь тропинка. Я вернулся назад и двинулся влево.

Внезапный рев потряс тишину. Вздогнув, я замер, даже не успев опустить ногу. Ничто не изменилось в облике огневика, но крик без сомнения принадлежал ему, и в этом протяжном реве мне почудилась не то боль, не то тоска. Небо дрогнуло. Его чернота раскрылась, в ней ярко проступили созвездия, чей рисунок мне был незнаком. Это были не наши звезды. Не наши еще и потому, что некоторые горели зеленым, а зеленых звезд нет в нашей Галактике. Все длилось мгновение. Небо сомкнулось, точно упало, стало таким же глухим, как было. Снова грянула тишина, от которой звенело в ушах. Я стоял, прижимаясь к скале. Был ли тот крик жалобой одинокого существа или голосом мертвой материи? И что ответило ему?

Страшно пылали скалы, их багровый, уступами спускающийся книзу ад по-прежнему был накрыт мрачным пологом ночи. Если существовал круг ада для тех, кто слишком далеко забрел в неведомое, то он был здесь. Пересиливая слабость, я шагнул дальше. Мною овладело желание спуститься и приблизиться к дьяволу этих скал, сказать ему напоследок все, что я думаю о справедливости этого мира, всех миров. Конечно, это было бессмысленно и глупо. В огневику не было зла, как не было его в тех людях, которые погубили Снежку и Эю. И все же, и все же!

Нелепое желание прошло так же быстро, как и нахлынуло. Я медленно, как после болезни, обогнул выступ скалы. Из-под ноги брякнул камень, прыжками покатился вниз. Машинально проследив его падение, я спустился в узкую, колесом выгнутую расщелину и уже было хотел вскарабкаться на противоположный склон, когда слева, из черной для моих ослепленных глаз тени, послышался надломленный волнением голос:

— Хорошо же ты меня, однако, ищешь...

Придерживаясь за покатый выступ скалы, из провала приподнималась Снежка.

— Мог бы, кстати, мне что-нибудь и сказать... Или я так изменилась?

— Снежка!!!

Я рванулся к ней, сжал враз обессиленное тело, не веря себе, целовал ее запрокинутое изможденное лицо, запекшиеся губы, сияющие сквозь слезы глаза, ничего больше не видя и не желая видеть.

— Живая, живая...

— Конечно, неужели ты думал?..

— Но ведь тебя...

— Ах, это! — она измученно улыбнулась. — Ну да, это было: скрутили и принесли в жертву. Очень уж они были напуганы.

— И?

Приподняв лицо, она медленно и нежно губами коснулась моих глаз.

— Соленые... Плохого же ты о нас мнения, если думал, что я буду покорно лежать и реветь. Так, хлюпнула разок, уж очень все это было обидно и глупо... А потом встала и ушла.

— Как, неужели ты...

— Глупый, ты же сам учил меня силовому рыку. Неужели забыл? Я, правда, уж не та, но подумаешь, дурацкие ременные путы, на это меня хватило... Не подпекаться же на скале, изображая добропорядочную жертву!

Ее глаза блеснули.

— Хотя, пожалуй, в этом была бы своя прелесть. Злобное чудовище, пленная девушка и отважный, на машине времени, рыцарь, а? Извини, что не оправдала.

Я засмеялся от счастья. Обнявшись, смеясь и плача, забыв обо всем, мы стояли над пламенеющей бездной, в которой уже не было зла, как, впрочем, и добра. По измученному, потемневшему лицу Снежки скользили багровые блики, я целовал ее исцарапанные руки, на меня смотрели сияющие, единственные в мире глаза, мы не могли оторваться друг от друга, мне было наплевать на все беды прошлого, настоящего, будущего, пока... Пока что?

Бедная девочка, она-то думала, что все позади, один я знал, как обстоит дело. Тем крепче я прижимал ее к себе, судорожной дллил объятия.

Наконец она высвободилась.

— Ну вот, дальше рассказывать не о чем. Весь день я бродила вокруг, а потом вернулась сюда, здесь тепло... и любопытно. Я ждала, все время ждала своих, хотя...

Она коротко вздохнула.

— Ладно, что было, то прошло. Вот что, благородный рыцарь. Твоя девушка голодна, но это успеется. Я не слепая, рассказывай все. В нашем мире... плохо?

Снежка бодрилась, о главном, как я ни прятал, ей все уже сказалось мое лицо, она стойко готовилась принять удар, но пресекшийся голос умолял пощадить.

Я не мог ее пощадить, не мог даже смягчить правду. Она все выслушала молча, не моргнув, только отведенная назад рука, как бы ища опору, слепо шарила по скале, то и дело впиваясь ногтями в камень.

Нет, это было не отчаяние.

— Значит, теперь мы вроде изгнанных Адама и Евы? Что же,— добавила она с дрогнувшей улыбкой.— Все не так плохо, раз человечество в безопасности. А мы, неужели не проживем? Ты, я, Эя... Славная девочка, как же ей досталось! Ничего, я сама стала немного дикаркой, что-нибудь придумаем... И, знаешь,— ее рука коснулась моей,— в этой жизни есть своя прелесть.

Я кивнул. Я на что угодно готов был смотреть с радостью, лишь бы не видеть Снежку несчастной. Впрочем, она была права. Она стойко принимала жизнь такой, какая есть, этим, быть может, и спасалась.

— Все верно,— бодро сказал я.— Мы нашли друг друга, остальное переживем. Надеюсь, я буду неплохим мужем.

— Да уж, придется. И мне придется...— ее голос споткнулся.— Ничего, справимся. Обещаю не ревновать.

— Как ревновать? К кому?

— Ты не догадываешься?— откинув голову, Снежка посмотрела на меня долгим изучающим взглядом.— Но, милый, нас же трое.

— Ты с ума сошла!

Снежка невесело рассмеялась.

— Ох, взглянул бы ты сейчас на себя в зеркало... Между прочим, меня это тоже почему-то не приводит в восторг. А что делать? У Эи больше нет рода, и если мы не примем ее в свой... Нет, она будет жить.

— Но ведь не обязательно...

— Здесь обязательно. Легче столкнуть планету с орбиты, чем заставить женщину не быть женщиной. Здесь это так. Только так.

— Несмотря на то, что мы побратались с Эей?

Снежка только вздохнула. Прикусив губу, она отвела взгляд. Нет, ее губы запеклись не от жара. И руки ее были окровавлены не только ремнями; сколько раз ей, наверное, вот так приходилось умерять другую, большую боль.

Я молча привлек ее к себе. Она вжалась лицом мне в грудь и затихла. Ничего не надо было говорить, мы и так слышали друг друга. «Тебе было так плохо!»— «Очень. Когда меня повели на смерть, я обрадовалась, сама я не решалась...»— «Тебя били?»— «Не то... Меня учили жить. Не спрашивай».— «Какое счастье, что ты не смогла...»— «Просто это была не та смерть. Слишком мучительно и долго».— «Я всегда буду любить тебя. Тебя, а не Эю».— «Знаю, поэтому и говорю так спокойно. Но она не должна знать, что ты ее не любишь».— «Это невозможно».— «Это просто, у нее другие представления о любви. Не беспокойся, все будет не так плохо».— «Я не беспокоюсь. Я ищу и не могу найти другой выход. Туда, к своим».— «Знаю...»

— Выпусти,— сказала она.

Я разжал объятия.

Снежка села, подперев подбородок. Она молча и пристально смотрела на пламенеющие скалы, но видела ли она их? Я больше не слышал ее мыслей и не решался переступить порог ее молчания. Лицо Снежки было неподвижно, как маска, только сполохи огня пробежали по нему тенями.

Над скалами внезапно, как прежде, снова пронесся протяжный ноющий вопль огневика, в черном куполе ночи снова приоткрылось другое небо, дрогнув, просияла россыпь чужих звезд.

— Он жалуется,— тихо сказала Снежка, когда все затихло.

— Похоже,— согласился я.

— Не только похоже. Я долго за ним наблюдала, очень долго. Ему одиноко и холодно.

— Холодно?

— Да.

— Ты не можешь этого знать.

— Я чувствую.

— Ты думаешь, оно существует?

— Мне кажется, да.

— Что ж, может быть. Нам от этого не легче.

— Не легче,— эхом отозвалась Снежка.— Для возвращения нужна энергия.

— Много энергии,— добавил я.

— Ее здесь сколько угодно,— спокойно сказала Снежка.— В нем.

— Он с нами ею не поделится. Скорее наоборот.

— Возможно. У тебя есть шнур?

— Какой шнур?

— Лазерный, разумеется.

— Конечно,— я покачал головой.— Ничего, малыш, не получится. Лавовое озерцо не даст столько энергии.

— Так подключись к огневику.

— Ты шутишь?

Нет, она не шутила. Спокойно и ясно глядя на меня, она повторила свое предложение подключиться к огневику, словно к банальной розетке.

— Тоже выход,— закончила она, как ни в чем не бывало.

У меня обмякли колени.

— Он же разнесет нас в клочья!

— Если заметит,— в ее устало неподвижных глазах переливался жаркий ответ багровеющих скал.— Если вообще заметит. Я подходила к нему близко, как только могла. Он... Мы, люди, для него не существуем. Наверное, и канализирующий луч лазера для него не более ощутим, чем укусы комара. Мы ведь не каждого прихлопываем. А если прихлопываем, то сразу...

Она глянула на меня снизу вверх.

— Я говорю глупости, да? Вероятно, глупости. Ох, милый, мне так хочется домой! Но ты не обращай внимания, можно прожить и так, как мы решили.

Она прикрыла лицо рукой. Я не знал, что и думать. Такая мысль не приходила мне в голову. Сама по себе чудовищная, она и не могла прийти ко мне после всего, что я натерпелся от огневики. Но так просто отбросить ее я уже не мог. При всей своей дикости, она была не столь уж безумной. Технически все было осуществимым, а там уж как повезет. Сравнение с комаром было на редкость точным.

Я смотрел на огневика и не мог пересилить страх. Над белыми глыбами лав все так же покоилась чуждая всему земному, ежесекундно преобразующаяся, тем не менее застывшая масса пламени. Огненное существо, плазменный робот, что-то совсем иное? И к этому чудовищному, непостижимому подключиться, всадить в него жало?! Рискнуть собой, Снежкой?

Только об одном она не упомянула, потому что это было ясно и так: нас ждало пославшее меня человечество.

— Пошли,— сказал я.

Хроноскоп стоял там, где я его оставил. Внутри нас встретил спокойный, такой тусклый после всего, что мы видели, свет приборов. Эя спала, разметав волосы и уронив голову на колени.

— Не буди,— шепнула Снежка.— Ей сейчас хорошо...

Да, ей сейчас можно было позавидовать. Стараясь не потревожить, я отжал вялое тело девушки в угол, пристроил Снежку и поднял хроноскоп в воздух.

Что я делаю?

Полет длился недолго, на гребне было достаточно ровных площадок. На одну из них я посадил хроноскоп. Чтобы не мешать мне, Снежка вылезла, едва аппарат коснулся земли. Ее губы скользнули по моей щеке.

— Действуй,— сказала она быстрым шепотом.

— Может быть, тебе лучше укрываться?

«Зачем?— ответил ее взгляд.— Все едино...»

Я отвернулся.

Наводка лазерного луча напоминала схему

того прицела, сквозь перекрестье которого я так недавно (вечность назад!) вглядывался в атакующую огневику. «Что ж,— вихрем пронеслось в мыслях.— Что ж...»

Визирные линии прыгали и двоились. Желудок комом подкатывал к горлу. Что я делаю? Еще не поздно. Мы оба сошли с ума. Какое нам дело до человечества. Все абстракция, кроме нас. Сейчас, сейчас, и нас уже не будет. Тогда зачем все это, зачем?

Я включил автоматику. Все, теперь от меня ничего не зависело. На негнущихся ногах я выbralся наружу, в лицо дохнул жар и свет.

От хроноскофа протянулся голубоватый игольчатый луч, бледно прочеркнув скалы, канул в изменчивом сиянии огневика. Дрожащие пальцы Снежки сцепились с моими, так, рука в руке, мы замерли на краю обрыва.

Мучительно горели скалы, паутинной нитью трепетал луч, было тихо, как в обмороке. Нездвигное чернело небо, яростный блеск огневика был так спокоен и равнодушен, словно ничего не происходило, словно меж ним и хроноскофом не пульсировал бегущий по светопроводу ток энергии. Комариное жало впилося, а ответного, испепеляющего удара все не было. Чувствовал ли огневик это жало в себе, мог ли почувствовать, ощущал ли он что-нибудь? Все багрово, как в мареве, колыхалось перед глазами, я ждал расплаты, которой не могло не быть.

Вот оно! Грянул низкий протяжный рев. Зыбкие очертания огневика всклубились, и то тяжелое, завораживающее, что навалилось на меня тогда, в коконе хроноскофа, глянуло на нас теперь. Глаза? Их не было, было лишь ощущение жутко нечеловеческого взгляда. Ни наше упорство, ни наша гордость ничего не значили перед ним. Какое-то неуловимое изменение произошло в самой вихрящейся структуре чудовища, оно безглазо смотрело на нас изнутри, смотрело, ничего не требуя, ничего не желая, как могла бы глядеть вдруг прозревшая природа, которой все равно, есть человек или его нет. Что по сравнению с этим все мифы о ледянящем взгляде Медузы!

Так длилось секунду, а может быть, вечность. Внезапно рев смолк. И так же мгновенно погас впившийся в огневика луч. Тяжесть взгляда свалилась с нас. Все было кончено, мы снова не существовали для огневика. Он не прихлопнул докучливую мошку, лишь отмахнул ее.

Была ли эта аналогия хоть сколь-нибудь правильной?

Мы не сразу вышли из столбняка. Сердце, казалось, гнало не кровь, а ртуть. Ни слова не говоря, мы разжали руки. На сферической поверхности хроноскофа плясали красноватые блики. Я едва добрал до машины, нагнувшись, скорей по привычке, считал показания приборов. Лгал ли мне измученный разум? После той ослепи-

тельной яркости, к которой привыкли глаза, свет индикаторных шкал едва тлел, но все, что я мог различить, с несомненностью уверяло меня в избытке энергии, в максимуме, который только возможен для батарей хроноскофа. Ничего не понимая, я обесточил пульт, затем снова включил ток. Ничего не изменилось, приборы упорно показывали то же самое, что и до этого.

Значит, не огневик погасил луч, тот сам отключился, как только закончилась подзарядка? Могло быть и такое, мы ж подключились черт знает к какому источнику! Или то была необъяснимая милость огневика, который что-то прочитал в наших сердцах?

Что мы знали, что могли знать...

Я обернулся к Снежке, горло перехватило, она все сама угадала по выражению моего лица.

— Да? — это был ее единственный вопрос.

Я кивнул.

Так же молча, Снежка взглянула на огневика, который, как прежде, пламенея, нависал над добела раскаленными камнями лав, и с черных запекшихся губ сорвалось лишь одно слово:

— Спасибо...

Ответа, конечно, не последовало. Кого или что она благодарила? Как бы там ни было, само слово было уместным. Я тоже мог бы его произнести. Неведомое бесчувственно, но не безразлично к нашим поступкам, ибо действуя, мы всегда вызываем противодействие, и то, как оно отзовется, во многом зависит от нас.

Снежка отступила на шаг от обрыва и качнулась. Я едва успел ее подхватить, так она сразу ослабла. У меня тоже подкашивались ноги. Медленно и с трудом я дотащил ее до машины. Она еще пыталась мне улыбнуться, я, как ни старался, не мог ответить ей тем же. Вяло, как в полусне, я протиснулся за ней в кабину, поднял машину и включил подсос, чтобы нас обдувал ветер.

Так, впопалку, мы некоторое время летели в посвистывании ветра, и луна мчалась с нами наперегонки.

Минут десять, если не больше, я был способен лишь на самые простые движения и мысли. Поудобней устроить Снежку, поудобней устроиться самому. Достать воду, дать напиток. Мысль о стимуляторах я отложил: сейчас нам нужен был только отдых, а для Снежки, которая так долго держалась на нервах, мог быть опасен даже простой витакрин. Надо было набраться сил, без этого нечего было и думать о прорыве сквозь время, где все могло случиться.

Мы летели. Над нами было просторное, с редкими крапинками звезд небо, снизу им не отвечал ни один огонек, тени и лунный свет, леса и кручи, больше ничего не было на этой земле, откуда мы все некогда вышли.

Глаза Снежки были открыты. Наконец она пошевелилась.

— Куда мы летим?

— Не знаю. Куда-нибудь. Может быть, это и не имеет значения, но я хочу убраться подальше от огневика.

— Не говори о нем плохо.

— Ни в коем случае. Старик был очень любезен, я пригласу его на свадьбу, благо Алексей давно интересовался им. Не забудь его поцеловать.

— Алексея или огневика?

— Обоих, если угодно. Я отвернусь, хотя мое сердце обольется кровью.

Наконец-то она рассмеялась. Каким желанным был ее тихий, еще робеющий смех!

— Я еще подумаю, нужен ли мне такой болтун. Мы так и будем лететь до бесконечности?

— Будем. Чем плохо? Должно же у нас быть маленькое свадебное путешествие.

— А Эя все спит, — сказала она.

— Вот и прекрасно. Будет лучше, если она проснется уже в нашем мире. Там медицина, там все.

Снежка задумалась.

— Нет, — тряхнула она головой. — Ей надо проститься с родиной.

— Зачем? Лишние хлопоты.

— Затем... Да как же без этого!

— Слушай, ты стала сентиментальной, — прямо по курсу маячила гора, я скорректировал полет.

— Возможно, — она вздрогнула. — Как мало мы ценили некоторые вещи! Например, подушку.

— Подушку?

— Да, они подкладывали под голову чурбан.

— Понятно. Идем на посадку.

— Зачем?

— Человек глупо устроен: что бы и в каких мирах он ни делал, без куса хлеба ему не обойтись. Кто-то, помнится, хотел есть.

— Нас ждут.

— Подождут. Ты отдохнула? Я — нет.

— Не притворяйся, это ты делаешь для меня.

— Только отчасти. Тебе это не нравится?

— Нравится. Очень! Во мне сидит такой маленький человечек, которому очень хочется, чтобы его опекали и нежили. Боюсь, что за это время он очень подрос. И потому! Когда мы окончательно придем в себя, я попробую расколдовать Эю. Наперекор этому, которому лишь бы добраться до подушки.

— Не геройствуй, — сказал я. — Мало тебе!

— А тебе?

— Ох, Снежка... Ладно, решили.

Я снизился к мелькавшему в просвете теней ручью. Под днищем машины зашуршала галька. Мы вышли. На перекатах билась и клокотала вода, черная у наших ног, переливчатая там, где, дробясь, падал лунный свет. В темноте заводей

белела круговерть пены. Траву осыпала роса, каждый вдох был здесь блаженством. Умывшись ледяной водой, мы принялись за еду. Это тоже было блаженством. Огромной доисторической черепахой рядом чернел хроноскаф. Все пережитое отпускало, как кошмар, я боялся нечаянным словом спугнуть это мгновение, когда рука в молчании касается руки, каждое движение полно невысказанного смысла и под доверчивый говор ручья у ног венком сплетаются резные тени ветвей.

— Хорошо-то как...— прикрыв глаза, проговорила Снежка.

Я кивнул.

— Мне кажется, я сплю наяву,— ее рука неуверенно погладила шершавый береговой валун.— Сейчас проснусь, будет дымная хижина, старуха с желтыми глазами болотной неясности...

— Какая еще старуха?

— Неважно. Была и нет,— Снежка вздохнула.— Знаешь, за что меня чуть не растерзали в первый же день? Не с той руки зашла к очагу. Надо справа или прямо от двери, а кто подходит иначе, тот накликает беду. Смешно! Все все знают с малолетства— и довольны. Ты не представляешь, как там регламентирован каждый шаг и каждый поступок.

— Роботы,— буркнул я.— Я это понял, когда из Эи вынули душу. Роботы!

— Не смей их так называть!— Снежка дернула плечом, как от удара.— Не смей! Ты их совсем не знаешь, они всякие— и люди. Иначе как бы мы сами возникли?

— Согласен, согласен!— я поднял руки.— Эя славная девочка, разумеется, не она одна такая. Конечно, они не хуже нас, просто другие.

— Другие? — Снежка медленно покачала головой. — Тебе известно, что Эя талантливая художница?

— Эя?

— Да, Эя. Ее резные, из камня и кости, фигурки могли бы украсить музей. Мы оба бездари перед ней.

— Вот не подозревал...

— Мог бы ее расспросить.

— Знаешь, как-то в голову не пришло... Не о том была забота.

— Понимаю. Мы знаем только то, что хотим знать...

— «День ежа», — вырвалось у меня. — Как это верно!

— Что?

— Неважно. Было и прошло. Есть ты!

В безотчетном порыве я привлек к себе Снежку. Она, не дыша, замерла в объятиях, ее истрадавшее тело вздрагивало. Баюкающим движением я согревал ее. Она затихла. Мы долго сидели так, в чужом времени, которое было и нашим тоже. Ручей бормотал свое, детское, меловой свет луны подкрадывался к нашим лицам. Снежка так тесно прижалась, что стук ее сердца толчками отдавался во мне, словно уже и кровь стала общей. Время застыло, как все вокруг. Мог ли я упрекнуть себя за это промедление? Нам ничто не грозило, пока мы сидели так, но стоило запустить хроноскоп... Лед под нами был еще так хрупок! Я сам должен был сделать первый шаг, который мог оказаться последним. Какие еще беды подстерегали нас впереди? Выбора не было, но эту острую минуту счастья можно было

продлить, и я ее длил, благо это было возможно, ведь переход сквозь время мог потребовать всех наших сил, значит, все, что способствовало их прибавлению, не требовало оправдания перед совестью.

До чего же все глупо! Мы нашли друг друга и наконец-то были счастливы. Это ли не высшая цель всех человеческих усилий? А во мне, когда я обнимал Снежку, словно пощелкивал незримый компьютер, который оценивал и калькулировал нашу готовность к работе, считал, какая минута счастья оправдана, а какая похищена у долга.

— Все,— и я нехотя разжал объятия.— Час времени здесь равен часу времени там. Ты готова?

— Да,— она медленно приподнялась.— Я даже кое-что надумала. Эя спит, это к лучшему, так она легче поддастся внушению. Кажется, я знаю, что надо внушать, твое дело усилить ритм.

— Выдержишь?

— Я мягко. Надеюсь, во мне есть что-нибудь от ведьмы. Это даже хорошо, что я не совсем в форме, нет риска повредить ее психику. В любом случае хуже не будет.

— И все для того, чтобы Эя смогла попрощаться...— я покачал головой.

— Не только. Ты можешь представить, как переход во времени подействует на обездушенную психику?

— Понятия не имею.

— Вот! Кстати, робот отличается от человека еще и тем, что никогда не испытывает сантименты.

Я задумался. Неужели я действительно видел в Эе только средство, орудие, инструмент? Нет же, конечно, нет. Просто она осталась для меня чужой, в этом все дело.

Луна переместилась, пока мы отдыхали, разговаривали и собирали остатки ужина. Журчащий перекал скрылся в темноте, лунный свет плескался теперь у камней берега, озарял хроноскоп, изломами теней удлинял каждое наше движение. Словно чей-то внимательный глаз следил с неба за нами, такого ощущения я не испытывал в своем мире, возможно, потому, что там луна сияла в созвездии космических городов. Теперь мне хотелось как можно быстрее уйти во время и разделаться с неизвестностью. Здесь оставалось одно, последнее дело— Эя. Для удобства подхода и внушения, которое требовало слаженного усилия нас двоих, я осторожно открыл машину с той стороны, где привалившись к борту, спала Эя. Лишенное опоры тело подавалось набок, голова мотнулась с колен и поникла в колыхнувшейся гриве волос.

— Не разбудил?— залезая с другой стороны в кабину, шепотом спросила Снежка.— Спит?

«Как убитая», чуть не ответил я, но слова так

и застряли в горле. Что-то не то было в движении девушки, каким она покачнулась. Не веря себе, я подхватил упавшую руку Эи; ее пронзительный холод ожег сознание. Как же так, мы же чувствовали ее тепло, когда летели, а кабину я оставил закрытой... Вздвогнув, я повернул лицо девушки к свету: на меня глянул остекленный зрачок. Нет, нет, этого не может быть, это только катаlepsия, очередное зло чер...

— Быстро! — закричал я. И, тут же вспомнив, что Снежка не знает, где что находится, сам ринулся в машину.

Напрасно я разуверял себя, это была, конечно же, смерть. Сердце Эи не билось. Однако тело девушки не совсем окоченело, и я надеялся, все еще надеялся, ведь такая смерть обратима, если целы важнейшие органы, а у Эи они целы, ее же убил не физический мир...

Какая разница! Тщетно мы хлопотали над Эей. Средства нашей медицины могли многое, но они были бессильны против древнего зла, которое поражало не тело, а дух. Раньше, раньше бы догадаться, каким сном забылась Эя! Она умирала тогда, когда мы боролись за свое спасение, когда, словно вырвавшиеся на свободу дети, болтали о пустяках, когда длили свое короткое счастье. Длили, не подозревая и не догадываясь, что смерть человека, как и его жизнь, зависит от времени, которому он принадлежит. Даже смерти!

Испробовав все, мы снова и снова пытались все повторить, отказываясь верить в свое бессилие. Ведь любого из нас эти средства, скорей всего, вернули бы к жизни! Но Эя не принадлежала нашему времени, ее уже нельзя было вернуть оттуда, куда ее погнал приказ рода.

Снежка закрыла ей глаза, мы встали с колен. В меловом свете луны укором или прощанием перед нами белело спокойное лицо Эи.

Поднявшись на пригорок, мы выкопали там могилу. Большого мы не могли сделать для Эи. Могилу я привалил камнем. Снежка беззвучно плакала. С неба смотрела луна, ее свет был неподвижен и бел, как саван.

Я опустил голову. Нас окружал холодный свет пустыни, нам не было места на этой земле, где мы оставили частичку себя.

— Пошли,— сказал я тихо.

Снежка повиновалась.

Нас ожидал бурный, сложный, замечательный век, который, как родину, не выбирают. Нас ожидали люди. И если нам повезет, если мы сумеем вернуться, нас встретят как победителей.

Так оно и будет для всех.

Свет одинокой луны в последний раз скользнул по нашим лицам, мы сели в машину. Я включил ход, и все, что было вокруг,— осеребренный берег, крутой скат холма, одинокая могила Эи,— исчезло.

Нас встречали цветами.

Было много солнца и много ликующих людей, которые вмиг разлучили меня со Снежкой. Нас озарял радостный свет улыбок. Переходя из объятий в объятия, ошалев от весеннего ветра, от вида родной земли, от множества лиц, от взглядов и приветствий, отвечая на них, я глазами искал Алексея, без которого ничего этого не было бы.

Воздух гремел криками.

— Ждешь Алексея? — как нахмуренное облако из сияющей голубизны, из толпы вынырнуло ссохшееся, страстно вопиющее в своем слепом и темном порыве лицо Жанны. — Он ждал тебя дольше!

— Узнаю скромника, — меня развернуло к ней. — Где же он?

Обугленный взгляд Жанны рванулся.

— Там же, где Феликс! — прокричала она. — Там же, где все!

— То есть как...

— Как люди пережигают себя? Во имя чего? Ради кого? Часа не прошло, а все ликует... Конечно, вас же считали погибшими. Будьте вы счастливы!

— Постой...

Но она уже исчезла, канула в ликующем водовороте. Во имя какой правды она появилась здесь?

Все звуки отрезало. Я не мог вздохнуть. Нет больше Алексея. Нет Феликса, нет Эи, нет Алексея. Меня давил смертельный вязкий воздух пустыни. Вокруг мелькали радостные возбужденные лица, колыхались цветы, черно светило солнце.

Вот как оно все было. По моему лицу текли слезы, а все думали, что я плачу от счастья.

Издали, также сквозь слезы, мне улыбалась Снежка.

Я с усилием поднял руку и помахал ей.

Фантастика под микроскопом

ОПЯТЬ — ДЕКАБРЬ! СНОВА ПОРА НАМ ПОДВОДИТЬ ИТОГИ НАШЕЙ — ДЕВЯТОЙ УЖЕ ПО СЧЕТУ — ВИКТОРИНЫ...

ТОТЧАС ПРЕДУПРЕДИМ: О РАЗМИНКЕ ДЛЯ КЛФ МЫ, УТВЕРЖДАЯ ТРАДИЦИЮ, ВНОВЬ ПОГОВОРИМ В ОДНОМ ИЗ ВЕСЕННИХ НОМЕРОВ. ТЕМ БОЛЕЕ, ЧТО СНОВА В АПРЕЛЕ НА ВРУЧЕНИЕ «АЭЛИТЫ» СЪЕДУТСЯ В СВЕРДЛОВСК ПРЕДСТАВИТЕЛИ КЛУБОВ; БУДЕМ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО ОКАЖУТСЯ СРЕДИ НИХ И ПОСЛАНЦЫ КЛУБА-ПОБЕДИТЕЛЯ, — ТОГДА-ТО, ПРИНАРОДНО, МЫ И ВРУЧИМ ИМ ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПРИЗ. ЧТО КАСАЕТСЯ ОСНОВНОЙ ВИКТОРИНЫ — ВОПРОСЫ ОБОИХ ТУРОВ (РАЗУМЕЕТСЯ, В РАЗНОЙ СТЕПЕНИ ОСНОВАТЕЛЬНО) МЫ РАССМОТРИМ В ЭТОМ НОМЕРЕ, ВОПРОСИ ДАВНЕЙ ПРИВЫЧКЕ — НЕ ОТКЛАДЫВАЯ ИХ НА ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ.

ОТМЕТИМ, ЧТО ЭПИГРАФЫ К ОТВЕТАМ НАМ ПОМОГЛИ ПОДОБРАТЬ В. КАБАЕВ И Р. КАДИКОВ (УФА), Р. АРБИТМАН И В. КАЗАКОВ (САРАТОВ), С. БИТЮЦКИЙ, И. ПАВЛОВСКИЙ И В. РЫБКИН (РОСТОВ), В. БОРИСОВ (АБАКАН), В. ГУРЕВИЧ (КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ), Г. ПРОКОПИК (ВЯЗНИКИ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ), М. ЯКУБОВСКИЙ И А. ТЕТЕЛЬМАН (РОСТОВ), Л. АБДУЛИН (КАЗАНЬ), В. ВОРОБЬЕВ (ПОЛТАВА) И Б. РИФТИН (СУМЫ). НОВОЕ НАЗВАНИЕ ДЛЯ ВИКТОРИНЫ ПРИДУМАЛ М. ДАГАЕВ (МОСКВА).

ИТАК...

Итак... Вперед!

А. Дюма. Три мушкетера

ПЕРВЫЙ ТУР

1. С МЛАДШИМ НАУЧНЫМ СОТРУДНИКОМ НИИЧА-ВО АЛЕКСАНДРОМ ИВАНОВИЧЕМ ПРИВАЛОВЫМ ВЫ, РАЗУМЕЕТСЯ, ЗНАКОМЫ. ИЗВЕСТЕН ЛИ ВАМ ЕЩЕ ОДИН ПРИВАЛОВ — БОРИС ИВАНОВИЧ, РУКОВОДИТЕЛЬ ОТДЕЛА ДРУГОГО НИИ?

— Какого Фердинанда, пани Мюллер! — спросил Швейк. — Я знаю двух Фердинандов...

Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка

«Детальное исследование «Понедельника...» Стругацких родственников и однофамильцев А. И. Привалова не выявило,— пишет Л. Абдулин.— Однако неясна судьба единственного удавшегося дубля вышеуказанного м. н. с., возможно, именно он и приболудился к загадочному НИИ!»

Предположение, разумеется, шутовское: «Экипаж «Меконга» появился года на три раньше, чем повесть А. и Б. Стругацких, а именно в этом романе Е. Войсунского и И. Лукодянова возглавляет отдел НИИТранснефти старший из Приваловых (старший — и по возрасту, и по положению). Кстати, Борис Иванович и его НИИ не столь уж и загадочны, ведь правилен каждый второй ответ на этот вопрос.

Между делом читатели обнаружили в фантастике и других Приваловых: Петра Алексеевича — в первом варианте рассказа тех же Стругацких «Ночь на Марсе» (позже он стал именоваться не Приваловым, а Новаго, хотя в «воспоминаниях о будущем» из повести «Страна багровых туч» еще и сейчас можно прочесть, например: «славное, славное время... время, выдвинувшее таких, как Краюхин, Привалов, Соколовский...»), его тезку Петра Евгеньевича — в рассказе В. Ананьина «Однажды ночью» (тоже, кстати, космонавта: начальника первой станции на планете Гера), доцента Привалова — в повести В. Малова «Я — шерстянин» и, наконец, «самого молодого в мире доктора математических наук» Юрия Привалова из повести «Хождение за три мира» А. и С. Абрамовых. «Что-то все Приваловы по науке идут», — констатируют В. Воробьев и Б. Рифтин, подтверждая свою мысль и ссылкой на БСЭ — с вполне реальным Иваном Ивановичем Приваловым, членкором АН СССР, математиком. Да, многие, но все-таки, наверное, не все? — усомнимся мы, поскольку В. Карабаев с Р. Кадиковым и кое-кто еще напомнили нам и о Борисе Авксентьевиче Привалове — писателе-сатирике, пишущем иногда и НФ юморески.

2. КТО ИЗ ГЕРОЕВ НФ ПЫТАЕТСЯ СОВЕРШИТЬ ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОЛЕЦ ПОДЛУННЫЙ?

— Вот и название хорошее для вашего пика, Георгий Петрович. Голец Подлунный. Видите, уперся своими зубцами в луну...
И. Ефремов. Голец Подлунный

Почти половина участников викторины убеждена: чтобы ответить на этот вопрос, достаточно открыть рассказ И. Ефремова, который так и

Юлия Солнцева в роли Азлиты в фильме Я. Протазанова.

называется: «Голец Подлунный». Но... Вот что пишет, например, Г. Кузнецов (Новосибирск): «Четверо героев Ефремова, несмотря на название рассказа, на сам голец не пытались взойти, хотя были от него в непосредственной близости». Вот так: не пытались!.. Ну, а кто же, в таком случае, пытался?

Около четверти участников викторины рискнули отослать нас к роману И. Сибирцева «Сокровища кряжа Подлунного». Однако же, в первых, действие романа развертывается не на юге Якутии, как в рассказе Ефремова, а чуть ли не в Заполярье. Кроме того, хотя герои Сибирцева и покоряют неприступнейший из пиков кряжа, вершины под таким названием — голец Подлунный — в книге нет.

Восхождение же на голец Подлунный пытается совершить в одиночку Игнат Сомов в романе Ю. Тупицына «Перед дальней дорогой» — о том знает оставшаяся четверть отвечающих.

Ну, а вообще-то, как пишет В. Молчанов (Пермь), «из героев НФ произведений можно составить команду альпинистов, способную покорить любую вершину!» Наш читатель предлагает такой состав гипотетической команды: Роберт Смит по прозвищу «Человек с Канченджанги» из романа С. Лема «Астронавты»; Жан Лепаж из повести Г. Альтова «Третье тысячелетие», который «в одиночку поднялся на вершину Эвереста»; Вуколов и Омрин — герои рассказа Д. Биленкина «Снега Олимпа», покорившие 20-ки-

лометровую вершину Марса; Олег Усольцев из рассказа И. Ефремова «Белый Рог», одолевший вершину, другими альпинистами признанную абсолютно недоступной; лемовский Пиркс, который «ходил в горы еще до того, как стал курсантом» (рассказ «Условный рефлекс») и покорил безымянную вершину на планете Иота Водолея («Несчастный случай»); и, наконец, Игнат Сомов. «В книге его попытка завершилась неудачей. Вот если бы он выступал в нашей команде, у него были бы все шансы на успех!»

В заключение еще одно суждение.

«Этот вопрос по праву можно назвать самым удачным в викторине, потому что он построен на великолепно замаскированном подвохе», — пишет М. Дагаев (Москва).

Согласимся с ним? Или — поостережемся? Ведь этот же вопрос (как, впрочем, и многие другие наши вопросы) иным читателям показался некорректным: в романе Тупицына и гора могла быть названа иначе, и вообще похода в горы могло не быть, а могло быть что-либо другое. Вот так...

3. «КОГДА-ТО Я МЕЧТАЛА СЫГРАТЬ АЭЛИТУ; РАЗ ДЕСЯТЬ БЕГЛА СМОТРЕТЬ ФИЛЬМ; МЕНЯ ЗЛИЛО, ЧТО СОЛНЦЕВА ИГРАЕТ ЖЕНЩИНУ-ВАМП, — РАЗВЕ ЭТО АЭЛИТА!..» ОТКУДА ВЗЯТА ЭТА ФРАЗА? НЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ ЛИ ВАМ В ФАНТАСТИКЕ КАКИЕ-ЛИБО ДРУГИЕ «СЛЕДЫ» РОМАНА А. Н. ТОЛСТОГО, ПОСТАВЛЕННОГО ПО НЕМУ ФИЛЬМА И ИХ ГЕРОИНИ!

— Ты кто!! Аэлита!!

Красавица сделала небрежный жест рукой и вдруг на чистейшем русском языке ответила:

— Не-а...

В. Сычеников. Ночная гостья
Василия Н.

Рассказ В. Журавлевой «Мы пойдем мимо — и дальше», из которого взята цитата в нашем вопросе, назван в каждом втором ответе: «вычислить» его оказалось не слишком сложно. Писательница в нашей НФ, к сожалению, немного, фантасты же мужского пола крайне редко ведут повествование от лица женщины... Кое-кто, правда, удивлялся: как это Кира Владимировна Сафрай, героиня рассказа, ухитрилась десяток раз посмотреть фильм, который лишь на год моложе самого романа? Или в Таганроге это было несложно? Высказывалось в связи с этим предложение — походатайствовать перед Центральным телевидением, чтоб оно систематически выпускало на голубой экран НФ ленты прошлых лет.

Каких-либо других следов фильма «Аэлита» в НФ наши читатели не нашли — разве что в критических работах о фантастике... Впрочем, стоп: мы совсем забыли про Л. Абдулина, а уж он-то, будучи большим любителем всевозможных «изюминок», просто не мог не сообщить нам, что «именно этому фильму обязана своим рождением первая фантастическая кинопародия». Ведь в том же 1924 году был снят мультфильм «Межпланетная революция»...

Со своей стороны можем добавить следующее. Поскольку был фильм — был, стало быть, и сценарий, по которому поставил его режиссер Я. Протазанов. К участию в его разработке были привлечены тогдашние молодые силы драматургии театральной и кинематографической, из восьми представленных проектов был выбран один — написанный Ф. А. Оцепом и А. М. Файко. И почти одновременно с выходом фильма, в том же 1924 году, этот сценарий «на тему романа» появился в виде отдельной 48-страничной книжки, отлично проиллюстрированной кадрами из фильма, солидным по тем временам тиражом — 15 000 экземпляров! (Воспроизведенный нами кадр взят именно из этой книжки). В приложенных к сценарию заметках о постановке фильма есть, между прочим, любопытные строки о том, что роман Толстого мог быть «лишь темой, лишь исходной точкой для создания сценария», поскольку у кино «свои законы, свои требования, которым ни одно произведение литературы, даже самое современное, не может целиком удовлетворить», а потому пришлось «переработать все содержание романа, ввести новые действующие лица, изменить всю «марсианскую» часть...» Пожалуй, под такой декларацией с удовольствием подписался бы и сегодня любой из режиссеров, экранизирующих литературные произведения...

Но вернемся к самому роману. Вот ему-то в фантастике вполне заслуженно «повезло»: далеко не исчерпав темы, наши читатели перечислили свыше сорока произведений; фантасты помнят и, в общем-то, любят книгу А. Толстого!

Прежде всего, помнил о ней, естественно, сам писатель, в своем рассказе «Союз пяти» упомянувший, правда, не Аэлиту, а Лосю — как инженера, первым на Земле построившего космический корабль.

Около десятка наших читателей, в чьи руки попадает пермская «Молодая гвардия» с НФ страничками клуба «Рифей», не могли оставить без внимания заметку Н. Яковлева «Аэлита — на Земле!», опубликованную газетой в январе этого года. Процитируем ее и мы:

«...мало кто знает, что сразу же

после выхода «Аэлиты» появилось ее продолжение. Анонимный «кинороман» Аэлита на Земле (Золотой Союз) вышел в 1924 году. Задумывался он в восьми выпусках, но появился только один. В нем Аэлита, после поражения революции на Марсе, решает принять участие в революции на Земле, чтобы перенести ее опыт на свою планету. Выступая под именем певицы Мариом Орелли, она ведет борьбу со своим отцом Тускубом, возглавляющим «Золотой Союз». В этой борьбе участвует и Гусев...»

Из произведений современных авторов в первую очередь отметим вслед за читателями полностью посвященные роману А. Толстого рассказы «Памятник Аэлите» скончавшегося недавно красноярского писателя Н. Шагурина и «Цветок Соллы» А. Балабухи. В первом из них на Земле далекого будущего сохранилось помещение, в котором инженер Лось «начал строить новый, второй аппарат для полета на Марс», а в помещении этом — статуэтка Аэлиты, держащей в руках хрустальный шар с видеозаписью событий, изложенных в романе Толстого. Во втором рассказе описаны марсианский город Соацера, споры вокруг не забытого и в будущем романа, памятник прекрасной марсианке на родной ее планете... «Реальную» основу под сюжет «Аэлиты» подводит А. Щербakov в рассказе «Тук!»: его герой вылавливает в космосе консервную банку выпуска 1920 года...

Что же до ссылки на роман и упоминаний его героини — приведем лишь некоторые из них.

Памятуя о книге Алексея Николаевича Толстого, Алексей Никола-

евич Толстовцев называет свою дочь... ну разумеется же, Аэлитой (А. Казанцев. Купол Надежды). «Аэлитой» назван космический корабль (М. Грешнов. Бог Сашка и бог Андрей) и другой космический корабль, летящий к Марсу (А. Колпаков. Формула притяжения). Об Аэлите слагают песни (М. Анчаров. Голубая жилка Афродиты), пишут стихи (Н. Базаов. Аэлита; С. Ежов. К Марсу; уместно здесь вспомнить и балладу В. Крапивина, о которой шла речь в предыдущем нашем номере), она, подобно Нефертити, становится эталоном женской красоты (М. Анчаров. Сода-солнце; Д. Львов. Крибле-крябле-бумс), из романа, ей посвященного, в большом количестве берутся эпиграфы к главам собственного произведения (Л. Хачатурьянц, Е. Хрунов. Путь к Марсу), в предвидении соответствующих ярлыков на всевозможном ширпотребе — ее именем иронически нарекается холодильник (Е. Войскунский, И. Лукодянов. Плеск звездных морей), ее охотно рисуют художники, в том числе — юмористы. Одну такую изюшку, опубликованную в начале года «Литературной газетой», мы с удовольствием перепечатаем по предложению читателей, хотя от других участников викторины знаем, что сюжетно она повторяет более давний рисунок О. Теслера.

Между прочим, приятно, что, все плотнее входя в нашу реальную жизнь, имя героини А. Толстого нередко сохраняет при этом свою романтическую окраску. Ссылаясь на январский номер «Советской культуры», М. Якубовский и А. Тетельман пишут, например, о работающем в Иванове КЛФ «Аэлита». О диагностическом комплексе «Аэлита» на борту орбитальной станции «Салют-6» говорит А. Бордюгов (Новочеркасск). Многие из читателей не преминули упомянуть в этом контексте и нашу первую официальную премию по фантастике...

Впрочем, и сами Аэлиты давно уже живут не только в книгах. Но, по шутовому замечанию В. Борисова, владелицу этого имени, как магнит, должна притягивать к себе фантастика. Потому-то, видимо, с НФ рассказом «Ее улыбка» выпала в нашем журнале Аэлита Ас-совская, а один из рассказов в сборнике «Фантастика-81» написан Аэлитой Дубаевой. Потому же, видимо, и кинокритик Аэлита Романенко в своей брошюре «Слово в фильме» подробно разбирает монологи в НФ фильме «Сталкер»...

Для заключения по вопросу дадим слово С. Иванову и В. Чернику. «Конечно, — пишут они, — первые космонавты, высадившиеся на Марсе, не найдут там ни пригодной для дыхания атмосферы, ни древней цивилизации; конечно, ракета не может лететь с субсветовой скоростью

за счет взрывов бризантного вещества; конечно, явным авантюризмом можно считать вмешательство Лося и Гусева в проблемы инопланетной цивилизации. Все это так. Однако прав А. Балабуха: «К звездам можно послать кибермозг, и он принесет образцы грунтов, флоры и фауны, мегабиты информации... Но только человек может принести со звезд сказку, без которой всякое знание мертво...» И недаром, как сообщалось в «Книжном обозрении» (1983, № 4), ученые назвали новый, недавно открытый астероид этим знакомым нам с детства именем — Аэлитой».

4. ПОСТАРАЙТЕСЬ ПРИПОМНИТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, В КОТОРЫХ ПИСАТЕЛИ-ФАНТАСТЫ В КАЧЕСТВЕ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ ВЫВОДЯТ САМИХ СЕБЯ.

«Эхо-4, — сочиняло Эхо-4 в мирном уединении нового корпуса имени Ротермира Пошлака, — блистательная новая фигура на литературной арене...»
М. Фрейн. Оловянные солдатики

По-видимому, наш вопрос был сформулирован недостаточно четко («некорректно», — читателям очень понравилось это слово): отвечая на него, многие посчитали необходимым начать отсчет с бесчисленного множества произведений, написанных от первого лица. Но при столь глобальном подходе к делу даже в группе, где это «первое лицо» прямо именуется писателем-фантастом, были общими усилиями перечислены десятки произведений: «Говорящий холст» А. Казанцева, «Пустая книга» Д. Биленкина, рассказы В. Журавлевой «Человек, создавший Атлантиду» и, скажем, «Нахалка», повесть Г. Гуревича «Приглашение в зенит»... Остановимся, ибо, по словам В. Молчанова, «писателей-фантастов среди персонажей НФ чуть меньше, чем космонавтов».

Ну, а подразумевали-то мы, конечно же, именно и только те произведения, авторы которых вводили в текст конкретных самих себя, что подтверждалось упоминанием либо их ф. и. о., либо уже изданных за их подписью книг. Кстати, и подобных произведений набралось довольно-таки много, перечислить их все мы попросту и не решились.

«И вот решил я потолковать обо всем этом с Вадимом Шефнером», — так начинается свой рассказ о встречах с писателем Павел Белобрысов, герой романа В. Шефнера «Лачуга должника». «По-моему, портрет В. Шефнера в этом романе, — пишет Г. Прокопик, — самый реалистичный из всех случаев, когда автор выво-

дит себя в качестве действующего лица. В другой своей книге «Девушка у обрыва» В. Шефнер определяет срок своей жизни: «(1915—1984?)». Жаль, но в следующем году мы с величайшим сожалением вынуждены будем сообщить о печальном факте в фантастическом мире 1984 года. (Об этой дате помним и мы, но заранее предупреждаем: по этическим соображениям едва ли решимся вставить ее в хронику будущего года. — В. Б.). Другие авторы так откровенно и смело не пишут о себе, но все же пишут. И, оказывается, немало...»

В подтверждение приведем вслед за Г. Прокопиком и некоторыми другими нашими читателями ряд не нуждающихся в комментариях цитат.

«— Придется уж вам выручать, Александр Петрович, — смеясь обратился он ко мне». (А. Казанцев. Марсианин).

«Я отчетливо произнес:

— Это мистер Вулф из комнаты 1703...» (Т. Вулф. Автоматизированный отель).

«— Меня зовут Визель.

— Очень приятно. А меня — Рассел...» (Э. Ф. Рассел. Тайна мистера Визеля).

«— Я военный корреспондент, — ответил я. — Меня зовут Керш...» (Д. Керш. Что случилось с капралом Куку).

«Состояние здоровья писателя Готфрида Боманса, которое вначале было угрожающим, теперь несколько улучшилось...» (Г. Боманс. Боксер).

«— Добро пожаловать, Раймундо!

Он всегда называл меня Раймундо. Рэй было для него слишком просто...» (Р. Брэдбери. Попугай, который знал Папу).

«— Полиция? — кричит Олдисс в телефонную трубку. — Прошу вас немедленно приехать ко мне...» (Б. Олдисс. А вы не андроид?).

«Это был я. Лично я. Автор этой книги...» (К. Воннегут. Бойня номер пять).

Все эти произведения если не цитируются, то называются во многих ответах. Вот несколько более редких, не бросающихся в глаза примеров.

«Около часа мы высидели в хорошо изолированном помещении, пока по радио выясняли наши личности. По счастью, в комментариях к толстому тому, изданному на потребу академиков, нашлись схожие фамилии Крылова и Леонтьева...» Эта сцена, приведенная Г. Прокопиком, взята из тех глав «Дороги на Океан», в которых Л. Леонов, автор романа, вместе с Куриловым, героем романа, в часы отдыха проходит по дорогам будущего.

«Любопытно, что один писатель, склонный к лженаучным умозри-

тельными построениям, еще задолго до нашествия марсиан предсказал человеку будущего как раз то строение, какое оказалось у них. Его предсказание, если не ошибаюсь, появилось в 1893 году в ноябрьском или декабрьском номере давно уже прекратившего существование «Пэл-мэл баджит»... «Цитата-то взята из всем известной «Войны миров», комментирует Л. Абдулин, но, что и впрямь любопытно, именно Уэллс в конце 1893 года опубликовал статью «Человек миллионного года» в вышеназванном журнале.

У Л. Абдулина же (к слову сказать, отдающего пальму первенства данному вопросу) взяли мы и следующую цитату, на этот раз — из повести «Вне Земли» К. Э. Циолковского: «В 1903 году один русский мыслитель написал серьезный труд по этому поводу и доказал математически на основании тогдашних научных данных полную возможность заселения солнечной системы...» Именно в указанном году основоположник космонавтики начал публиковать свою работу «Исследование мировых пространств реактивными приборами».

«Но я думаю, что нашему уважаемому литератору все же придется изрядно поработать над истерическим бредом большого, прежде чем пустить его в печать... и я прошу тебя, — слышь, Гончаров? — всего-то не передавать, иначе... ну да ладно...» (В. Гончаров. Долина смерти). Собственно, в этом случае комментарии излишни: просто сам пример, по подсказке М. Дагаева, взят из редкой — изданной в 1925 году — книги.

Что ж, хотя в нашем суммированном ответе даны далеко не все примеры, подсказанные читателями, полагаем все-таки вопрос исчерпанным. Правда, не во всех приведенных случаях авторы являлись лицами именно действующими: подчас они себя только называли...

5. «ВЫ БЫВАЛИ НА ПРОСПЕКТЕ УЭЛЛСА? НЕТ! А Я БЫВАЛ». КТО ЭТОТ «Я»? И КТО СОБИРАЛСЯ ВЫВЕСТИ ИЗ ОСЬМИНГОВ УЭЛЛСОВСКИХ МАРСИАН, ЧТОБЫ НАПУСТИТЬ ИХ НА ЛОНДОН!

Г.-Дж. Уэллс никогда не будет принадлежать исключительно истории литературы, в равной степени и, возможно, в еще большей степени он войдет в историю человеческого прогресса.
К. Чапек.

«Вполне можно согласиться с Карелом Чапек, — пишут С. Битюцкий, И. Павловский и В. Рыбкин,

которые и предложили взятый нами эпиграф. — И мы считаем большим упущением, что до сих пор не заложен проспект Уэллса. Приходится фантастам, в частности Г. Гору в рассказе «Лифт», строить такой проспект...»

Рассказ Г. Гора, в котором школьник Андрей бывал на несуществующем проспекте, оказался известен почти половине отвечающих.

Однако более интересна вторая часть вопроса, считает Л. Абдулин и приводит в подтверждение несколько цитат. «Пробегав на пустой желудок с недельку по полям, по лугам, они сами придут и не огорчатся, когда их поймут. А немного погодя даже будут рады. Они будут удивляться, как это они раньше жили без марсиан...» Это — рассуждения Артиллериста в самой «Войне миров». А вот еще два похожих умозаключения: «Мальтус был бы счастлив приветствовать марсиан во имя здоровья и гигиены человечества...» (Л. Лагин. Майор Велл Эндью). «Если бы с Марса к нам прилетели какие-нибудь осьминоги, и то нашлись бы люди, которые с ними стали бы договариваться...» (С. Гансовский. День гнева).

«И поэтому, — заключает наш читатель, — нет ничего удивительного, что Герберт Уэллс напустил марсиан на Лондон, Джерсон Уэллс напустил их на Нью-Джерси, американский кинорежиссер Байрон Хаскин напустил их на весь мир (фильм «Война миров», 1953); а что говорить о Стругацких, которые обошлись без осьминогов, да и почти без марсиан? Действительно ведь — ничего удивительного...»

Вообще же... «Генной инженерией в фантастике занимаются довольно часто, — пишет К. Рыбалко (Камышлов Свердловской области). — Выращивают сверхльвов (Ф. Карсак. Львы Эльдорадо), сверхмедведей (С. Гансовский. День гнева), планерят (У. Гвин. Планерята), кентавров (Ю. Моисеев. Титания, Титания!). Встречаются и головоногие, в силу тех или иных причин обретающие разум. Одним это приносит страдания (С. Павлов. Акванавты), другие вынашивают в отношении людей коварные планы (И. Росохватский. Пусть сеятель знает), третьи просто стремятся к неведомому, незвизрая на преграды (А. и Б. Стругацкие. О странствующих и путешествующих)...»

Конкретный ответ на вторую часть вопроса оказался труден: рассказ Анджеев Чеховского «Человек-образный», в котором злокозненные мысли вынашивал ректор Оксфордского университета доктор Иверсон, был назван лишь пятой частью участников викторины.

«Другое дело сам Уэллс, — пишут горловчане С. Иванов и В. Черник. — Мы лишний раз убедились,

что популярность его в фантастике и у фантастов велика. И в ответах на викторины накопилось уже достаточно материалов для сравнительного популярного писателей-фантастов в фантастике. Будем надеяться, что у нашего клуба появится страничка в газете и мы сможем взяться за разработку этих материалов...» Что ж, пожелаем горловскому «Контакту» осуществить задуманное. А заодно подкажем и другим клубам, уже имеющим прописку в газетах: наиболее остроумные и обстоятельные ответы ваших активистов на наиболее интересные вопросы викторин, при минимальной разработке, могут явиться прекрасным материалом и для ваших газетных страничек, друзья! Разве не так? Ведь за рамками наших обзоров неизбежно остается масса сопутствующих любопытных сведений...

6. В КАКИХ НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГЕРОИ ПОЮТ «ДУБИНУШКУ», «СУЛИКО», «РЕВЕЛА БУРЯ»? НЕ УДАСТСЯ ЛИ ВАМ ПРОДОЛЖИТЬ СПИСОК ПЕСЕН, ИСПОЛНЯЕМЫХ В НФ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ!

Валя поморщилась, заткнула уши пальцами. Карик махнул рукой: пусть поет. У каждого человека должен быть какой-нибудь недостаток...

Я. Ларри. Необыкновенные приключения Карика и Вали

После знакомства с первыми же ответами на этот вопрос мы полностью согласились с мнением С. Иванова и В. Черника: «Если поначалу вопрос показался интересен тем, что обратил наше внимание на песни в фантастике, то вскоре наше настроение соответствовало выраженному в эпиграфе. (Эпиграфом у горловчан, в стане которых прежнее боевое трио породило два не менее боевых дуэта, поставлена цитата из рассказа «Тридцать семь градусов по Цельсию» Л. Альдани: «Ради бога, не упоминайте при мне о песнях...» — В. Б.). Думаем, что в таком состоянии находились и другие участники викторины, которые взялись искать песни в НФ произведениях...» Что ж, утешением, хотя и слабым, пусть послужит всем, кто искал, то обстоятельство, что точно в таком же состоянии оказались и мы, которые задали этот вопрос. Ведь и впрямь, как пишут М. Якубовский и А. Тетельман, «льются песни на просторе фантастических произведений! Самые разные — и наши, и не наши...», народные, эстрадные, классика и собственного сочинения. (Здесь и дальше мы воспользовались общими наблюдениями бакинца В. Карпова, горловчан Е. Кулинич и

Н. Куровского, тираспольца М. Шора, ростовского трио, возглавляемого С. Битующим, и ряда других наших читателей). Поют их герои положительные и отрицательные, взрослые и дети, земляне и инопланетяне, поет природа, поют птицы и звери (а из домашних животных в первую очередь, конечно же, коты), поют роботы и машины, поют электронные мозги космических кораблей, поет... Шекспир (в повести М. Анчарова «Поводырь крокодила»), поет, наконец, Лев Матюшин («такие, как Лев Матюшин из рассказов С. Другалы, встречаются не часто...»). Поют соло и дуэтом, трио и квартетом, хором — большим и малым, и целой планетой, поют — отдыхая, поют — понуждаемые к тому внушением или иной внешней силой, поют — чтобы подбодрить себя или окружающих в трудной ситуации, поют — выступая на ученых собраниях, поют — под гитару, под банджо, под любые другие, в том числе фантастические, музыкальные инструменты — и без сопровождения оных. «Такое ощущение складывается иногда, что если бы не жесткие рамки рассказа или повести, герои построились бы в колонны и все дружно пошли записываться в кружки пения и хоры. А когда мы стали просматривать «У. С.» за последние годы, мы там обнаружили столько песен, что дальнейшие поиски потеряли всякий интерес...»

Охотно принимаем критику в свой адрес, но урок из нее можем извлечь, по-видимому, лишь один: и впрямь все мы — «с песней по жизни шагаем», все, включая сюда и фантастов, и героев их книг. Тем более, что с давних пор «связи фантастики и музыки разнообразны и многогранны — ведь это два раздела искусства», как пишет В. Молчанов, приводящий и краткий перечень популярных в НФ музыкальных тем (пути развития музыки в будущем, использование ее в качестве средства общения между различными формами разумных существ, методы улучшения музыкальных способностей, целебные свойства музыки и даже совсем уж юмористическое использование ее в качестве топлива для космических кораблей).

Впрочем, вернемся к песням. Один только неутомимый А. Почуев (Донской Тульской области) «записал» у фантастов... свыше 160 песен! Ну, а наш не электронный, но зато коллективный мозг обнаружил, что наиболее популярны в фантастике «Подмосковные вечера» и «Интернационал» (встречены в семи произведениях), «Четырнадцать минут» и «Из-за острова на стрежень» (в шести).

По распространенности ничуть не уступает этим песням и «Дубинушка», встречающаяся не только в за-

гаданном нами рассказе Д. Биленкина «Сокровища Нерианы», но и в повестях «Пришелец» Е. Шатыко и «Приключения Лана и Поуна» В. Санина, в рассказах «Поверхность Мебиуса» С. Другалы, «Мы пойдем мимо — и дальше» В. Журавлевой и «Дель и Финия» Г. Гуревича, в романе «Властелин мира» А. Беляева (правда, в последнем случае мы не проверяли, положились на А. Почуева: искать песню в романе без указания хотя бы главы — не те ли самые поиски иголки в стог сена?). Приплюсуем сюда, кстати, и сообщение М. Якубовского и А. Тетельман о том, что у Д. Биленкина же в рассказе «Появление жирафы» цитируется «Дубинушка» — физическая, по их словам известная всем студентам-физикам: «Все химики ноль, только физики — соль... Словом, как говорится, стыд вам, товарищи, и позор — всем тем, кто не нашел в НФ ни единой «Дубинушки! Позор вам, товарищи, и стыд — тем большшай, что, не найдя «Дубинушку», сложно рассчитывать на успех и в поисках песни о Ермаке: кроме уже названных рассказа С. Другалы и повести В. Санина, ее поют, по-видимому, лишь в нефантастическом вообще-то «Ветеране» И. Варшавского да в сказке Н. Гернет и Г. Ягдфельда «Катя и крокодил» («Когда Надежда Петровна дошла до «Сидел Ермак, объятый думой», она увидела крокодила...»). Назывался, правда, в одном из ответов еще и роман Ю. Долгушина «ГЧ», но тут, опять-таки, хотите — верьте... Что же до «Сулико», то, хотя и исполняется она в фантастике, очевидно, лишь работниками стройконторы Корнелия Удалова в рассказе «Две капли на стакан вина», ее обнаружил, однако же, чуть ли не каждый третий из отвечавших (столько же, сколько отличилось в общей сложности в поисках песни про Ермака)...

7. «ВЧЕРА ОДИН ИЗ ЛАБОРАНТОВ УПОМЯНУЛ О ШЕКСПИРЕ... Я ДОГАДАЛСЯ: ШЕКСПИР ДОВОЛЬНО ИЗВЕСТНЫЙ ЛИТЕРАТОР, РАБОТАЕТ В ЖАНРЕ ДРАМАТУРГИИ УЖАСОВ. ПО-ВИДИМОМУ, ОН ПИШЕТ И СЦЕНАРИИ ДЛЯ ДЕТЕКТИВНЫХ СТЕРЕОФИЛЬМОВ». ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ОТРЫВОК? А ВОТ ЭТОТ: «ВЫ, КОНЕЧНО, ШУТИТЕ. «ОТЕЛЛО», ЧУДЕСНАЯ ДРЕВНЯЯ ДРАМА, ПЛОД БЕССМЕРТНОЙ ФАНТАЗИИ ШЕКСПИРА...» И НЕ ВСТРЕЧАЛСЯ ЛИ ВАМ В ФАНТАСТИКЕ САМ ШЕКСПИР!

— Ступай отсюда, — говорит Шекспир повелительно. — Ступай и докажи, что меня и вовсе не было...

М. Анчаров.
Поводырь крокодила

1983-й... 1983-й?!

Краткая хроника событий, «запланированных» фантастами

1983. Благодаря применению Новых Методов Зондажа будущего компьютерная программа Мак Флак Хак победила сразу всех великих шахматных гроссмейстеров (С. Лем. Экстелопедия Вестранда. Рус. перевод — 1978).

1983, 11 января. Исполнилось 10 лет Альберту Ламберту, в будущем — знаменитому художнику (К. Саймак. Заповедник гоблинов. 1968. Рус. перевод — 1972).

1983, 25 февраля. Инопланетяне должны были вступить в непосредственный контакт с обитателями Земли (Г. Максимович. Связной. 1980).

1983. Родился Наркес Алиманов, в будущем — выдающийся физиолог, дважды лауреат Нобелевской премии, открывший формулу гениальности (Ш. Алимбаев. Формула гениальности. 1983).

1983, апрель. Реактивный «Боннг-720», летевший из Флориды в Чикаго, потерпел катастрофу, столкнувшись в воздухе с «летающей тарелкой» (М. Гребенок. Парадокс времени. 1979).

1983. По Земле прокатилась Великая Зеленая Чума. В США пересохли крупные реки (Л. Райноу. Год последнего орла. 1970. Рус. перевод — 1977).

1983. Готовясь подменить собою Джона Леннона, маклер Филдинг обеспечивает себе безбедное будущее, сорвав куш на международной бирже (Г. Бенфорд. Под Леннона. 1975. Рус. перевод — 1982).

1983. Без вести пропал кинорежиссер Михаил Барковский, постановщик супербоевика «Десант на Сатурн» (Ю. Мелведев. Чертова дюжина «Оскар». 1977).

1983, сентябрь. Сан-Франциско на три дня свергнут в полнейший хаос мыльными пузырями воздушной рекламы (А. Нельсон. Мыльная опера. Рус. перевод — 1973).

1983, осень. Большое токийское землетрясение, во время которого погибло свыше двух миллионов человек и еще столько же лишилось крова (С. Комацу. Гибель Дракона. 1973. Рус. перевод — 1977).

1983. Исполнилось 15 лет Гарольду Митчеллу, будущему космонавту, первым ступившему на Марс (В. Назаров. Синий дым. 1972).

1983, 25 ноября. Прошло 50 лет с того дня, когда комета Биэлы пересекла земную орбиту на расстоянии в 10 000 километров от Земли, бег которой в пространстве удалось притормозить благодаря дружеской помощи марсиан (А. Абашели. Женщина в зеркале. Рус. перевод — 1961).

1983, декабрь. Из испытательного полета «к далекой безжизненной планете, обтянутой рыжими облаками», возвращается, по пути облетев Луну, советский космонавт (В. Астафьев. Ночь космонавта. 1972).

Кроме того, продолжают грать, замерзнув, во льдах и снегах северной книги «Внуки наших внуков» Ю. и С. Сафронных (1958), «Прыжок в послезавтра» П. Воронина (1970), «Завещание каменного века» Д. Сергеева (1971) и многих других.

Кроме того, по-прежнему находится в пути туда и обратно многочисленные путешественники во времени...

Около половины отвечавших без-
ошибочно определили: первый отры-
вок взят из рассказа А. Шалимова
«Неудачный эксперимент». Примерно
столько же назвали источник второ-
го отрывка — рассказ С. Сандрелли
«Гипносуфлер».

Шекспир в фантастике? И это
не в диковинку нашим читателям,
перечислившим почти три десятка
произведений отечественных и зару-
бежных авторов. Наиболее часто на-
зывались при этом рассказы «Бес-
смертный бард» А. Азимова и «На-
чало одной дискуссии» Р. Подоль-
ного, повесть М. Анчарова «Пово-
дырь крокодила» и, разумеется же,
роман К. Саймака «Заповедник го-
блинов».

**8. «— ГОСПОДА, РАЗРЕШИТЕ
ПРЕДСТАВИТЬ: ГОСПОДИН НИКО-
ЛАЙ ЛОЖКИН. ТОТ САМЫЙ. ПОЛА-
ГАЮ, ВАМ ВСЕ ИЗВЕСТНО ОБ ЭТОМ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКЕ». А
ВАМ, ЧИТАТЕЛЬ! В КАКОМ ПРОИЗ-
ВЕДИИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ «ТОГО
САМОГО» ЛОЖКИНА!**

Я полагаю, что мое имя вам
известно...

Н. Ложкин. Письмо в редакцию
[«Знание — сила», 1973, № 10]

«Гусляр-то, конечно, Гусляр,—
как-то не очень уверенно рассудил
один наш читатель.— Но есть в этом
вопросе какая-то тайна, для меня
покрытая мраком...»

Что ж, закономерно. Как пишет
З. Трегубова (Воронеж), «...и все
участники викторины бросились в
славный город Великий Гусляр, и
толпами обступили пенсионера Ни-
колая Ложкина, и направились (прав-
да, теперь уже далеко не все! —
В. Б.) обратно, тяжело вздыхая, ибо
гуслярский Н. Ложкин, конечно, ве-
ликий человек, но, увы, не «тот са-
мый». А надо было всего-навсего
сесть на машину времени, более из-
вестную под названием времяхода,
и взять интервью у ее водителя.
И «тот самый» Николай Ложкин рас-
сказал бы вам...»

Впрочем, за подробностями, по-
скольку они уже известны почти по-
ловине участников викторины, отсы-
лаем к «Невыдуманым рассказам
заслуженного водителя времяходов
дальнего следования Николая Лож-
кина», включенным в книгу «Внима-
ние: ахи!» В. Бахнова, а если кон-
кретнее — к рассказу «Корона Па-
прикотов, или Последнее дело
Джеймса Бонда-младшего».

К слову сказать, есть у В. Бах-
нова и другой сборник фантастиче-
ских юморесок: «Тайна, покрытая
мраком...» Уж не иронизировал ли
над нами наш сомневающийся чита-
тель? Ведь был-то им... Л. Абдулин!

**9. ПРЕДСТАВЬТЕ СЕБЕ, ЧТО
ВЫ — ОДИН ИЗ ПОЛНОМОЧНЫХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗЕМЛИ НА МЕЖ-
ПЛАНЕТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО НФ
И ВАМ ПОРУЧЕН ОТБОР ПРОИЗВЕ-
ДИИ ДЛЯ МНОГОТОМНОЙ СЕРИИ
«ЛУЧШЕЕ В ФАНТАСТИКЕ» — ПО
СЕКТОРУ СОВЕТСКОЙ НФ (ЛЮБЫХ
ЛЕТ ИЗДАНИЯ). КАКИЕ 10 ЛУЧШИХ
РОМАНОВ, 10 ПОВЕСТЕЙ И 10 РАС-
СКАЗОВ ВЫ ВЫБЕРЕТЕ ДЛЯ ЭТОЙ
СЕРИИ!**

Премия за лучшее произве-
дение из представленных на Пер-
вой Межпланетной Конференции
по НФ, проходившей в г. Сверд-
ловске, жюри решило не присуж-
дать ввиду большого количества
претендентов...
Из «Учебника фантастики», т. 10.

Прежде всего — выразим благо-
дарность авторам эпиграфа за ме-
сто, избранное для проведения кон-
ференции! Если быть честными, стать
хозяевами столь высокого форума
мы очень и очень не готовы...

Много слов — и доверительно-
теплых, и ироничных, и саркастиче-
ских, и негодующих, и поясняющих,
и вопрошающих — предпослано было
ответам на этот наш вопрос.

«Нелегко говорить от имени
всего человечества. Но я попро-
бую...» Попробовали все. Получи-
лось. У всех.

«Надеемся, когда начнется под-
писка на эту многотомную серию,
участники викторины-83 будут обес-
печены ею вне очереди...» Увы, вот
этого не гарантируем. Даже самим
себе!

«О, коварные! Признайтесь, ведь
этот вопрос был включен в надеж-
дой разбить сложившиеся коллекти-
вы? Само собой! А вы сомнева-
лись?»

Пикировать подобные шуточные
комментарии можно было бы дол-
го... Поговорим всерьез.

Была и критика в адрес этого
вопроса — кое-с чем мы согласны.

Так, не было оговорено нами
очень желательное (а как выясни-
лось, и необходимое) условие: в
каждом разделе у любого автора
называть лишь одно произведение.
К чему это привело — легко увидеть,
посмотрев на раздел повестей: в
нем неплохо представлено творчест-
во несомненных лидеров современ-
ной нашей фантастики А. и Б. Стру-
гацких, но составить по нему суж-
дение о советской НФ повести в це-
лом — едва ли возможно.

Не были предложены нами и
критерии: что же все-таки считать
фантастикой? Но, боимся, четких
инструкций такого плана в наше вре-
мя, пожалуй, и быть не может: они,
напротив, становятся все расплывча-
тее, все шире. Принять за аксиому
давнее положение Г. Гуревича: «фан-
тастика — это литература, где суще-

ственную роль играет необыкновен-
ное, несуществующее, неведомое,
явно придуманное; научная же фан-
тастика (т. е. то самое, о чем в дан-
ном случае и идет речь.— В. Б.) это
такая область, где необыкновенное
создается материальными силами —
природой или человеком с помощью
науки и техники? Но тогда за бор-
том нашего корабля вместе с рома-
нами М. Булгакова и В. Орлова ока-
жется, к примеру, и «Понедельник...»
А. и Б. Стругацких, а уж это ли не
чистейшая НФ в нынешнем ее по-
нимании? Единственно приемлемым
представляется нам такое далеко
не бесспорное утверждение: так
или иначе, но рассматриваемые на-
ми произведения обязаны проявлять
в себе отношение автора к науке,
к научно-техническому прогрессу.
Можно это утверждение оспаривать,
но уйти от него, на наш взгляд,
трудно: иначе обожаемая нами фан-
тастика (эпитет «научная», как могли
замечать постоянные наши читате-
ли, мы с давних пор опускаем — од-
нако лишь потому, что уж больно
засмеляет он фантастику, неизбеж-
но выдавая за эталон безукоризнен-
но научную, но едва ли читаемую в
наши дни фантастику «ближнего
прицела») и впрямь бесследно ра-
створится в безбрежном потоке кни-
жной продукции. А ведь каждый из
нас как-то ухитряется ее — фантас-
тику — извлекать из этого потока...

И, наконец, третья — уже совер-
шенно не зависящая от нас — слож-
ность глобального порядка. В отли-
чие, скажем, от американской фан-
тастики, где (цитируем письмо
А. Черткова из Николаева) «любое
произведение, большее 8 печатных
листов и выходящее отдельным из-
данием, называется романом», в на-
шей литературе четких жанровых
разграничений не существует. Все
произведения Стругацких, к приме-
ру, даже и явно тяготеющие к ро-
манной форме, самими авторами
определены как повести. Что ж,
приходится следовать за авторами.

Все прочие соображения (рас-
ширить раздел повестей до 15—20,
а рассказов — до 20—30 названий;
или, наоборот, во всех трех катего-
риях ограничиться цифрой 5; или
выделить специальный раздел: 10 лу-
чших произведений братьев Стругац-
ких; или самостоятельным, как в
англоязычной фантастике, классом
сделать короткую повесть...) мы, на
правах хозяев положения, оставля-
ем без внимания, хотя искренне
признательны за них и весьма тща-
тельно их рассмотрели.

Отметим лишь, что, вслед за
Г. Кузнецовым — автором этого во-
проса, мы вынужденно учредили ре-
зерв к каждому из разделов — на-
зываем произведения, отстающие от
последних в десятках лишь на 2—5
голосов.

После столь длинной преамбу-

лы — вот они, наконец, наши десяти.

Романы: И. Ефремов — Туманность Андромеды; В. Савченко — Открытие себя; А. Толстой — Аэлиа; С. Снегов — Люди как боги; А. Беляев — Человек-амфибия; С. Павлов — Лунная радуга; М. Булгаков — Мастер и Маргарита; Е. Гуляковский — Сезон туманов; И. Ефремов — Лезвие бритвы; О. Ларионова — Леопард с вершины Килиманджаро. (Резерв: Е. Войскунский, И. Лукодянов — Экипаж «Меконга»; В. Михайлов — Сторож брату моему; А. Толстой — Гиперболоид инженера Гарина; Ю. Тупицын — Перед дальней дорогой; А. и С. Абрамовы — Рай без памяти; А. Казанцев — Пылающий остров).

Повести: А. и Б. Стругацкие — Трудно быть богом, Понедельник начинается в субботу, Пикник на обочине, Жук в муравейнике, За миллиард лет до конца света, Хищные вещи века; О. Ларионова — Сказка королей; А. и Б. Стругацкие — Возвращение, Второе нашествие марсиан; А. Мирер — Дом скитальцев. (Резерв: А. и Б. Стругацкие — Обитаемый остров, Далекая Радуга; С. Гансовский — Часть этого мира; В. Крапивин — Дети синего фламинго; Д. Биленкин — Космический бог; И. Ефремов — Сердце Змеи).

Рассказы: С. Гансовский — День гнева; В. Колупаев — Зачем жил человек; К. Булычев — О некрасивом биоформе; В. Савченко — Вторая экспедиция на Странную планету; К. Булычев — Снегурочка, Половина жизни, Поступили в продажу золотые рыбки; И. Варшавский — Тревожных симптомов нет; В. Григорьев — Образца 1919-го; Г. Альтов — Создан для бури. (Резерв: В. Михайлов — Ручей на Япете; В. Журавлева — Снежный мост над пропастью; С. Другаль — Экзамен; И. Россохватский — Белые звери).

Мы намеренно не упоминали количество голосов, набранных каждым из перечисленных произведений. Три сотни мнений — не та цифра, на основании которой можно возводить оценки, вроде бы претендующие на абсолют, и, публикуя все-таки эти списки, мы лишь честно следуем желанию читателей непременно увидеть ответ на этот вопрос.

Вопрос этот признан интересным и нелегким, однако анкетный, не соревновательный его характер несомненен. И поэтому мы, скорее всего, повторим его в будущем году — уже как самостоятельное задание, ибо достоверно знаем: очень и очень многие любители НФ, довольно ревниво за нашими викторинами наблюдая, участия в них не принимают и никогда не примут (возможно, из-за нежелания обременять себя трудоемким занятием с лишь

ИТОГИ ВИКТОРИНЫ—83

Полностью ответили на все вопросы викторины В. ГУРЕВИЧ (Комсомольск-на-Амуре), Г. КУЗНЕЦОВ и В. ЛЕПИЛИН (оба — Новосибирск), А. ЛЯПУСТИН и С. ПОШЕВЕЛЯ (оба — Новочеркасск). Вплотную за ними следуют С. БИТЮЦКИЙ, И. ПАВЛОВСКИЙ и В. РЫБКИН (Ростов-на-Дону), А. БОРДЮГОВ (Новочеркасск), С. ИВАНОВ и В. ЧЕРНИК, Е. КУЛИНИЧ и Н. КУРОВСКИЙ (оба дуета — из Горловки), В. МОЛЧАНОВ (Пермь), В. ПЕРЕДКОВ (Комсомольск-на-Амуре), Г. ПРОКОПИК (Вязники Владимирской области), М. ЯКУБОВСКИЙ и А. ТЕТЕЛЬМАН (Ростов-на-Дону), а также Г. КАРПОВ, К. МЗАРЕУЛОВ и А. БЕЗРУКОВ (все трое — Баку). Среди школьников отметим девятиклассника Сергея ТЕТЮННИКА (Рязань) и десятиклассника Игоря СТЕПАНОВА (Иркутск).

Всем перечисленным здесь читателям высланы книги с автографами советских писателей-фантастов.

брежущим и оттого маловероятным вознаграждением).

Собственно, подготовкой читателей журнала к этому будущему заданию и продиктованы столь подробные наши рассуждения...

ВТОРОЙ ТУР

1. «...СЛОЙ ВОЗДУХА ТОЛЬКО НА РАСТОЯНИИ ОДНОГО КИЛОМЕТРА ОТ ПОВЕРХНОСТИ ЗЕМЛИ РАВЕН ПО ОБЪЕМУ ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ ПОЛУМИЛЛИАРДУ КУБИЧЕСКИХ КИЛОМЕТРОВ. А БОЛЕЕ ИЛИ МЕНЕЕ ОДНОРОДНЫЙ ПО ПЛОТНОСТИ ВОЗДУХ ТЯНЕТСЯ НА ВОСЕМЬ КИЛОМЕТРОВ ВВЕРХ... СКОЛЬКО ЕЩЕ НЕИСПОЛЬЗОВАННОГО СЫРЬЯ!» ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ОТРЫВОК!

— Вы знаете, Адам, новость — на каждого гражданина давит столб воздуха силою в двести четырнадцать кило!

— Нет, — сказал Козлевич, — а что!

— Как что! Это научно-медицинский факт.

И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок

«Воздух... Сколько было ситуаций в НФ, когда его нехватка грозила гибелью людям! Воздуха не хватало в скафандрах и космических кораблях, в аквалангах и на станциях. А вспомним «Пылающий остров» А. Казанцева — тут уже речь шла о всей Земле. Но фраза, приведенная в вопросе, взята не оттуда... Поразмыслив, мы пришли к следующему выводу. Раз воздух используется

как сырье, значит, его или используют для производства чего-либо, или же переправляют в места, где его не хватает (как воду отправляли с Земли на Марс в повести А. Азимова «Путь марсиан»). Если воздух переправляют, то его либо отдают, либо продают. Продажа! И сразу вспоминается...»

Не только В. Воробьев и Б. Рифтин, чье письмо здесь процитировано, но и четыре пятых всех участников викторины без особого труда вспомнили роман «Продавец воздуха» А. Беляева. «Вопрос, очевидно, задан с целью проверить, читаем ли мы классику. Читаем», — заверил нас А. Бордюгов. Что ж, приятно в том убедиться, тем более — в преддверии близкого юбилея (100 лет со дня рождения!) классика нашей фантастики...

Самый же приятный (с нашей точки зрения) ответ на этот, как выяснилось, самый легкий вопрос викторины-83 содержался в бандероли, присланной М. Якубовским и А. Тетельман: «Продавец воздуха» А. Беляева, только что переизданный в Ростове в виде отдельной книжки. До сих пор книги покидали редакцию, подумалось нам. Возможно, наступает время обратного процесса? Г-м-м...

2. «— РАЗ, ДВА, ТРИ — ДА ЭТО ПЕРЕВЕРНЕТ ВСЬ МИР! РАЗ, ДВА, ТРИ! АГА... ТАК, ТАК, ТАК! ЭТО СТАНЕТ МОИМ БОЕВЫМ КЛИЧЕМ, ЦЕЛЬЮ И ОПРАВДАНИЕМ ВСЕЙ МОЕЙ ЖИЗНИ! РАЗ, ДВА, ТРИ! ДА ЭТО ВАЖНЕЕ, ЧЕМ ИЗОБРЕТЕНИЕ КОЛЕСА ИЛИ ПАРОВОГО ДВИГАТЕЛЯ! И КАК ПРОСТО! ДА! Я ПОСВЯЩУ ЭТОМУ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ!» КТО И ГДЕ ПРОИЗНЕС ЭТИ СЛОВА!

— Кто дирижер! — отлетая, спросила Маргарита.

— Иоганн Штраус, — закричал кот, — и пусть меня повесят в тропическом саду на лиане, если на каком-нибудь балу когда-либо играл такой оркестр...

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

И этот вопрос оказался из легких: две трети отвечавших дружно сошлись на том, что приведенные слова произносит в рассказе Н. И. Серрадора «Высокая миссия» (другое название — «1, 2, 3») знаменитый Иоганн Штраус, отец вальса. Произносит — под телепатическим воздействием инопланетян-трипитов, пытавшихся привить землянам «чувство трюичности» и через него внедрить на Земле более прогрессивную, на их взгляд, трюичную систему счета...

Задавая этот вопрос, мы никак не предполагали, что рассказ испанского писателя, опубликованный в 1969 году (сборник «Музы в век звездолетов»), будет перепечатан в новейшем сборнике переводной фантастики «Трудная задача», поздравившемся едва ли не одновременно с нашей викториной...

3. «Я ВЫНУЛ КАРАНДАШ И НАЦАРАПАЛ НА ПОЛЯХ ГАЗЕТЫ: ДНДДНДД.

— ЧТО ЭТО! — СПРОСИЛ Я.

— СТО СЕМЬДЕСЯТ ДЕВЯТЬ...»

ЧТО ЭТО ЗА СИСТЕМА СЧЕТА И ГДЕ ОНА ФИГУРИРУЕТ!

— Двоичный код! Любые мыслимые понятия, образы, сигналы, самую разнообразную информацию, возникающую в любой точке Вселенной, можно передать, отвечая: «да» — «нет».

А. Мееров. Осторожно — чужие!

«ДНДДНДД. Да-нет-да-да-нет-нет-да-да. 1-0-1-1-0-0-1-1. Плюс-минус-плюс-плюс-минус-минус-плюс-плюс... Это записи одного и того же числа — числа 179 в привычной нам десятичной системе счисления. В системе, о которой идет речь в вопросе, это число можно написать еще множеством различных способов, используя любые известные нам противоположные понятия (день и ночь, верх и низ, жизнь и смерть, ин и янь...), которые являются основой величайшей системы счисления нашего электронного века — двоичной...»

Вот С. Иванов и В. Черник все нам и объяснили... Остается добавить, что рассказ Д. Уиндэма «Чокки» известен почти половине отвечавших. Добавим также, что Г. Прокопик выявил попутно «странную» приверженность авторов именно к литерам Н и Д»: ОДТЧПШСВДД (М. Ем-

цев, Е. Парнов. Море Дирака), НД (З. Юрьев. Полная переделка), НДЕ (П. Сабо. Черные и белые дыры), ДН-53 (К. Борунь. Токката), ДН-2 (С. Снегов. Вторжение в Персей)...

4. «— КОРОВА... — С УСМЕШКОЙ НАЧАЛ ДИЕГО. — ЭТО ТАКОЕ БОЛЬШОЕ ЖИВОТНОЕ С ЧЕТЫРЬМА НОГАМИ ПО УГЛАМ...» ГДЕ КОРОВЕ БЫЛО ДАНО СТОЛЬ СТРАННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ!

Все просто и непритязательно, как корова в церкви...

Р. Хайнлайн. Если это будет продолжаться

«С коровами в фантастике можно встретиться достаточно часто, — пишут М. Якубовский и А. Тетельман. — Например, действительно большую корову сделал один из героев повести Е. Велтистова «Победитель невозможного». Крупные представители этого вида бродят по «Светлячковой поляне» С. Другала и по повести «Полдень. XXII век» А. и Б. Стругацких. Синтетическую корову, соскучившись по натуральному молоку, сконструировали герои рассказа Р. Сильверберга «Тру-ру-ру». Вымершее животное под названием «корова» упоминается в рассказе «Доллар Джона Джонса» Г. Киллера... «Между прочим, встречаются в фантастике и коровы карликовые, и летающие, и подводные, и космические, и даже «коровы времени»...

Конкретный же ответ на наш вопрос более половины участников викторины нашли в повести В. Головачева «Великан на дороге» (в отдельном издании — «Непредвиденные встречи»).

Добавим к этому, что, по словам Л. Абдулина, Курт Воннегут поступил проще. В романе «Завтрак для чемпионов» есть фраза: «Рубленные бифштексы приготавлились из животного, которое выглядело так...» — далее следует рисунок коровы. Но вообще-то Л. Абдулина больше устраивает другая цитата: «Корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе — недопустимая поэтическая вольность» (Р. Шекли. Обмен разумом)...

5. КТО ИЗ ФАНТАСТОВ ОТДАЛ ДАТЬ ЗНАМЕНИТОЙ ЗАДАЧЕ О БУРИДАНОВОМ ОСЛЕ!

— Видишь ослика! — спрашиваю я... — У него великое будущее.

— У осликов это бывает...

Г. Альтов. Ослик и Аксиома

На этот вопрос за нас отвечает Г. Фатеев (Лунга Молдавской ССР). «В романе Е. Войскунского и

И. Лукодянова «Экипаж «Меконга» есть строки: «— Про Буриданова осла слышали? Который не знал, какую из двух одинаковых охапок сена выбрать, и подох с голоду. Так я вам не Буриданов осел, — он вытащил из кармана двадцатикопеечную монету...» Вот так человек решил задачу выбора из двух равноценных вариантов — жребием.

Но в фантастике, как правило, этот выбор должны сделать либо роботы, либо электронные машины. И это приводит к печальным результатам. В рассказе А. и Б. Стругацких «Великий КРИ» (другое название — «Загадка задней ноги») введение неразрешимой задачи в электронный мозг вызывает шестие удивительных механизмов. У И. Варшавского в секторе Нестандартных методов мышления Проектного института имени Буридана (рассказ «Пути, которые мы выбираем») Малый Домашний Анализатор рассчитывает пять равноценных маршрутов, но не может выбрать из них одного, а судьбу двух проектов решает... черная кошка. В рассказе С. Георгиева «Левое и правое» осел, над которым экспериментируют в Институте Глобальных Проблем и Необъяснимых Случаев, постоянно выбирает левую охапку: дело в том, что в цирке он ходил по арене именно в эту сторону. В повести тех же Е. Войскунского и И. Лукодянова «Формула невозможного» неразрешимую задачу подсовывают космонавты электронному мозгу на другой планете — и он выходит из строя. Такая же судьба постигла мозг в рассказе Г. Диксона «Вставить палку в колеса», робота Элби в рассказе А. Азимова «Лжец». Знаменитый вопрос о всемогуществе вывел из строя ВЭДРО в «Повести о дружбе и недружбе» А. и Б. Стругацких. Только смекалка спасла людей от гибели, когда у робота Спида вступили в противоречие Второй и Третий законы (А. Азимов. Хоровод).

А в рассказе О. Ларионовой «Пока ты работала» электронная машина воссоздает знаменитые две охапки сена...

6. «ЧТО БОЛЬШЕ — КВАДРАТНЫЙ МЕТР ИЛИ СЕКУНДА?» ОТКУДА ЭТО! И ГДЕ ВРЕМЯ ИЗМЕРЯЕТСЯ ДЕСЯТКАМИ МЕТРОВ! А В ТОННАХ, КИЛОГРАММАХ, ГРАММАХ! НАКОНЕЦ, НЕ ВСТРЕЧАЛСЯ ЛИ ВАМ ЗАКОМ СОХРАНЕНИЯ ВРЕМЕНИ!

— Каков ваш возраст, сэръ!

— Шестьсот пятьдесят миль...

К. Прист. Опрокинутый мир

Найти фразу из «Баллады о звездах» Г. Альтова и В. Журавлевой оказалось самой сложной задачей в викторине: лишь шестая часть отвечавших справилась с нею.

Десятками метров измеряется время в рассказе М. Чудаковой «Пространство жизни», известном половине участников викторины. Но... «К. Прист пошел еще дальше,— пишут С. Битюцкий, И. Павловский и В. Рыбкин.— В его романе «Опрокинутый мир» жители Города не разделяют Время и Пространство и даже свой возраст измеряют в ми-лях...»

«Весометрическую» систему чет-верть отвечавших нашла в рассказе В. Шефнера «Курфюрст Курляндии».

Что же до закона сохранения времени, то, например, В. Передков (Комсомольск-на-Амуре) обнаружил его не только в рассказе Р. Подоль-ного, который так и называется: «Закон сохранения», но и в «Моно-полии на разум» М. Пухова («...Нет ничего проще,— сказал Джильд.— Чтобы замедлить где-нибудь время, нужно где-то его ускорить. Прибли-зительно так...»), и в «Качелях От-шельника» В. Колупаева (сюжет по-вести построен на следствии закона, сформулированного в рассказах Р. Подольного и М. Пухова), и в «Бруклинском проекте» У. Тэнна («...действие равно противодействи-ю — справедливо для времени точно так же, как для остальных трех измерений»)...

7. «...ЕГО МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА БЫЛА НЕВЕРОЯТНОЙ, ГЛУ-БИНА МЫСЛИ БЕЗДОННОЙ, МЕТОД РЕШЕНИЯ БЕЗУКОРИЗНЕННЫМ...» ОТКУДА ВЗЯТ ЭТОТ ОТРЫВОК?

Один молодчик на Сатурне — он немного напоминает гриб на ходулях — в уме решает диффе-ренциальные уравнения в част-ных производных...

А. Порджес. Саймон Флэгг и дьявол

Несколько сокращенная на этот раз цитата нашего вопроса о мате-матике, способном удивить Ньютона, Лейбница, Гаусса, Эйлера, Лобачев-ского и еще многих, взята из пове-сти А. Днепровы «Уравнения Макс-велла», о которой помнят три чет-верти участников викторины.

8. а) «НАЙДИТЕ ТРИ ЧЕТЫРЕХ-ЗНАЧНЫХ ЧИСЛА, КАЖДОЕ ИЗ КО-ТОРЫХ РАВНО КВАДРАТУ СУММЫ ЧИСЕЛ, СОСТАВЛЕННЫХ ИЗ ДВУХ ПЕРВЫХ И ДВУХ ПОСЛЕДНИХ ЦИФР ИСКОМОГО ЧИСЛА»; б) «ЕСЛИ ПОЛТОРА ЦЫПЛЕНКА ЗА ПОЛТО-РА ДНЯ СНЕСУТ ПОЛТОРА ЯЙЦА, ТО СКОЛЬКО ЯЙЦ СНЕСУТ ДЕВЯТЬ ЦЫПЛЯТ ЗА ДЕВЯТЬ ДНЕЙ?»; в) «СИ-НУС КОСИНУСА, ПОМНОЖЕННЫЙ НА ТАНГЕНС ГИПОТЕНУЗЫ, ПОЛУ-ЧАЕТСЯ ДВА МЫШИНЫХ ХВОСТИКА

И ПТИЧИЙ КЛЮВ В ОСТАТКЕ...» ПРИ ЖЕЛАНИИ МОЖНО, КОНЕЧНО, ПРИ-БЕГНУТЬ К МАТЕМАТИКЕ, ОДНАКО ДЛЯ НАС ВАЖНЕЕ УЗНАТЬ: КТО И ГДЕ РЕШАЛ ЭТИ ЗАДАЧИ!

— Козлик скромно сказал:
— Раздели его вдоль!
— Тривиально! — сказал Ма-тематик.— Позволь

Я уж лучше
Его разделю поперек!
Л. Кэрролл. Алиса в Стране Чудес

«Куда же деваться персонажам фантастики от решения невероятных задач!.. Задача из повести Е. Бел-тистова «Электроник — мальчик из чемодана» достаточно элементарна для самого Электроника, но, пожа-луй, затруднительна для Сыроежки-на или другого простого смертного. Вторая задача одинаково проста как для человека, так и для машины, хотя решает ее именно машина — Мультивак из рассказа А. Азимова «Выход из положения». Полтора цыпленка — это, строго говоря, ло-гический нонсенс, но, может быть, на этом и строится система провер-ки исправности Мультивака? А уж третья-то задача совсем даже не за-дача! Это скорее признание под пыткой, ведь главное-то в том, что «синус связан с косинусом и тангенс связан с котангенсом» — в этом твер-до убежден магистр из повести «Музей восковых фигур» А. Шаро-ва...

Впрочем, что такое — одна за-дача на произведение! Во многих рассказах герои только и делают, что решают задачи. Взять хотя бы «Последний экзамен» Д. Биленкина, «С кометой» А. Кларка или «Абсолютную технократию» Л. Аль-дани...»

Успешно, как и Р. Арбитман с В. Казаковым (это их письмо мы процитировали), не прибегая к ма-тематике, справились со всеми тре-мя задачами около половины уча-стников викторины.

9. ПРЕДЛОЖИТЕ ВАШИ ВОПРО-СЫ ДЛЯ НОВОЙ ВИКТОРИНЫ. НА-ЗОВИТЕ САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ВОПРОС ВИКТОРИ-НЫ-83.

— Значит, вы можете отве-тить на любой корректный во-прос...

— Да.
— И можете решить любую задачу...

— Да.
— И можете придумать лю-бую задачу и любой вопрос...

— Да!
А. и Б. Стругацкие. Повесть о дружбе и недружбе

«По-моему, самый интересный вопрос — это вопрос еще не отве-ченный...» С этим мнением девяти-классника Николая Коробицына (Ильинское Свердловской области) согласны многие. И все-таки...

Самым легким вопросом викто-рины-83, как уже отмечалось, при-знан первый второго тура. Наихуд-шим — шестой первого тура. Самым трудным — девятый первого тура. И, наконец, самым интересным — шестой второго тура, в создании ко-торого участвовали А. Смирнов и Ю. Левин, Е. Кулинич, В. Черник и П. Роскладко. Возможно, детали этого вопроса предлагались в раз-ное время и еще кем-либо, — про-сим извинить, если это так и мы ко-го-нибудь не упомянули. Порядок в нашем архиве, увы, далек от иде-ального...

Отшумела викторина. Стройный,
как жираф,
Всю фантастику обратно
отправляешь в шкаф...
Е. Кулинич. Похмелье

Во-первых, спасибо всем чита-телям, принявшим участие в обсуж-дении сроков, характера и названия нашей викторины!

А во-вторых... Название мы уже сменили. Характер! В чем-то, оче-видно, будем менять и его. «Очень жаль, что перестали задавать во-просы в виде рассказов, составлен-ных из названий НФ произведе-ний», — пишет, например, Р. Терно-вая (Волгоград). О том же просят и другие наши читатели. Что ж, по-пробуем подыскать что-нибудь эта-кое в архивах отдела...

В отношении же сроков подав-ляющее большинство участников викторины поддерживает А. Бордю-гова, который пишет: «Мне кажется, что постоянство публикации в пер-вом номере вопросов викторины, а в двенадцатом — ответов на нее ста-ло уже доброй традицией, а тради-ции надо чтить...» Будем чтить.

А потому — до встречи в январ-ской книжке журнала!

Виталий БУГРОВ,
редактор отдела фантастики.

«Человек почтенный и замечательный»

**Виталий
ПАВЛОВ**

В историческом очерке «Город Екатеринбург», опубликованном в 1889 году, Д. Н. Мамин-Сибиряк, говоря о развитии в городе культурных учреждений, заметил, что здесь «первая частная библиотека П. А. Наумова основана была еще в шестидесятых годах». Впоследствии стало известно, что организатором первой публичной библиотеки в Екатеринбурге был мелкий чиновник разночинец П. Наумов, отдавший ей все свои средства, что после непродолжительной деятельности библиотека была закрыта в результате происков местной администрации.

Так кто же такой Наумов? В 1972 году этим вопросом занялся челябинский исследователь Б. Т. Уткин. Его предварительные изыскания позволили выяснить вещи любопытные. Оказывается, еще в августе 1859 года петербургская газета «Русский мир» сообщила: «Мы имеем в руках интересную записку бывшего содержателя публичной библиотеки в уездном городе Е., человека весьма почтенного и даже замечательного. Он основал в отдаленном городе одну из лучших провинциальных библиотек, наполнял ее замечательными изданиями и развил в крае некоторую любовь к чтению. Число абонентов под конец у него доходило до 200». Цифра по тем временам огромная, ибо даже в некоторых губернских городах библиотеки бездействовали из-за полного отсутствия читателей. «...Но вдруг он должен был оставить свое полезное предприятие вследствие столкновения с лицами, которые считают себя вправе обращаться с нечинов-

ными гражданами совершенно самовольно, оскорбляя их личность вопреки всем законам». Выяснено, что «уездный город Е.» — это Екатеринбург, а не названный по фамилии «бывший содержатель» библиотеки — Павел Александрович Наумов, прежде крепостной князей Голицыных, ставший позднее книготорговцем.

Б. Т. Уткин установил, что Павел Александрович действительно был человеком замечательным: он выступал поборником просвещения народа, высказывая демократические взгляды на библиотечное дело и народное образование, был готов, по его словам, на все ради развития сети библиотек и школ для народа. Наумов держал связь с революционно-демократическим журналом «Книжный вестник» и даже печатался в нем. Вспоминая опыт организации публичной библиотеки в Екатеринбурге, П. А. Наумов с горечью писал: «...Содержал собственными своими средствами более трех лет публичную библиотеку, куда убивал без жалости все, что мог скопить на черный день; через нее же потерял выгодную службу и, наконец, расположение людей могучих, но взвращающих на вещи со своей наследственной точки зрения...» Замечание о более чем трехлетней деятельности библиотеки позволяет установить примерную дату ее возникновения — 1856 год.

Во втором номере «Книжного вестника» за 1862 год опубликовано пространное «Письмо к редактору», написанное Наумовым в Екатеринбурге в 1861 году. Начинается оно описанием общественной библиотеки при главной конторе демидовских заводов в Нижнем Тагиле. В описании виден профессиональный подход к библиотечному делу. П. А. Наумов радуется самому факту существования именно общедоступной бесплатной библиотеки, разместившейся «в двух светлых и просторных комнатах, украшенных цветами и бюстами», с удовлетворением замечает, что услугами библиотеки пользуются жители не только нижнетагильского, но и других заводских поселков. Приводит цифры: в августе 1861 года было выдано по 549 требованиям 1409 книг и периодических изданий на русском и иностранных языках.

Ныне доказано, что Павел Александрович был связан с революционными организациями тех лет и распространял запрещенную литературу. «Книготорговец» Наумов, разъезжавший со своим товаром по всему Уралу, в мае 1864 года был арестован в Челябинске. Местный исправник нашел у него герценовский «Колокол» и другие запрещенные издания.

Наумов так находчиво повел

себя на допросах, что его вскоре освободили. Распорядился об этом оренбургский гражданский губернатор Г. С. Аксаков, сын известного русского писателя, человек образованный и гуманный. Однако, выполняя приказ генерал-губернатора А. П. Безака, он все же предписал отдать Наумова под суд.

Из отчета пермского губернатора Главному управлению по делам печати от 28 июля 1872 года известно, что П. А. Наумов «в 1867 году по решению Оренбургской судебной палаты выдержан три месяца в тюремном замке за распространение запрещенных сочинений против правительства, найденных в лавке...» Но он и после ареста продолжал снабжать своих тайных покупателей нелегальной литературой, ибо оставался убежденным просветителем-демократом. Познав горечь неудачи с первой библиотекой, он в 1868 году, видимо, вновь хлопотал об открытии в Екатеринбурге библиотеки, но безуспешно.

Мурчисон на Урале

**Георгий
ВОРОНОВ,
Виктор
МЕЖБЕРГ**

7 апреля 1841 года Петербургская штаб-квартира горных инженеров направила начальнику Богословских заводов и рудников предписание. Уведомлялось, что председатель Лондонского геологического общества Родерик Имми Мурчисон вместе с французским палеонтологом Эдуардом Вернейлером и графом Александром Кейзерлингом намерены предстоящим летом посетить Урал с целью исследования этого края. Посещение Северного Урала ученым-иностранцем, как полагали в штаб-квартире, наверняка поспособствует дальнейшему углублению геологического изучения Урала, а значит, принесет пользу и горному ведомству.

Начальник императорской свиты генерал-майор Чевкин и стар-

пий адъютант полковник Самарский, подписавшие этот официальный документ, предлагали руководству Богословского горного округа оказывать Мурчисону и его спутникам всемерную помощь и подготовиться к достойной встрече иностранных исследователей. Предписание конкретно указывало, что следовало выполнить незамедлительно: собрать в округе окаменелости, пополнить геонотические и минералогические коллекции в музеях, подготовить точные сведения об естественных обнажениях рек, сделать копии лучших карт округа.

В архиве Федоровского музея города Красногурьянска сохранилось дело «К приезду Мурчисона на Урал». На десяти листах этой архивной папки подробно излагается, что было сделано.

Ни одному русскому исследователю здешних мест не уделено было, наверное, и десятой доли того внимания, которого удостоился Мурчисон. Особым распоряжением главноуправляющий обязал Богословскую заводскую и Турьинскую горную конторы, смотрителей минералогического музея и главной чертежни, руководителя Северной экспедиции, медицинского инспектора и окружного лесничего в кратчайший срок представить нужные материалы. Сотни людей были включены в эту работу.

Английский геолог начал исследования с Южного Урала, примерно с широты, на которой расположен Оренбург. Затем путь его шел в Екатеринбург, Нижний Тагил и, наконец, в Богословский горный округ. На Урале многое оказалось необычным для Мурчисона. Непроходимые леса были куда реже, чем он предполагал, некоторые топкие болота осушены. Вместо примитивных стропил встречались великолепные постройки. Поразило англичанина и то, что на Урале при многих заводах возведены «водоскопы» для использования водных богатств в промышленных целях. Местные жители удивили своим радушием, некоторые — образованностью и просвещенностью.

В классическом труде «Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского» Мурчисон писал:

«При горных заводах, и правительству, и частным лицам принадлежащих, находятся многие тысячи мастеровых и непрременных работников, которых жилища и домовитость редко уступают мануфактурным городам Европы. При посещении этих заведений, где господствует дух радушия и патриархального гостеприимства, геолог может производить, сравнительно с большим удобством, все наблюдения в окрестных землях, к заводам приписанных».

Каковы же оказались результаты исследований Мурчисона? Впервые в России он выделил Пермскую систему, а его труд «Геология России» стал крупным событием в геологической науке. Он сделал полную сводку всех исследований, проведенных к тому времени русскими геологами и горными инженерами. Петербургская Академия наук высоко оценила изыскания Мурчисона, избрав его в 1845 году своим членом. Успехами своих геологических изысканий в России английский ученый во многом обязан уральским горным инженерам и мастерам, создавшим для него исключительно благоприятные условия для изучения недр Урала.

Один из забытых героев

Аркадий Коровин

Небольшая брошюра из серии «Общества политкаторжан», изданная в 1930 году. На обложке — умное, но болезненное лицо молодого человека. Название: «Потерянный для революции». Это о красноуфимском слесаре Григории Лунегове, погибшем в конце прошлого века. Еще одно имя уральского революционера, незаслуженно забытое.

Григорий Иванович Лунегов, сын красноуфимского столяра-ремесленника, окончив красноуфимское промышленное училище, 17-летним отправился в Петербург. Вскоре его привлекли в известный политический кружок Н. В. Шелгунова. Ему поручают вести беседы в рабочих кружках столицы. Товарищ и земляк Лунегова Я. Горич вспоминает: «В кружки на беседы и чтение шли как на праздник. Головы горели и кружились от прекрасных далей, которые теперь открылись за мрачными стенами, что стояли гнетущей громадой со всех сторон».

И вдруг — арест. К юному революционеру применили самый

жестокый режим: лишили права читать книги и писать письма, содержали в камере-одиночке. Даже пение и громкие разговоры с самим собой считались преступлением. Заточенный в Петропавловскую крепость, Гриша был изолирован от жизни полтора года. Сырость и темнота, безжалостные избиения привели к тяжелой болезни — костному туберкулезу. Наконец его доставили в тюремную больницу, где продержали полгода и ампутировали ногу. С великим трудом Г. Лунегов добился разрешения на изготовление протеза. И еще почти год провел в Петропавловской крепости. Затем объявили приговор: ссылка в Сибирь. После долгих и настойчивых прошений ему разрешили отбывать наказание в Красноуфимске.

Вернувшись на родину поднадзорным, Гриша никого из родных не нашел: все умерли. А старший брат отказался его принять. К счастью, нашлась какая-то дальняя родственница, у которой полиция разрешила ему поселиться. Оглядевшись, Гриша горячо ухватился за создание ремонтной слесарно-токарной мастерской. Но работать ему не разрешали, а средств к жизни не было. Через год тяжелая болезнь окончательно сковала его. Друзья пытались устроить Гришу на лечение, положили в больницу, но вмешалась полиция: человек безнадежный, а вы койку занимаете.

Учащиеся красноуфимского промышленного училища регулярно собирали деньги, чтобы обеспечить ему хотя бы скромное питание. Молодежь постоянно тянулась к Лунегову, и его каморка вскоре превратилась в штаб молодых маркнетов. Сюда несли литературу. Самому Грише полиция запретила пользоваться книгами в публичных библиотеках. Умирающий революционер мечтал попасть на берег Черного моря, еще надеялся вырваться из лап болезни. Но друзьям так и не удалось собрать нужных 100 рублей. Григорий Лунегов умер.

Несмотря на строгий запрет полиции, на его похороны вышла вся молодежь Красноуфимска. Это была грандиозная демонстрация. Гроб утопал в живых цветах, хотя под ногами хрустел декабрьский снег. На одной из лент было написано: «Мало жившему, но много страдавшему».

Портреты Бажова с натуры

Зоряна
РЫМАРЕНКО

Не только фотографов — живописцев, скульпторов, графиков неизменно привлекала к себе личность Бажова, облик старого уральского сказочника.

«Какая чудесная «натура» — Павел Петрович! Эти серебряные волосы и борода, этот чистый просторный лоб, в котором так и читается мудрость и полет фантазии...» — это высказывание художника, встречавшегося с Бажовым, приводит в своих воспоминаниях Анна Караваева. И еще одно воспоминание — Евгения Пермяка: «Портретов Павла Петровича было сделано тьма, самых различнейших. Насколько я помню, он говорил добрые слова о двух из них: о карандашном портрете художника Яра-Кравченко и о портрете Ю. Р. Бершадского, писавшего при мне в Свердловске...»

К сожалению, ни одной из этих работ не встретилось на прекрасной художественной выставке, посвященной 100-летию Бажова. Среди ее интересных разнообразных экспонатов, казалось, непременно должны быть и полотно Бершадского, и другие портреты с натуры... Но увидели мы лишь два прижизненных изображения Бажова — миниатюрный портрет на слоновой кости (автор В. Трофименко, 1949 год) и рисунок П. Васильева «Бажов в госпитале среди раненых».

Обе эти работы приехали на выставку из Нижнего Тагила, из того самого музея изобразительных искусств, где хранится и картина Бершадского. В Нижнем Тагиле находятся и два скульптурных портрета Бажова — произведения И. Трёмбовлера и М. Крамского. О последнем портрете мы с уверенностью можем сказать, что выполнен он с натуры. Сохранилась фотография: в саду, за столиком под цветущими деревьями, молодой скульптор М. Крамской заканчивает работу над бюстом Бажова. Павел Петрович сидит рядом и с любопытством смотрит на своего «двойника». Лето 1950 года, последнее лето в жизни Бажова...

В начале 1941 года, во время короткого приезда Бажова в Москву, его рисовал один из старейших советских художников Василий Рощевский. Он оставил нам не только бажовский портрет, но и воспоминания:

«У Бажова типичное русское лицо. Светло-голубые глаза, седеющие брови с разлетом. Взгляд зорек и прям — взгляд человека, стремящегося к правде... Когда смотрю в светлые глаза Павла Петровича, хочется подкрасить их в рисунке нежно-голубой акварелью. Ясность этих глаз напоминает тихие «старички» уральских долин...»

Последним художником, которому довелось видеть Бажова, был, паверно, Иосиф Игин. Он побывал в Свердловске осенью 1950 года с бригадой журнала «Крокодил» и навестил Павла Петровича в больнице. Тогда и родился его дружеский шарж...

Вот, пожалуй, и все сколько-нибудь известные прижизненные бажовские портреты. Не так уж мало, но во всяком случае и не «бьма», как пишет Пермяк. Где же остальные? Самые ранние, самые первые?

В письме Л. Скорино в марте 1945 года Павел Петрович вспоминает о художнике А. Парамонове:

«Мы с ним старые приятели. Годов 20 тому назад

он рисовал мой первый портрет. Если помните, тот, что висит в столовой. Тогда у меня была еще настоящая борода, хотя и побуревшая. Художник именно интересовался этой расцветкой, и вот осталась памятка...»

Акварельный портрет Бажова работы Парамонова находится сейчас в Москве, у внука писателя Никиты Бажова. На портрете надпись: «Доброму другу на добрую память. А. Парамонов, март 1926 года».

Прекрасная работа! Образ Бажова покоряет благородством, достоинством, каким-то внутренним светом. Мы не можем не почувствовать, с какой теплотой и симпатией писалась эта акварель, как любовался художник своей моделью.

Бажову на портрете Парамонова 47 лет. Недавно вышли его первые документальные книги — «За советскую правду», «Уральские были». Только через десять лет появятся первые сказы «Малахитовой шкатулки», а потом придет всенародное признание, слава... Но уже взглядываясь в этот ранний портрет, можно сказать все, что говорилось позже о Бажове — добрый, мудрый, необыкновенный человек, личность незаурядная.

Между прочим, еще в 1924 году, в майском номере «Крестьянской газеты», появился выполненный А. Парамоновым небольшой, но очень выразительный портрет Бажова — худого, с огромными усталыми глазами. Таким был Павел Петрович, когда приехал в Екатеринбург из Камышлова после долгой тяжелой болезни. Был у Парамонова и еще один неизвестный нам портрет Бажова. О нем упоминает сам Павел Петрович в том же письме к Л. Скорино в марте 1945 года, где он подробно рассказывает о Парамонове:

«Он глубокий старик, но прекрасный и быстрый рисовальщик. В этом убедился на недавнем опыте. В последний день он рисовал меня в теснине одного часа. Ворчал, что этого мало, что так нельзя, но, по-моему, у него вышел самый занятный портрет из всех других,

Он, правда, украсивлеп, но умеренно. Разумеется, не сравниваю с работой Бершадского, но там масло и несколько месяцев работы, а здесь карандаш и один час...»

К сожалению, разыскать этот рисунок пока не удалось.

А этот портрет, вернее, эскиз к портрету, хранится в фондах Бажовского музея. На плотном листе бумаги, вырванном из альбома, черным карандашом набросан профиль Бажова. Внизу подпись: «Рисунок В. Каменского (сына)». Единственная ниточка для поисков — короткое пояснение, приколотое к листку: «Взят из папки материалов пермской конференции».

Известно, что летом 1943 года в Перми проходила конференция «Настоящее и прошлое Урала в литературе и искусстве». На ней с докладом о собирании уральского рабочего фольклора выступал Павел Петрович Бажов. Присутствовал на конференции и Василий Васильевич Каменский — известный поэт, близкий товарищ Маяковского, живший в те годы в селе Троица под Пермью. Каменский хорошо рисовал, несколько его юношеских картин даже экспонировались на выставках. Он иногда сам оформлял свои книги и, как пишут его биографы, увлекался рисованием до последних дней жизни. Конечно, очень заманчиво было предположить, что набросок бажовского портрета — работа самого Василия Васильевича Каменского. Да, но почему в скобках стоит слово «сын»?

В книге С. Гинца о Каменском, изданной в Перми, напечатано письмо 1940 года. Василий Васильевич сообщает, что его «сын Вася — студент 3 курса института живописи в Москве». Значит, в 1943 году Василий Васильевич Каменский-младший уже закончил вуз и стал профессиональным художником.

Краевед А. Шарц был в ту пору в Перми председателем горсовета и одним из организаторов конференции. Не знает ли он что-нибудь об этом рисунке? Ответ Шарца все ставит на свои места:

«На конференции были оба Каменские — и поэт, и художник. У Василия Васильевича-старшего уже очень болели ноги, он не мог ходить один. И Павел Петрович, и Каменские часто бывали у меня дома. Здесь художник и рисовал Бажова. Ему был заказан портрет писателя, но он успел сделать только набросок, потому что нужно было срочно везти больного отца на Кавказ. Так портрет этот и не был закончен...»

На той же пермской конференции рисовала Бажова и художница Эмилия Николаевна Шорина. Она вспоминает, что выбрала себе очень удобное место — в нескольких шагах от президиума, у окна, за портьерой, и рисовала в альбоме всех выступавших. Так появились портреты профессора Данилевского, литературоведа Ладейщикова и Павла Петровича Бажова...

Во время войны портрет Павла Петровича написал эвакуированный из Ленинграда художник Ф. Лембергский (об этом упоминается в каталоге его персональной выставки). Автора нет в живых, и о судьбе этой работы ничего не известно.

Затерялись следы еще одного бажовского портрета, написанного в 1938 году свердловским живописцем В. Дерябиным. В 1940 году портрет писателя экспонировался на выставке. Тогда же в «Уральском рабочем» появилась рецензия, в которой были такие строчки: «Портретное сходство значительно, оно неоспоримо, но перед нами вовсе не тот улыбающийся, с искрой веселого юмора в глазах Бажов, каким мы его знаем...»

Сейчас трудно судить о справедливости этой оценки — не сохранилось даже репродукции портрета. Еще раз он появился на персональной выставке В. Дерябина в 1946 году. Через десять лет художник умер. Его родственники Анфиногеновы передали в Свердловскую картинную галерею около 300 работ Дерябина. Бажовского портрета среди них не было.

Когда-нибудь случайно, как это чаще всего бывает, дерябинский портрет найдется, и мы увидим непри-

вычного, нехрестоматийного Бажова и, может быть, лучше поймем, какой нелегкой и непростой была его судьба. Именно об этом думаешь, глядя еще на один старый портрет Павла Петровича, обнаруженный недавно в фондах Дома-музея писателя. Он написан свердловской художницей Т. Партиной в 1939 году — в год выхода «Малахитовой шкатулки» и 60-летия Павла Петровича. Но на этом полотне Бажов совсем не похож на счастливого юбиляра. У него усталые печальные глаза, опущенные плечи. Весь он погружен в повеселые раздумья. Грустит ли он о наступившей старости, о том, что слава пришла так поздно, вспоминает ли своего трагически погибшего сына?..

Младшая дочь писателя Ариадна Павловна Бажова-Гайдар рассказала, что с Татьяной Алексеевной Партиной Павел Петрович был хорошо знаком, что художница писала этот портрет в кабинете Бажова, что там он и висел сначала, потом перекочевал в коридор и некоторое время занимал место над конторкой.

Накануне столетия со дня рождения Бажова свой рисунок с автографом писателя прислал в музей ленинградец Г. Зубарев. Павел Петрович стоит среди деревьев, с кем-то оживленно беседуя... Глеб Николаевич Зубарев написал об истории этого рисунка:

«Я работал механиком на свердловском заводе имени Калинина, потом серьезно заболел. Зная, что я рисую, меня направили художником в пионерский лагерь. Как раз в это время и приехал к ребятам Павел Петрович. День выдался теплый, но недавно прошел дождь. Дорогу, по которой мы направлялись к месту встречи с татями, перегородила большая лужа. Мы остановились и стали «изучать», с какой стороны ее обойти. Павел Петрович долго смотрел, как отражаются в воде облака, деревья, потом сказал, что вот, мол, для обывателя лужа — это небольшое несчастье: надо бы сапоги получше да галоши, а для художника без лужи и пейзаж скучен... Мне тогда очень понравились эти слова. Жаль, по свежей памяти я не записал всего, о чем говорил Павел Петрович в тот день. Это была беседа мудрого человека, который держался очень скромно, а понимал много больше окружающих его людей... Разговаривая, мы подошли к месту сбора. Бажова обступили дети и воспитатели. Я попросил у Павла Петровича разрешения сделать несколько набросков и принялся рисовать. Когда встреча закончилась, я показал Бажову, что у меня получилось. Он внимательно рассмотрел рисунок, сказал, что верит — я стану художником, если, как он выразился, «не остынет сердце». Посчитав это одобрением, я попросил у Павла Петровича автограф. Он долго переключал рисунок, наконец один из них, очевидно, наиболее удачный, подписал: «Пионер-лагерь завода... 6.IV 44 г. П. Бажов».

И, наконец, еще о двух портретах Павла Петровича. Первый, карандашный, нашла, разбирая семейный архив, Ольга Павловна Бажова. На рисунке — поздравление Бажову по случаю 70-летия и подпись автора — «Н. Раздвогин». Николай Константинович Раздвогин уже много лет руководит изостудией Свердловского Дворца пионеров, его воспитанники с увлечением иллюстрируют бажовские сказы. И вот оказалось, что Николай Раздвогин, тогда начинающий художник, не раз бывал у Бажова дома. Павел Петрович согласился ему позировать, и только болезнь писателя помешала Раздвогину завершить большую работу. Теперь незаконченный живописный портрет Бажова хранится в мастерской художника — как память о встречах с автором «Малахитовой шкатулки».

Собрать бы вместе все эти портреты с натуры, начиная с самого первого, парамоновского, — пусть небольшая, но какая интересная могла бы получиться выставка — настоящий подарок всем поклонникам бажовского таланта.

Разработкой экологических прогнозов занимаются в Институте экологии растений и животных Уральского научного центра. Уральские ученые провели многолетний эксперимент в тундре Ямала. Они выпустили воду из пойменных озер. И увидели: через год-два урожай трав на месте озер — более ста центнеров с гектара. Эксперимент подтвердил: нетрадиционный взгляд на северную природу может обеспечить расширение кормовой базы оленьих стад Ямала. Для восстановления пойменных лугов, например, надо затратить энергии в пять раз меньше, чем на восстановление оленьих пастбищ, ягельников.

А вот другая рекомендация экологов: удобрения надо вносить в почву не «залпом», а точными, малыми дозами и в определенное время. И еще задача: кулисный метод землепользования. Несомненны ли его преимущества? При этом методе культурные растения высевают не от горизонта до горизонта, а чередуя их полосами, кулисами. Почему? Так легче контролировать размножение вредителей растений. В бескрайнем море пшеницы трудно установить, сколько там грызунов и как против них действовать, а на легко обзримой узкой кулисе монокультуры все это сделать гораздо проще.

Много проблем в экологии... Как увеличить производительность охотничьих угодий? Какими будут новые сообщества растений и животных, испытывающих мощное влияние технической цивилизации? Химические средства защиты растений способствуют массовому размножению отдельных видов животных — как этого избежать? Как строить города, чтобы не губить природу окрест их? Каким образом брать у природы «продукцию», не подрывая ее производительных сил?

Можно ли называть деградацией природы то, что происходит в ней сейчас? Вредно ли для живого мира ускорение эволюции, которое произошло в наш век? Ведь времена медленной эволюции прошли безвозвратно, когда сила человека была мала и не оказывала заметного воздействия на все живое планеты. Нет, развитие природы в новых условиях не должно нас пугать — утверждают экологи. Жизнь гибка и она найдет свой путь развития в мире, усеянном огромными городами. А человек научится управлять природой, а не только покорять ее и преобразовывать без учета последствий...

В последние годы своей жизни академик Станислав Семенович Шварц горячо верил в одну замечательную идею... Он мечтал о том, что уже в этом веке экологи научатся уменьшать численность вредных для человека животных совсем

СКАЗ О ЖИВОЙ ВОДЕ

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЕССПОРНО УВЕЛИЧИЛА МАСШТАБ ПАГУБНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ, НО ВЕДЬ НТР, ГОВОРЯТ ЭКОЛОГИ, — ЭТО И ВЕЛИКАЯ СОЗИДАТЕЛЬНАЯ СИЛА. ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ И ДАЛЕЕ МАСШТАБНО ДЕЙСТВОВАТЬ В ПРИРОДЕ, НАДО ТОЛЬКО УЧИТЫВАТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ ЕГО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ...

безопасным для полезных животных способом... И это и есть один из вариантов управлений природой.

Из книги С. С. Шварца «Экологические закономерности эволюции»: «...Исследования роста и развития личинок земноводных привели нас к заключению о решающем значении экзометаболитов...»

При этом обнаружилось, что организмы в популяции ведут себя аналогично клеткам в организме. Теоретический анализ показал, что эту аналогию надо поменять местами: клетки в организме ведут себя аналогично организмам в популяции. При более внимательном знакомстве с литературой, которая на

первом этапе работы в рассматриваемом направлении казалась вне сферы наших интересов, мы обнаружили, что с нашим заключением мы опоздали на 20 лет. В работе 1955 года Холдейн писал, что возникающая в процессе эволюции целостность многоклеточного организма поддерживается гормонами, которые могут рассматриваться «просто» как межклеточный эквивалент фермонов, определяющих поведение многоклеточных организмов. «Это был тот, достаточно редкий в науке случай», — писал далее о себе Шварц, — когда автор искренне обрадовался, обнаружив, что вывод, которому он придает большое значение, оказывается отнюдь не оригинальным. Вывод этот действительно очень ответственный, и, опираясь на столь высокий авторитет, как Холдейн, чувствуешь себя увереннее при его использовании для анализа экологических явлений».

Джон Вэрдон Сандерсон Холдейн — крупнейший ученый нашего века, оставивший заметный след во многих областях знаний, особенно в биологии. Естественно, Шварц был глубоко обрадован тому, что в лице Холдейна обрел единомышленника в разрешении одной из сокровеннейших тайн живой природы.

1972 год. Статья С. С. Шварца в научном журнале «Экология» «Материалы к составлению долгосрочного прогноза развития популяционной экологии».

И в этой публикации, быть может, впервые Станислав Семенович в научной прессе сказал, что изучение метаболической регуляции популяционных явлений и разработка принципиально новых методов регуляции численности животных в природе — для него это одна из важных проблем. Исследователи разных стран показали, что выделяемые в среду продукты жизнедеятельности работают как сигналы и регулируют такие важные вещи, как скорость воспроизводства популяции, темпы роста и развития животных. Во всяком случае, у рыб, личинок амфибий и насекомых, моллюсков это явление уловлено. Есть уже основания предполагать, что и в популяциях наземных животных действуют эти химические сигналы, метаболиты, и определяют их поведение. Надо найти химический код этой сигнализации, тогда люди будут управлять числом животных в природе. Это и абсолютно безопасный метод борьбы с вредителями сельского хозяйства — не химический метод. К 1990 году, писал Шварц, будут исключены химические атаки людей на комаров и грызунов. А теория этой борьбы должна быть разработана в ближайшие годы...

1974 год. Снова статья Шварца (с соавторами) — в журнале «Экология»: «Экологические подходы к анализу опухолевого роста».

Шварц и его коллеги писали, что закономерности развития организмов в популяциях (а только в популяциях они и могут жить) и клеток в организме (а любой организм состоит из клеток) выявлены общие, и они подчиняются метаболической регуляции. Рак — это генетически отклоняющиеся клетки. Нельзя ли этот пагубный клеточный рост остановить химическими сигналами?

Ученые так обосновывали свою гипотезу. Меж клетками уже миллионы и миллионы лет существует безупречная связь — метаболическая. Можно думать, злокачественный рост начинается тогда, когда ткань перестает нормально реагировать на приказы метаболического фона в организме. Метаболические сигналы поздней ткани перестают влиять на ранние ткани.

И недавно установлено, что опухолевые клетки не столь уж анархичны и вольны, они способны подчиняться регулирующим сигналам. Они воспринимают информацию извне, но только искажают ее. В этом вся беда. Наблюдения говорят также: в организме всегда остаются силы, тормозящие раковый рост.

Что же предлагали экологи для успешной борьбы с недугом века? Они считали, что следует глубже изучать метаболическую регуляцию при росте опухоли для проникновения в то, как клетки отрываются от власти метаболического фона. Надо научиться усиливать метаболические сигналы и проводить их неискаженными в раковые клетки, чтобы прервать их рост. Хотя бы замедлить. По сути, ученые высказывали ту же самую идею регулирования вредных для человека животных с помощью природных сигналов...

1976 год. Академик Шварц говорит о метаболической регуляции со страниц журнала «Знание — сила»: «Овладесть кодом, управляющим жизнью целых популяций,— задача не менее захватывающая, а решение ее для практики даже оценить нелегко. Опасная «химия ядов» сможет тогдаступить «химии жизни» не в результате пропаганды, а просто потому, что станет ненужной». Действительно, так оно и будет, когда люди перестанут, борясь с животными, вносить в среду принципиально чуждые ей вещества.

Главный вывод новой, химической экологии: организмы сами выделяют в среду вещества, регулирующие популяционные процессы. И оказалось, что метаболиты не только разных видов, но и разных генетических линий популяции одного вида специфичны. Они, эти сигнальные вещества, регламентируют рост и скорость развития. Все это твердо установленные факты. Они открывают перед людьми заманчивые перспективы. Борьба с определенным видом животных сведется к

тому, что в среду его обитания будет подан соответствующий сигнал, ограничивающий численность вида.

«Каждый из нас,— продолжал Шварц,— несет в своем организме память об условиях зарождения жизни — химизм нашей крови в большой мере отражает химизм океана». Единство жизни поддерживается через химический фон. Опыты на популяциях бактерий подтверждают эту мысль. Многоклеточные потомки одноклеточных существ сохранили химический принцип поддержания единства жизнедеятельности. И никакие живые системы этим принципом не пренебрегают. Высшие растения и животные умеют химическим путем общаться друг с другом».

И в этом же, 1976 году на страницах журнала «Сельская молодежь» академик Шварц еще раз подтвердил увлеченность этой научной мыслью.

«Любопытные опыты провели сотрудники нашего института на головастиках... Если воду, в которой развиваются крупные головастики, перелить в аквариум с личинками, то рост их резко замедлится, вскоре они погибнут. Таким образом, «вода скоплений» содержит вещества — продукты жизнедеятельности,— способные тормозить рост других индивидов. К тому же,— дополнил рассказ Шварц,— быстро растущие головастики гораздо активнее угнетают рост и развитие родственных особей. Головастики «думают» о будущем не семьи, а всей лягушечьей популяции. Так природа заботится о биологическом разнообразии животных...»

Шли годы, в разных изданиях попадались мне интервью с академиком Шварцем, в которых он коротко говорил о волшебной «воде скоплений». Я брал на заметку эти сведения и все хотел тоже поговорить со Станиславом Семеновичем об этой великоленной гипотезе, но так и не пришлось. Весной 1976 года академик Шварц умер. И из жизни его увел именно тот страшный недуг, объяснить который он пытался с позиции своей любимой науки — экологии. Перечитывал я вновь статьи в разных журналах о метаболической регуляции, и как будто бы ухватывалась ее суть и ее последствия для практики, и хотелось рассказать о дальнейшей жизни этой идеи. Как будто интерес популярных журналов к тому делу прогорел, но я знал, что сама идея не совсем погасла. И не должна она погаснуть, волновался я всякий раз, когда раздумывался о преимуществах управления численностью животных в природе не химическими средствами, а вполне экологичным способом. И как будто понятно мне было и другое: уже нет вдохновителя этих исследований, да к тому же, наверное, в этой работе исследователи

встретились с трудностями, которые не так быстро можно одолеть. Первый ли это случай в науке, когда идея не с первого захода становится истинной. Когда-либо придет новый человек и двинет ее дальше, и не стоит расспрашивать экологов о том, что да как будет с теорией метаболитов дальше.

Остается только ждать. И все-таки нетерпение брало верх. А вдруг это тот случай, когда журналистская инициатива может как-то помочь. Ведь, как говорил Шварц, «овладеть кодом, управляющим жизнью целых популяций — задача захватывающая, а решение ее для практики даже оценить нелегко».

У всякой научной мысли есть история...

Еще в прошлом веке некоторые биологи замечали, что плотность населения животных влияет на их рост. В тридцатые годы нашего века с этой точки зрения уже изучали иглокожих, моллюсков, амфибий и рыб. Делали вывод: вода стимулирует рост амфибий. Почему? Мелкие пищевые частицы в воде ободрают животных. И только тридцать лет назад биологи заговорили о «воде скоплений», которая в одних случаях замедляла, а в других ускоряла рост лягушечьих головастиков. Зарубежные исследователи Роусы показали: при повышенной плотности головастиков срабатывает какой-то химический сигнал, и животные различиваются на крупных и мелких.

Однажды, а если точно, то январским днем 1968 года Станислав Семенович Шварц предложил Ольге Алексеевне Пястоловой прочитать сборник статей «Механизмы биологической конкуренции». Вчера она защитила кандидатскую диссертацию, а на другой же день шеф настоятельно советует ей читать какую-то переводную книгу и по обыкновению шутит, что, дескать, хватит отдыхать. Она прочитала книгу и ничего не нашла в ней о грызунах (объект ее исследований). Выразила недоумение Шварцу. «Почитайте, почитайте внимательно статью Роусов. И займитесь лягушками», — сказал он. В кабинете Шварца установили стеллажи, поставили на них банки и стали работать. Эффект Роусов подтвердился. Лишь в одном аквариуме было что-то необычное. Там осталось совсем мало головастиков и среди них были непомерно крупные. «Это-то и интересно», — констатировал Шварц. Опыты усложнились. Шварц увидел нечто такое, чего не заметили Роусы. Они объясняли происходившее так: при повышенной плотности населения выходят из воды крупные, а мелочь отпадает, не имеет значения. Шварц считал, что здесь происходит нечто более глубинное, тут сложно взаимодействуют рост и развитие животных...

У многих высших животных раз-

меры тела не могут, как в сказке, колебаться в широких пределах. Никто не видел слона размером с козу и собаку величиной со льва. В каких бы они условиях не развивались. У других животных окончательные размеры тела определяются не столь генами, сколь внешними условиями. Рыбы, к примеру, становятся то мелкими, то крупными.

На рост и развитие животных влияет плотность их населения. Впервые этим явлением заинтересовались в прошлом веке зоологи Хогг и Семпер. Они увидели, что в больших сосудах вырастают большие озерные прудовики и головастики лягушек, а в маленьких сосудах — маленькие. Экспериментаторы, разумеется, объяснили увиденное недостатком жизненного пространства, а следовательно, и нехваткой кислорода, и также слишком частыми контактами между особями... Взволнованные исследователи наблюдали в прозрачных сосудах как бы картину перенаселения земного шара людьми. Тогда теория Мальтуса тревожила просвещенные умы...

Феномен перенаселения продолжал привлекать ученых. В 20-е годы нашего века зоолог Уваров провел классические эксперименты с саранчой, изучая стадность этих грозных для земледельцев насекомых. Он обнаружил, что представители одного и того же вида саранчи в зависимости от условий могут жить абсолютно по-разному — то в одиночку, то в скоплениях. А как возникают тучи саранчи? С медленным увеличением плотности населения личинки одиночек начинают улавливать эту перемену и покорно приобретают признаки стадных насекомых. Дальнейшее перенаселение буквально окрыляет саранчу, она становится перелетной. И живые тучи появляются в небе. Поразительное творчество природы! Исследования последних лет углубили Уварова. Биологи предполагают, что взрослые самцы химическими сигналами побуждают юных самцов и самок поспешить с половым созреванием и продолжением рода. Так популяция лавинообразно набирает массу, она пухнет, как на дрожжах, а затем летит в поисках необъеденных пространств, где опять произойдет разрежение племени саранчи, и вновь появятся насекомые-одиночки. Но впереди их ждет новый сигнал сбора. И так далее, и так далее. Во веки веков «дышит» саранча.

Уральские экологи тоже изучали влияние перенаселения на рост и развитие животных — только водных животных, головастиков. Как же действует «вода скоплений» на растущих животных? Активная вода при перенаселении тормозит рост личинок (жизненного-то пространства мало!) и ускоряет их развитие (быстрее

надо взрослеть, вдруг и этого пространства лишимся!) Тщательные опыты показали также и такое: продукты жизнедеятельности личинок амфибий, выделяемые в воду, мощнее всего угнетают генетически близких животных. Почему же у них, простите, все не как у людей? Тут нужно экологическое объяснение. В природе водоемы часто пересыхают. Автоматически происходит их перенаселение. Преимущество получают быстро развивающиеся особи. Лишь они успеют до исчезновения среды обитания закончить все стадии метаморфозы, выйти на сушу и таким образом спастись от гибели популяцию. Поэтому «быстрые» и тормозят «медленных», которые, возможно, отчасти и вообще погибнут. А зачем же родственники в таких критических ситуациях не шадят родственников? Чтобы выжили генетически разные животные. В этом заинтересована уже вся популяция. Будучи разнородной, она выживет при любых переменах условий. Зачеркнутая жизнь отдельных индивидов, популяция устраивает свою большую судьбу. В этом ее бессмертие. Вот какие вещи показывает природа в зеркалах тривиальных луж! У природы все сцены жизни исполнены глубокого смысла. Не торопись, человек, преобразовывать окружающее. Преобразовывай, но сначала пойми все сущее.

Нам надо продолжать наблюдения за амфибиями, далеко не все еще ясно... Есть биологи, скептически относящиеся к тому, что «вода скоплений» вообще во всех этих событиях что-либо значит.

Один молодой эколог говорил мне:

— Пока мне биохимики не докажут, что метаболиты действительно продукты жизнедеятельности личинок комара или там головастика, это все равно, до тех пор я не могу признать, что они действуют. А может, там, в воде, оказывают свое действие метаболиты бактерий или даже сине-зеленых водорослей, а вовсе не личинок комара?

— Все же сама эта «вода скоплений» активна — это вы признаете?

— В этом нет сомнения! Но вот химическая природа «воды скоплений» не расшифрована — об этом речь.

Был у меня разговор и еще с одним критиком теории метаболической регуляции. Этот требовал разграничить поведение лягушачьих головастиков и химическую сигнализацию в воде. А может быть, объяснял свою точку зрения специалист по поведению животных, просто крупные головастики не дают нормально питаться мелким и, в конце концов, «затюкивают» их. Сами же, разумеется, процветают. И нет тут никаких химических сигналов, а есть обыкновенная агрессивность.

Чтобы удовлетворить всех критиков учения о метаболитах, нужно вещества обмена выделить в чистом виде, дать их точную и тонкую химическую характеристику. Сделать это крайне сложно. Это не одно и то же, что описать кристалл какого-либо вещества. Здесь — живое. Метаболиты — не мертвые частицы, кои можно поддеть, уложить под микроскоп и рассмотреть. Наш рассказ о белковых веществах, а они беспрестанно меняются, реагируют... Однако не отказываться же от изучения интереснейшего феномена только потому, что материальный носитель биологической информации химически не разгадан! Тогда надо было бы отказаться от изучения всех последствий от действия сил гравитации, потому что никто еще не поймал ни одного гравитона и не разложил его на составные части.

Экологи теперь знают: организмы не просто живут в среде, к которой они приспособились, но они способны коренным образом преобразовывать ее. Так, кораллы сами себе творят среду обитания. Водные животные — одни из самых древних и распространенных. И у них химический канал передачи информации, надо думать, надежно испытан. Даже в том случае, если взять воду из аквариума с крупными головастиками и опустить в нее личинку, которые только-только начали активно питаться, то увидим, что «густая вода» замедлит рост малышей. Установлено: один быстро растущий крупный головастик тормозит рост мелких собратьев в сосуде емкостью 75 литров. Так наглядно демонстрируется химическая сигнализация. Тут уж понятно, что этот великан один-то никак не мог «затюкать» всех малышей. Не хватит жизненных сил.

Подведем некоторые итоги рассказа об этой замечательной идее. Осуществление ее дало бы возможность, как об этом мечтал Шварц, уменьшить ряды вредных и увеличить число полезных животных, не внося в природу искусственных веществ.

Химическое взаимодействие животных обнаружено теперь во всех средах обитания и на всех уровнях организации жизни. В последние двадцать лет даже выделяется новая отрасль экологической науки — химическая экология. Чаще всего популяризуется запаховая сигнализация. Много написано о феромонах (специальные химические вещества специального назначения), кто не слышал о непостижимой способности бабочки привлекать аттрактантом (половым феромоном) самца, хотя он от нее находится за многие километры. Рассказывают популяризаторы много о гормонах, оказывающих действие на развитие животных. Гормоны — как бы общий язык разных

видов животных. Все это указывает на то, что и феромоны, и гормоны, то есть химическая сигнализация — давнее завоевание эволюции. Метаболиты еще не столь известны. Надо думать, они еще завяты о себе. Экологи их также относят к давнему достижению эволюции. Пермские исследователи Р. А. Пшеничных и И. Ш. Вайсман доказали, что и популяции бактерий цементируются в единое целое с помощью тех же метаболитов. Это говорит о стремлении природы к экономии средств поддержания жизни на разных уровнях ее организации. Многоклеточные существа, животные, унаследовали информационную систему одноклеточных. Головастики, подобно клеткам, биологически несамостоятельны. В их популяции происходят все так, словно бы это функционирует организм. И в организме, и в популяции организмов одна и та же метаболическая сигнализация. Природа насквозь едина. Самые первые на земле организмы выделяли продукты обмена веществ всей поверхностью тела. Так во внешнюю среду попадала среда внутренняя. И, хотя далее у организмов появляются специальные органы выделения, тем не менее водные животные сохраняли способность выбрасывать ненужное через кожу. Это научный факт. В воду налили молока и увидели, что головастики впитали его всем своим телом. Кожа не только «выпускает», но и «впускает». Уральские экологи наблюдали в опыте такую вещь. Голодающие головастики очень быстро увеличивают вес. Они буквально накачивают себя водой. Зачем? Это отчаянная попытка всем телом выловить пищу. При нормальной кормежке воду из тела головастики выводят, а при голодании — гораздо медленнее. Природа показывает нам наглядно единство организма и среды. Если мы, люди, даже самую малость загрязняем воду, животные, что называется, чувствуют это всей своей кожей. Экологи, изучая то, как загрязнения действуют на развитие головастика, обнаружили поразительное явление. Из грязной воды, пройдя стадии метаморфозы, на сушу выходят необычно толстые лягушки. Есть предположение, что в грязной воде, где меньше кислорода, животные увеличивают размеры тела, чтобы лучше дышать. Экологи установили также, что самая высокая смертность водных животных — на самых ранних стадиях развития. В период размножения всякой живности в водоемах заводы должны особенно избегать выбросов загрязняющих веществ. Рыбы мечут икру близко от берега, а именно туда и вторгаются промышленные стоки. Половина рыбьего потомства гибнет за день-два. В реках и озерах все больше грязи, все меньше воды. Новая ситуация для

тех, кто живет в воде. Как они с этим справятся?

Завод, как и животные, не может не потреблять и не может не выбрасывать. Как уменьшить отходы, эти метаболиты промышленности — вот трудноразрешимая проблема века. Иначе будет усиливаться невыносимый для людей химический фон. Увы, заводы, в отличие от тех же лягушечьих головастика, не обладают столь тонкой реакцией на усиление химизма окружающей среды. Они развиваются, учитывая лишь свои технологические интересы. Либо становятся крупными, либо повышают интенсивность производства. И то, и другое увеличивает количество отходов. Когда-нибудь люди вынуждены будут создать автоматическую информационную систему, которая станет регулировать рост и развитие промышленности. На ЭВМ поступит сигнал: «Нас, заводов, становится слишком много, людям и природе — плохо...» И уже другой сигнал затормозит рост тех производств, что не обеспечены надежной безотходной технологией. Нечто похожее уже создается в больших городах — системы слежения за источниками загрязнения.

Нетрудно понять, почему идея метаболической регуляции численности популяций животных в последнее десятилетие жизни так увлекла академика Станислава Семеновича Шварца. Открылась возможность экологически безопасного управления природными процессами. Шварц не был легкокрылым мечтателем и понимал, что полное овладение этой тайной живой природы потребует много сил от зоологов и биохимиков. И уральцы сделали свой вклад в решение проблемы, волнующей биологов всех стран. Зарубежный исследователь С. Роус полагал, что метаболиты крупных животных угнетают всех без разбора маленьких. Как мы уже знаем, и это доказали наши земляки, такого в природе нет. Это было бы расточительством — ради нескольких лидеров непоправимо угнетать всех. Природа, как мы уже сказали, устроила иначе: родственники тормозят рост родственников, свои задерживают своих, чтобы и все остальные могли развиваться. Метаболические сигналы не разрушают, а сплывают популяцию. Одним дается рост и развитие, а другим временно тормозится рост, но ускоряется развитие. Так природа экономит жизненные ресурсы. Нет, в этом описании нет попытки очеловечить происходящее в лягушечьих лужах ради того, чтобы понятнее рассказать. Так там все и совершается. Право же, это можно назвать рациональным гуманизмом, когда популяция строго поддерживает разнообразие составляющих ее индивидов... В этом ее прочность!

Ныне наука едина, по крайней

мере, в головах ее лучших представителей. И увиденная во всех подробностях изумительная картина роста и развития лягушечьего головастика — не останется навсегда лишь достоянием биологов. То совершенство обмена информацией, какое показывает популяция амфибий, не может не быть незамеченным математиками, создающими системы управления сложным производством. Нет сомнения, еще и потому увлекла Станислава Семеновича Шварца идея метаболической регуляции численности животных тех или иных популяций, что она имеет мировоззренческое значение.

Нам остается лишь подивиться тому, что происходит в обыкновенной луже с головастиками. Там идет по генетической программе сборка из клеток разных органов лягушечьего тела. И так как природа не обрекает этих животных на одиночество, а делает их популяциями, то происходит двойной контроль. Регулируется строительство отдельных частей организма с помощью внутренних сигналов. Идет также и управление ростом и развитием всей группы животных в данном водоеме. Не следует, конечно, думать, что метаболиты — специальные сигналы. Нет в луже также никакого информационного центра, никакого центра управления развитием всех индивидов. Головастики выделяют в среду белковые вещества, которые, накапливаясь, и действуют на них же, на головастика. Крупные продолжают расти, а рост мелких замедляется. Нет, большие по отношению к маленьким не выступают в роли угнетателей. Это не обострение борьбы за существование, как может показаться с первого взгляда. Малышам тоже выгодно замедлить свой рост, потому что из-за этого больше жизненных ресурсов достанется крупным, и они быстрее закончат развитие и выйдут на сушу, освободив пространство. Тогда и у маленьких появится возможность начать расти быстрее, чтобы успеть стать лягушкой до пересыхания водоема, если такое пересыхание приближается.

Метаболиты — белки... Химический код их еще не расшифрован. Велики надежды на биохимиков. Если они синтезируют аналоги метаболитов, то, как говорил Станислав Семенович Шварц, «борьба с определенным видом вредных насекомых или животных сведется к тому, что в среду его обитания будет подан соответствующий сигнал, ограничивающий его численность...» Это сделало бы революцию в наших отношениях с природой. Будем надеяться, что эту революцию сделают ученики академика Шварца.

ПОСЛЕДНЯЯ ПУЛЯ

Рассказ

Герман
ДРОБИЗ

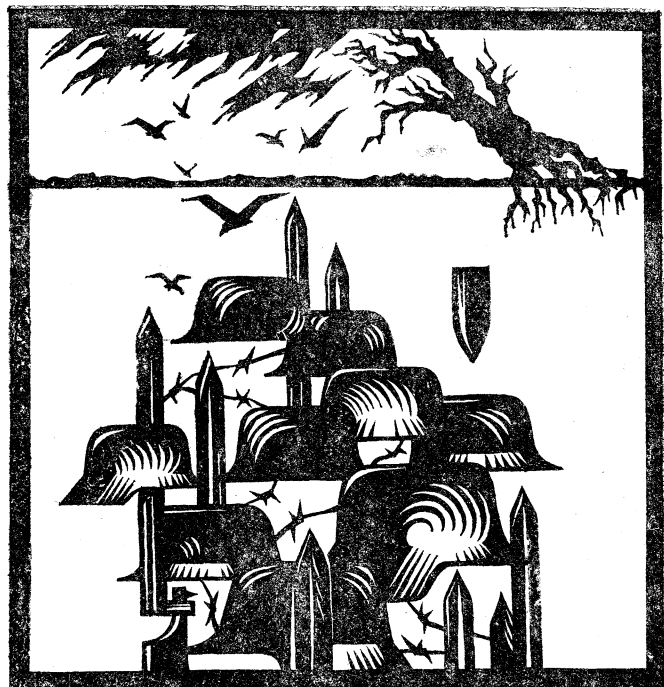
Рисунки
Розы Атлас

Голова к голове, тело к телу — плотно, как солдаты в строю, стоим мы в коробочке. Заботливо упакованы нежными девичьими руками. Куда нас направят, не знаем. Но чувствуем подъем, желание выполнить долг. Никто не объяснял нам, в чем он состоит, — он возникает в нас, едва выскакиваем из отливочной машины, родившись из капель расплавленного свинца. Приятное ощущение, когда тебе горячо; как это бывает с первыми ощущениями новорожденного, оно глубоко запечатлевается и становится на всю жизнь постоянной потребностью, то есть мечтой.

Коробочка к коробочке нас укладывают в ящик. Прикосновение теплых пальцев через картонную стенку... Возникло... Исчезло... Хлоп-хлоп-хлоп! Ящик заколочен. Вздогнуло днище... Поехали. Еще много раз будет замирать и вздрагивать наш крепкий надежный ящик, наша славная казарма. Остается только воображать, как нас перегружают из кузова грузовика в чрево товарного вагона и везут, везут, везут в дальние дали — надо думать, в другую страну. О, даже когда ничего не видно, путешествие прекрасно — оно приближает нас к выполнению долга. Дремлем под стук колес. В снах я снова становлюсь горячей и куда-то лечу, приближаясь к заветному, искомому...

Я — пуля. Калибр семь целых пятьдесят шесть сотых, вес восемь и девять десятых грамма. Из остальных анкетных данных главное — отношение к воинской повинности. Я — военнообязанная, чего и вам желаю. Убеждена: воинская повинность должна распространяться на все организмы, предметы и устройства. Военнообязан весь материальный мир. Возьмем такую незамысловатую вещь как складной стул. Если в нем развалился дачник и, посасывая курительную трубку, любит дубовой рощей и красками заката на черепичных крышах, — трудно представить себе положительное отношение складного стула к воинской повинности. Но если на нем сидит офицер, распоряжающийся в данную минуту важной боевой операцией?.. Казалось бы, трюизм. Но я хочу подчеркнуть: военнообязанными должны чувствовать себя все. Только так может быть

обеспечено правильное мировоззрение в современном нам мире, где военные действия — венец любых усилий, конечный результат любых предприятий, последний аргумент в любом споре.

Несколько слов о моем моральном облике, буквально несколько. Говорят, что пуля любит убивать, что у нас особое, приятное отношение к смерти. Неправда! Мы любим жизнь. Выпущенные из ружейных, автоматных или пулеметных стволов, мы хотели бы лететь вечно; и когда встречаем преграду — это трагедия, распад личности, катастрофа. Мы убиваем не от абстрактного желания и не от врожденной тяги к убийству, нет. Когда понимаешь, что тебя затормозили серьезно и навсегда, что полет прекратился, ненависть захлестывает душу, и начинаешь мстить. В этом смысле мы с одинаковым чувством убиваем человека, остановившего наш полет грудью, и, допустим, стену, подставившую свои кирпичи.

Нас привезли. Склад. Покой, тишина. Текут дни. Раздражает безделье. Неподвижность все тягостнее.

И однажды...

Скрип раскрываемых ворот... Наш ящик поднимают, выносят... Рев автомобильного мотора, немилосердная тряска... Приехали. Ящик вытаскивают и швыряют. Глухой удар о землю. Слышен треск раздираемой оболочки. Я лежу в верхнем ряду. Толчок — взяли соседнюю коробочку. Не исключено, что следующая очередь — наша. С огромным любопытством прислушиваемся... Топот ног, окрики, лязганье металла. Отрывистая команда: «Огонь!»

Залп! Его звук пронзает меня сладкой болью

и завистью к подругам, ощутившим в этот миг, что такое полет; догадываюсь: им сейчас горячо, славно, как в первую минуту рождения.

Крики. Стоны. Пауза. Два одиночных выстрела.

Снова пауза. Отдаленные голоса грубо подгоняют кого-то.

Сильные пальцы крепко обхватывают нашу коробочку... А-ах!!! Нас распахнули! Успеваю увидеть: широкая поляна, залитая солнцем. Сочная зелень листвы. Поодаль, на складном стуле, забросив ногу на ногу, сидит офицер. На нем красивая серая форма, изящная черная нашивка на рукаве. Фуражка с высокой тульей. Он хлопывает по сверкающим голенищам сапог. Отдает короткие спокойные распоряжения. Солдаты в такой же серой форме, только более скромной, энергично взаимодействуют с группой мужчин весьма утомленного вида. Общая веревка, которой они связаны, едва помогает им удерживаться в шеренге...

Дальше не вижу: меня выдергивают из коробочки. Щелк-щелк — и я в тесноте механизма. Волнующе пахнет смазкой и пороховой гарью. Что-то сильное, тугое вталкивает меня еще глубже. Ощущение долга растет. Все вместе — я, механизм, умное устройство, дославшее меня в патронник, — мы едины по отношению к чему-то очень важному, к чему-то самому важному, что только может быть в мире! Мы сильны этим единством и горды им. А если вспомнить о тех замечательных людях, что придумали меня и сконструировали многозарядный автомат, и о тех, чьи старательные руки добывали свинец, изготавливали станки, строили ружейные заводы, и о тех, кто учил солдат быстро и правильно пользоваться мною, если вообразить себе этот обширный круг людей и вещей... Подумать только: не кто-нибудь, а именно я отправляюсь их гонцом, вестником их мощи, ее полномочным представителем... Мысленным взором я окидываю пространства и времена, становяща народов и глубины эпох. Я вижу гениальных выдумщиков, творцов пороха. Остроумных механиков и изобретателей. Вижу гигантские заводы. Толпы инженеров. Армии рабочих. Нянечек вижу, неусыпно бодрствующих в родильных домах, в заботе, чтобы мои будущие создатели благополучно и во все большем количестве появлялись на свет. Вижу поля, тучные хлеба, трудолюбивых крестьян, — надо кормить моих будущих создателей, и хорошо, сытно кормить. Легионы учителей усаживают их за парты, преподают им родной язык и элементарный счет; затем на этом родном языке им объясняют простейшие знания, чтобы позже перейти к законам плавления металлов, кинематике, баллистике, газодинамике, ко всему грандиозному своду знаний и умений, без которых я не могу быть создана.

Поистине, среди миллиардов людей нет ни

одного, кто не имел бы ко мне никакого отношения. Кто может поспорить со мной в этом? Господь бог? Но у людей нет одного бога. Я — бог, в которого верят сразу все!

Все плюс я — и против нас некто, стоящий на траектории моего полета. Я ему не завидую. Кто он и что он? Не знаю. Ствол направлен в землю. Я смотрю через длинный тоннель, по стенкам которого красиво извиваются спиральные борозды. Вижу упругие травинки. Букашка переползает со стебля на стебель. Червячок пробурлил влажную почву и вертит головкой. Пробежал муравей. Крошечные следы его лапок. Все это любопытно, но где небо? Дайте взглянуть на небо!

И вот команда:

— В ружье!

Ствол качнулся и замер. Картина изменилась. Неба по-прежнему не видно, но возникло нечто не менее интересное: преграда, о которую я разобьюсь. Я вижу свою смерть. Кто никогда не сидел в тесном патроннике, у истока ствола, в последние секунды перед выстрелом, не поймет, какая это смесь отчаяния и восторга. Сейчас начнется полет, будет движение, скорость, станет радостно и горячо. Но в эти секунды, когда, находясь в полной неподвижности, видишь размеры оставшейся жизни, видишь место, где погибнешь... этому не подобрать слов.

Моя преграда прикрыта грязной изношенной тканью. Трудно определить, гимнастерка ли это или обыкновенная рубашка. Через отверстие ствола не разглядеть ни фигуры, ни лица. Я еще не знаю, стар он или молод.

Тишина словно бы сгустилась. Догадываюсь: офицер привстал со складного стула и поднял руку. Сейчас прозвучит одно короткое слово — и...

Но вместо этого разносится вопль. Яростный, хриплый. Это моя преграда посылает проклятия. Рядом кто-то рыдает. Перекрывая эти звуки, не имеюще никакого влияния на то, что сейчас неизбежно произойдет, наконец раздается:

— Огонь!

Страшная, еще более могучая, чем мне представлялось, сила ударяет меня, извините, по заднице! Лечу по спиральным бороздам, они врезаются мне в бока, заворачивают.оборот... второй... третий... Скорость растет фантастически. Мелькает дульный срез, и я выскакиваю на волю.

Полет хорош в любом виде, не правда ли? Но я еще и возвращаюсь! Восемьсот сорок метров в секунду и тысяча двести оборотов в минуту, но сами по себе эти данные не выражают ничего. Небо и солнце, лесная опушка и горы вдали, цветущая поляна, снова небо, солнце летят на карусели! А впереди... Молодой он или старый, так и не разберешь: лицо в грязи и подтеках крови. Глаза уставились в ствол. Его реакции недостает, чтобы понять, что я уже появилась и

приближаюсь. В его ушах звучит грохот выстрела. Вспышка пламени — максимум того, что ему успело прислать зрение. Но он еще надеется на чудо: увидеть свою смерть, как я вижу свою. Разглядеть, как из маленькой дырочки выпрыгиваю я — ладненькое свинцовое тельце — и устремляюсь к нему. А я давно вылетела и успешно преодолеваю расстояние между стволом и преградой. Мне радостно и горячо, как в самом раннем детстве. Полет возбуждает фантазию, мечтательность, хочется петь, декламировать...

Я пуля, я философ!
Из множества вопросов
один меня волнует
из века в век, от века:
ИЩУ ЧЕЛОВЕКА!

Вот оно, чудо полета: сочиняю стихи! Кто бы мог подумать? Возможно некоторое несовершенство формы, но что вы хотите: я всего лишь горячая капля свинца, взвинченная скоростью.

Очарованною пчелкой
забиваюсь прямо в щелку,
прямо в сердце, как в середку
медоносного цветка.
Ах, простите мой стихийный,
мой порыв, мой аппетит,
вянет, вянет сей цветок,
оземь лепесток летит...

Интересно, работает ли сейчас поэтическое воображение у НЕГО? Возможно, и он представляет меня злой горячей пчелкой, которая сейчас вопьется ему в грудь и ужалит. Но, может, я для него — гроза, молния, выскочившая из узкой синей тучи, непостижимое явление природы, гром среди ясного дня. Не исключено, однако, что у него техническое мышление, и он воспринимает меня объективно: тело параболического сечения, разогнанное до скорости в восемьсот сорок метров в секунду, разогретое до трехсот восьмидесяти градусов по Цельсию и, благодаря этим незаурядным параметрам, способное пронзить биологическую массу на глубину восьмидесяти сантиметров. Поставьте людей в затылок друг другу, и я дойду до третьего, лишь четвертый останется неуязвимым.

...Лицо его искажено гримасой. Тут и страх, и ненависть, и, отдадим должное, мужество; проглядывает даже вера в какие-то убеждения. Милый мой, неизвестный мне, погибающий организм! Верить можно только в меня, только я — неотразимый аргумент в споре, единственная надежда победить в столкновении идей. Если бы не я, жизнь на планете превратилась бы в бесконечную и бесплодную дискуссию, ибо сколько людей, столько представлений, и еще никто никого не убедил в своей правоте одним говорением слов. Чтобы прекратить деятельность мозга, вырабатывающего идеи, противоположные ва-

шим, бесполезно прибегать к словам. Следует остановить вражеский организм, и самое удобное — вывести из строя питающий его насос — сердце. Эту работу наиболее быстро, аккуратно и дешево может выполнить небольшое металлическое тело вытянутой формы, пущенное с определенной скоростью. Пуля. Я.

Над поляной летит бабочка. Медленно вздымаются огромные оранжево-черные крылья. Жаль невинное создание, но мне не дано распорядиться своей трассой. Я ударяю воздушной волной, вдавливаю крыло, прожигаю в нем огромную дыру — и все это за четверть его взмаха...

Он, видимо, что-то кричит. За то время, что я лечу, губы его успевают немного округлиться — для первого звука.

Я приблизилась. Вижу грязные струпья на щеках. Капельку слюны в углу рта. Напрягшийся кадык. Вижу мельчайшие складки одежды. Тусклую латунную пуговицу нагрудного кармана. Только бы не угодить в нее, это будет слишком больно. Слава случаю, я пройду рядом. Ветхая ткань при моем приближении быстро разогривается. Темное пятно ширится на ней. Обнажилась кожа. Прожигаю ее и — страшный удар! Кость! От чудовищной боли я расплющиваюсь, но ненависть прибавляет сил: грызу, прогрызаю, буравлю, проламываю ребро. Вокруг все шипит, кровь омывает и охлаждает меня. Теряю сознание.

Через некоторое время прихожу в себя от приглушенного скрежета лопат. Слышу, как на нас сыплются камни и комья земли. Теперь это его могила. А моя могила — его сердце. Но он умер, а я похоронена заживо и обречена на вечные муки: на холод, неподвижность и тишину. Вот цена за счастливую секунду полета, за верность долгу. Все это мясистое, мягкое, окружающее меня, превратится в прах и смешается с землей. И кости истлеют и обратятся в порошок. А я буду ждать годы и века, пока подземная влага не разложит мой свинец на окислы и не превратит меня тоже в мертвое ничто.

Так и происходит. Идут годы. Сырость покрывает меня незаживающими язвами. Я жива только воспоминанием: полет, синее небо, цветущая поляна, стихи... Мое горячее дыхание плавит крыло бабочки, снова — небо...

Я НИКОГДА НЕ УВИЖУ НЕБО. ГОДЫ ИДУТ. ДЕСЯТКИ? СОТНИ? НЕ ЗНАЮ.

Но вот, с некоторых пор, начинаются слуховые галлюцинации. Знакомые звуки: рев двигателей, лязганье металла. Они глухо доносятся сквозь толщу земли. Нет, это не галлюцинации! Однажды земля вздрагивает, возникают толчки; внезапно — мощный сдвиг, подъем, падение — рушится туча земли, песка и пыли, и среди этих частиц падаю я. Потом все успокаивается, пыль садится, и я вижу... небо!

Господи ты боже мой, я вижу небо. Я лежу на

гребне земли, сброшенной ковшом экскаватора. Местность неузнаваема. Лесная поляна, где на складном стуле сидел офицер в красивой серой форме с черной нашивкой на рукаве и где по его команде стволы поднимались на уровень сердца... Ничего этого не было. С высоты гребня открывался вид на оживленную городскую площадь. Громоздились многоэтажные здания, сновали пешеходы, по ярусам эстакад лились потоки автомобилей, а на высоком постаменте стояла гигантская, отлитая в бронзе фигура. Что-то знакомое почудилось в ее облике. Вывернутые за спину руки. Гневное, изможденное лицо. Округленный в крике рот. Позвольте, поз...

Это был ОН! Вот так так! Он, тот самый, с которым я тогда расправилась в мгновение ока, тогда бессильный, шатающийся, хрипящий, сейчас, тысячекратно увеличенный, высится над огромным городом как средоточие некоей славы, а мне затмевает половину небес! Значит... это был — герой. Выдающийся герой, достойный такого величественного памятника. Гордиться ли мне, что в его героической смерти есть и доля моего участия? Но что толку? Он отлит в бронзе и прославлен на века, он — герой, а я — никто и ничто, я — ничтожное нечто, случайно вышвырнутое на свет во время ремонтных раскопок. Вот как оно обернулось. Я смотрю на темный силуэт, за плечами которого идут облака, и не чувствую больше радости от возвращения к жизни.

Мальчуган с разбегу взобрался на вершину земляного гребня. Сел, снял сандалии и принялся их выколачивать. Потом увидел меня. Цепкие пальчики поднесли меня к любопытным и приветливым глазам. Рот округлился, как у того, бронзового ныне, но с иной целью: теплая струя воздуха сдула с моих боков налипшие на них крошки. Как давно я не ощущала тепла, как стосковалась по нему.

Вдруг новая, куда более горькая мысль пронзает меня: главное вовсе не в том, что я — ничто, а ОН — герой. Главное, что ему поставлен памятник. Понимаете? Нет?! Да ведь если ему поставлен памятник, значит, победили ОНИ, а не МЫ!! Если бы ОНИ проиграли, разве МЫ позволили бы им поставить памятник своему герою? Да еще такой гигантский!

Я всматриваюсь в бронзовую фигуру. Она покрыта патиной. Значит, стоит здесь давно. Многие десятилетия. Столь же давними выглядят и здания, отделанные камнем по фасаду, и стволы деревьев в сквере у постаменте. Все солидно, прочно, устойчиво. Что все эти годы здесь не было военных действий — очевидно. Но, может быть, война идет где-то далеко отсюда?

Мальчуган подбросил меня на ладонке, тяжесть при крохотных размерах приятно удивила его. Он одобительно произнес:

— Тяжеленькая!

Я понравилась ему. Он мне — нет. Слишком

мил, спокоен, безмятежен. И так же спокойны и приветливы прохожие, в том числе и молодые мужчины призывного возраста. Кстати, все они атлетично сложены, высоки, широкоплечи. Силой веет от них. Силой и добродушием. Нет, даже если бы война шла где-то далеко, это наложило бы отпечаток на лица. Когда страна воюет, даже в самом ее глубоком тылу не может быть такого обилия спокойных лиц.

Последняя, самая ужасная догадка зреет во мне.

Возле мальчика остановился прохожий. Пожилой мужчина, его можно было бы назвать стариком, если бы не следы былой военной выправки. Он долго разглядывал меня, а я ждала, почти наверняка зная, что он скажет.

— Старинная вещица... — сказал он.

Да! Моя догадка оказалась верна. Они не только давно не воевали, не только не воюют сейчас, они вообще не воюют, они победили НАВСЕГДА!

А это значит, что ОН и я — последние. Я — последняя воевавшая пуля. ОН — последний воевавший герой. Его бронза будет все больше покрываться благородной патиной, но никогда, ни в одном уголке мира не сверкнет свежей бронзой памятник следующему, погибшему на войне.

Надо полагать, еще и поэтому на его постаменте — россыпь свежих роз. Последнему герою — особый почет. Соответственно, к последней пуле — особое отвращение. Мне еще повезло, что я стала игрушкой у мальчугана, а не лежу под стеклом музейной витрины, снабженная пояснительной надписью, вызывая любопытство и недоумение юных, скорбь и гнев пожилых.

Я смотрю на бронзовую фигуру, затмевающую полнеба. О, еще раз пролететь через бывшую поляну и снова ударить ему в сердце! Но теперь он неуязвим для меня. Он бессмертен. Бессмертен. Бессмертен...

ТАКОЙ ТРУДНЫЙ ПОИСК

Наградили солдата орденом. А солдата ранило, попал он в госпиталь, и пошла у него судьба уже не фронтовая, а тыловая. Или полк его перестроили, или бой такой вышел, что оторвал солдата от своей части. Или уж вовсе лежит солдат под красной жестяной звездой... Сквозь бойжарища разыскивал солдата его собственный орден все оставшиеся годы и дни войны; кого нашел, а кого и до сих пор ищет...

Тремстам семи воинам 60-й стрелковой дивизии, в свое время по ранению или другим причинам не получившим награды, помогли вернуть боевые ордена и медали следопыты торгово-экономического техникума Мосгорисполкома. Искали, находили, а сами думали: «Ветеранов своей дивизии наших?!» Как взяться за этот поиск, как осилить масштаб и неизмеримые размеры его?.. По какому принципу ограничить, чтобы можно было одолеть, с чего начать?

И решили учащиеся техникума начать искать с самой распространенной русской фамилии — с Ивановых. И сколько, вы думаете, их оказалось — отличившихся и удостоенных наград Ивановых? 69 500! Одних Иванов Ивановых более десяти тысяч, три с половиной тысячи Иванов Ивановичей...

Записаны по алфавиту неразысканные Ивановы, Александры и Ивановы. Целыми месяцами поднимали следопыты наградные листы, чтобы выписать год рождения, довоенные адреса, место призыва. Как ни кропотлива эта работа, но и она могла дать немного: бывший фронтовик успел, наверно, трижды переехать с места на место...

Тогда были отправлены запросы во все республиканские, краевые и областные адресные бюро с просьбой дать сведения о всех Ивановых, которым за 56 лет. Нелегкая это выборка, но работники адресных служб помогли следопытам. Комсомольцы Московского адресного бюро в свободное от работы время выписали 132 Ивановых; пришли данные по Сахалину — 5, из Свердловской области — 42, Калининградской — 79... По этим адресам бывшим фронтовикам отправлено почти две с половиной тысячи писем с анкетами, и тогда уже техникумовцы стали с нетерпением ждать первых результатов.

За полгода удалось разыскать сорок шесть Ивановых и тридцать одну семью фронтовиков с этой фамилией, которых уже нет в живых. Всем им будут вручены боевые награды спустя почти сорок лет: Ивану Ивановичу Иванову из Калининграда — бывшему командиру минометного взвода 243-го полка 84-й стрелковой дивизии, Ивану Ивановичу Иванову из Горловки — бывшему красноармейцу 127-й отдельной стрелковой бригады, Ивану Ивановичу Иванову из Симферополя — бывшему командиру роты 873-го полка 276-й стрелковой дивизии, Ивану Ивановичу Иванову из Малой Вишеры — бывшему саперу 238-го отдельного инженерного батальона и многим-многим другим.

...А есть еще Ивановы — Василий, Михаилы, Федоры... И есть Васильевы — от Александра до Якова, Михайловы, Федоровы...

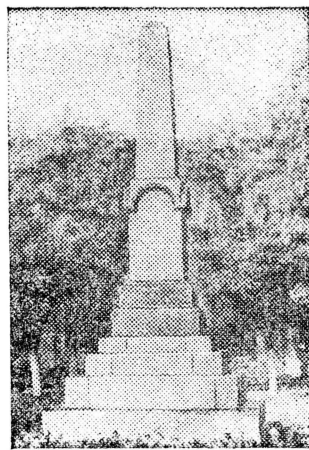
МУЗЕЙ ЗЕЛЕНОГО ДРУГА

ОН СЛОВНО ВЫШЕЛ ИЗ СКАЗКИ — УЮТНЫЙ ДОМИК С ДВУХСКАТНОЙ, СПУСКАЮЩЕЙСЯ ПЛОЩАДЬЮ ДО САМОЙ ЗЕМЛИ КРЫШЕЙ. СТОИТ ОН НА ПОЛЯНЕ СРЕДИ ДЕВСТВЕННОГО ЛЕСА. СОВСЕМ РЯДОМ ШУМЯТ УЛИЦЫ УФЫ, А ЗДЕСЬ, В ПАРКЕ ИМЕНИ ЛЕСОВОДОВ БАШКИРИИ, ТИШИНА.

О МНОГОМ МОЖЕТ ПОВЕДАТЬ МУЗЕЙ ЗЕЛЕНОГО ДРУГА. ЛЕСА НА ТЕРРИТОРИИ БАШКИРИИ ЗАНИМАЮТ ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ ГЕКТАРОВ. НА ГРАНИЦЕ СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОН ОНИ ОТЛИЧАЮТСЯ ОСОБЫМ РАЗНООБРАЗИЕМ. ЕЛЬ И ПИХТА, ИЛЬМ И ЛИСТВЕННИЦА, ДУБ И ЛИПА НЕСУТ ЗДЕСЬ ВОДОХРАННУЮ СЛУЖБУ, ЯВЛЯЮТСЯ БАРЬЕРОМ НА ПУТИ СУХИХ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ ВЕТРОВ.

ЛЕС — НАСТОЯЩЕЕ БОГАТСТВО АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ. ОН ДАЕТ ЗА ГОД МИЛЛИОНЫ КУБОМЕТРОВ ДРЕВЕСИНЫ, ДЕСЯТКИ ТОНН ГРИБОВ, ЯГОД, ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ. В ЛЕСАХ БАШКИРИИ В ИЗБИЛИИ ВОДЯТСЯ ЛОСИ, КОСУЛИ, БУРЫЕ МЕДВЕДИ, МНОЖЕСТВО РАЗНЫХ ПТИЦ...

В. ЧЕМЛЯКОВ

ВЕЧНАЯ
ПАМЯТЬ
ГЕРОЯМ...

Этот обелиск возвышается на перекрестке улиц Шабской и Тараса Шевченко в городе Белгород-Днестровском, что в Одесской области. Он был сооружен на пожертвования жителей Аккермана (тогдашнее название города) в 1912 году.

У основания стелы из черного лабрадора выбиты слова: «Вечная память герою-воину Василию Рябову и всем воинам — уроженцам Аккермана и Аккерманского уезда, погибшим на Дальнем Востоке в японскую войну 1904—1905 годов».

Имя В. Т. Рябова хорошо известно в истории. Рядовой русской армии, он вызвался пойти в разведку в тыл японцев. Враги схватили его, долго пытали и 30 сентября 1904 года казнили.

В 1909 году прах героя был перевезен в его родное село Лебедевку Пензенского уезда и захоронен с воинскими почестями возле школы. Рябов был объявлен национальным героем.

Почему же имя пензенца выбито на памятнике за сотни километров от Пензы? Объясняется это тем, что Рябов служил в 294-м Чембарском полку вместе со многими уроженцами Аккермана. Благодарные жители города, узнав о подвиге русского богатыря, на собственные средства соорудили этот памятник.

А. РЕЗНИЧЕНКО

● Окаменелый археоптерикс (ящерохвостая первоптица из юрского периода) оказался в «клетке» частной коллекции в западногерманском городе Зольнхофен. По описаниям, эта находка ценней даже тех знаменитых окаменелостей прародителя птичьего семейства, что хранятся в музеях природы в Берлине и в Лондоне. Однако вполне возможно, что археоптерикс из Зольнхофена «улетит» в дом какого-нибудь заокеанского миллионера, а не в исследовательские лаборатории палеонтологов, ибо его владелец, в соответствии с местными законами, волен поступать со своей ценностью как ему вздумается.

● Африканец Ы. Каераера помнит известного исследователя континента Д. Ливингстона, подробности эпизодов столетней давности, имена друзей своей юности — кузнецов, плотников, каменщиков. Родился он в июле 1845 года, уже восемьдесят лет живет в Зимбабве. Сейчас Каераере пошел 139-й год, у него 25 праправнуков. До сих пор он работает на полях и главным секретом своего долголетия считает физический труд.

● Где на земном шаре чаще всего сверкают грозовые молнии, и есть ли такое место? Задавшись этим вопросом, исследователи сопоставили данные всех регионов. И оказалось: самая «громовая» на земле — деревушка Оравикоски (Финляндия). В среднем за один летний день над ней сверкают по 75 молний. Жители деревушки особо тщательно следят с помощью специалиста за исправностью громоотводов на своих домах.

● Американские астрономы обнаружили по фотографиям 800-метровый астероид, который минувшим летом прошел на расстоянии всего 9,6 миллиона километров от Земли. Обогнув солнце, эта малая планета на пути к Юпитеру вновь, осенью, пересекла плоскость орбиты Земли. Если бы такой астероид столкнулся с Землей, это было бы эквивалентно одновременному взрыву на ее поверхности тысяч водородных бомб. Специалисты рассматривают способы изменять орбиту подобных опасных для нас странников космоса, включая применение ракет с ядерными зарядами.

● Захоронение мальчика-инка 500-летней давности, открытое кладочислателями в горах Чили почти 30 лет назад, продолжает поставлять науке все новые факты. Исследования показали, что мальчик жил до самого момента захоронения, и потому высказывается предположение, что он был принесен в жертву, скорее всего — богу солнца. Канадский палеопатолог Патрик Хорн, изучая с помощью электронного микроскопа хорошо сохранившийся в холоде труп маленького инка, собрал некоторые данные о состоянии здоровья людей в доколумбовом мире. В частности, было впервые получено доказательство существования вирусов в то далекое время.

● Курилороссия — так называлось одно из первых русских поселений на Тихом океане. Сотрудники краеведческого музея из Южно-Сахалинска обнаружили его остатки на вулканическом острове Уруп. Они совершили туда уже три экспедиции. Селение располагалось в бухте Алеутка, было заложено в конце XVIII века промысловиками артели Василия Звездочетова. Место, где находилось поселение, нашел, изучив старые карты, В. О. Шубин. Началась раскопки. Сейчас их площадь 2 000 000 квадратных метров. Раскопаны нижние венцы жилого дома, хозяйственных построек, которые были срублены из растущей на острове каменной березы. Обнаружено и место расположения кузницы с остатками поковок, угля. Найдено множество других предметов труда и быта жителей Курилороссии.

РАБОЧИЙ С ПЛАКАТА

МОЛОДОЙ РАБОЧИЙ С ЦВЕТАМИ В РУКЕ И УЛЫБКОЙ НА ЛИЦЕ. ТАКОЙ СНИМОК БЫЛ СДЕЛАН НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД. ОН ПОЛУЧИЛ ПЕРВУЮ ПРЕМИЮ НА КОНКУРСЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». А НЕДАВНО ПО НЕМУ В МОСКВЕ БЫЛ ВЫПУЩЕН ПЛАКАТ «ЧЕСТЬ И СЛАВА СОВЕТСКОМУ ЧЕЛОВЕКУ — ЧЕЛОВЕКУ ТРУДА!».

СО СНИМКА И С ПЛАКАТА УЛЫБАЕТСЯ МАШИНИСТ УГЛЕЗАГРУЗОЧНОГО ВАГОНА ОДНОЙ ИЗ КОКСОВЫХ БАТАРЕЙ ЧЕЛЯБИНСКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА ФЕДОР ШВЕЦОВ.

В ТОМ, ЧТО ОН СТАЛ ГЕРОЕМ ПЛАКАТА, КОНЕЧНО, ЕСТЬ ЭЛЕМЕНТ СЛУЧАЙНОСТИ, НО, ЧТОБЫ ТАКОЙ СЛУЧАЙ ПРОИЗОШЕЛ, НАДО БЫТЬ ДОСТОЙНЫМ ЕГО. НА КОКСОХИМЕ РАБОТАЕТ АВТОР ФОТОГРАФИИ — ВЯЧЕСЛАВ ГНЕУШЕВ. СНИМОК ИМ БЫЛ СДЕЛАН НЕ СЛУЧАЙНО: НА ФОТОГРАФИИ МЫ ВИДИМ ШВЕЦОВА ПОСЛЕ СМЕНЫ В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА ЕМУ ВРУЧАЛИ ОБЛАСТНУЮ ПРЕМИЮ МЕТАЛЛУРГОВ ИМЕНИ Г. И. НОСОВА.

ПОМИМО ЭТОЙ ПРЕМИИ ФЕДОР ШВЕЦОВ НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ ТРУДОВОЙ СЛАВЫ 3 СТЕПЕНИ. В ЧИСЛЕ НАИБОЛЕЕ КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ДВА ГОДА РАБОТАЛ В ГОРОДЕ АННАБА МАСТЕРОМ-ИНСТРУКТОРОМ, ПЕРЕДАВАЛ ТАМ СВОЙ ОПЫТ АЛЖИРСКИМ РАБОЧИМ.

ПРЕМИЯ, ОРДЕН. А ПЛАКАТ — ЭТО ТОЖЕ ВРОДЕ НАГРАДЫ ЗА ТРУД...

НА СНИМКЕ: Ф. Ф. ШВЕЦОВ У ПЛАКАТА.

С. БЕЛКОВСКИЙ

«Уральский следопыт» в 1983 году

ПРОЗА

Барков А., Циферов Г. К далеким землям, к дальним берегам. № 7.
Бобровский Б. Приманка. № 9.
Власов А. Красные снега. № 8.
Воробьев А. Этюды о детстве. № 9.
Давыдычев Л. Чумазный Федотик. № 1.
Дедов П. Светозары. № 9.
Домнин А. Бунт. № 4.
Дорошенко Е. Незнакомое дерево — елка. № 12.
Дробиз Г. Последняя пуля. № 12.
Зуев В. Мир наступил не сразу. № 1, 2.
Калинин Ю. Кресало. № 8.
Карпов В. Мальчик на острове. № 4.
Козлов И. Когда подрастет сын. № 7.
Корниенко И. Причуды. № 5.
Коршунов М. Требуется дворник. № 9, 10.
Крашенинников А. Полосатые соседки. № 10.
Леонов Ю. Брезентухи. № 3.
Мачеха. Эвенкийская сказка. № 1.
Маршалл А. Трехлапая динго. № 8.
Митчелл Н. Наш далекий друг Алан Маршалл. № 8.
Нисковских Ю. «Как слышите? Прием...» № 9.
Николаев В. Грачи. № 11.
Новокшинов И. Седой спутник. № 8.
Пашин В. Майские жуки. № 5.
Пинаев Е. «Серебряная гитара». № 6.
Сайфулмулюков Р. Развод. № 10.
Филиппович А. Стая. Егор и Михайловна. № 6.

ПОЭТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ

Абельская Р., Анурьева Р., Ворюдина А., Котомцева М., Кравцов К. В величайшем саду вселенной. № 12.
Андреев Я., Молчанов Э., Сахановский И. Как дар судьбы... № 2.
Гали М. Курай мой звонкий... № 6.
Карнович А., Мережников Н. Когда есть дом. № 5.
Карбышев М., Найдич М. Моя дорога тянется из детства. № 9.
Кленов А., Лаптев В., Чечулин А. В малом сердце моем... № 4.
Комлев А. Зарево. № 11.
Литвинов В., Трубицын В., Филатов А. Стихи. № 7.
Окуджава Б. Гори, огонь, гори. № 4.
Селянин Ф. Стихи. № 1.
Сляднева В., Старовойтов А. Улыбаюсь грянушему маю... № 3.
Сорокин А. ...Зажгли улыбки добрые в домах. № 8.
Халазанов Б. Живой огонь на кончике грозы. № 10.

МОЙ ДРУГ ФАНТАСТИКА

Балаховский А. «Будущее светло и прекрасно...» № 5.
Биленкин Д. Пустыня жизни. № 10, 11, 12.
Бушков А. Последний вечер с Натали. № 9.
Дмитриев И. О любви и о вкусах. № 9.
Другаль С. Сохрани дыхание. № 7.
Козловский В. Море Сафонова. № 9.
Крапивин В. Голубятня на желтой поляне. № 3, 4, 5.
Львов Д. Кривле-кривле-бумс. № 2.
Морсков А. Зеленым он был... № 5.
Снегов С. Дом с привидением. № 8.
Сосновский Ю. Ну и что? № 3.
Филенко Е. Ловушка для падающих звезд. № 6.
Чуманов А. О формах и формулах. № 1.
Шинкаренко Ю. На Овечьей улице. № 9.
Калейдоскоп. № 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12.

**ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ.
НАЙТИ СЕБЯ. ТРЕБУЮТСЯ СПЕЦИАЛИСТЫ.
ДАЕМ АДРЕСА РОМАНТИКАМ.
ЮНОСТЬ ОТЦОВ. ЛЮДИ ПОДВИГА.
ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО? ТОВАРИЩ
ВРЕМЯ.**

Абрамов А. «Иду на таран!» № 2.
Александров А. Огнем с неба. № 2.
Беляев А. Есть такая профессия — защищать Родину. № 12.
Брылин А. Бирка узника. № 9.
Бусыгин А. Горький и Уралмаш. № 7.
Бушухин В. Рабочий диалог: «Уралмаш» — «Шкода». № 7.
Вайсберг Б. Мой товарищ — изобретатель. № 1.
Воробьев А. Два капитана. № 6.
Встреча на Оби. № 5.
Гаряев Л. Трудный выбор. № 3.
Гольд А. Первые бастионы. № 1.
Голубев Л. Артем на Урале. № 3.
Голубев Л., Кириллова Е., Новый Н., Семернева Н., Соломина Л., Широкова Н. Цвет репейника. № 2.
Данилин В. Дело рук и души. № 11.
Дейч М., Локтева Б., Мурашов О., Новый Н., Пуронен В., Сопина Т., Широкова Н. Цвет репейника. № 4.
Долгова Е. Здравствуй, «Данко!» № 8.
Ефимова Т. Формула главного инженера. № 7.
Живые строки войны. № 5.
Жохов М. Кто он — рабочий «Рядовой»? № 11.

Зайцев В. ...Чтоб ракетой неслась в небеса. № 12.
Захаров С. Имя на барельефе. № 6.
Зеличенко Б. Он остается в строю. № 6.
Иванов И. По следам писателя. № 8.
Куманов Г. Выходила на берег «Катюша»... № 2.
Кучернюк А. «Дорогие мои-девчонки...» № 7.
Леонидов А. В строю добровольцев. № 2.
Лившиц Д. Неразрезанная книга. № 12.
Лобанов Г. Четверо из Боговляненска. № 11.
Мюгарин М. Магнестрой литературы. № 6.
Надеждин А. Комсомольская броня с Урала. № 2.
Обсуждаем «Цвет репейника». № 9.
Огненное крещение. № 6.
Олешко В. Фронтная мальчишечья. № 9.
Окунцов Ю. Чекист Скачковский. № 1.
Окунцов Ю. Письма из Сталинграда. № 2.
Плетут ребята кружева из чугуна... № 7.
Романов Г. Крылатый кулак. № 7.
Семенчик И. Рукавички. № 1.
Семенчик И. Меч чести. № 6.
Семенов Б. Крановщик. № 5.
Сергеева Л. С ложкой за голенищем... № 7.
Снегирев С. Поле Александра Емельянова. № 2.
Смирнов А. Выстояли! № 11.
Сорок четыре горячих и холодных дня. № 5.
Турунтаев В. Эксперимент. № 9.
Хлыстун В. Север... без чемоданного настроения. № 10.
Ховив Е. «Дело сделано. Завод построен. Партия Ленина победила!» № 6.
**ДАВНЫМ-ДАВНО. ТРОПОЙ ПОИСКА.
ПО БЕЛУ СВЕТУ. КРАЕВЕДЧЕСКАЯ
КОПИЛКА. РУКОМЕСЛА. ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ. СТРАНА ТОПОНИМИЯ.
КЛУБ СОБИРАТЕЛЕЙ.**
Акимов В. Он первым описал Аляску. № 11.
Алексеев Д., Новокшинов П. Загадка исчезнувшей почты. № 11.
Беликов А. Найдено в Темирском кургане. № 11.
Борисихин Ю. Полярной тропой. № 1.
Борисихин Ю. Плен Севера. № 4.
Браилковский Г. Гоша с эсминца «Яков Свердлов». № 5.
Брылин А. Матрос, историк, драматург. № 8.
Верзаков Н. Златоустовские вехи. № 3.
Викторов И. Кожанье и жеребья. № 7.

Витальев П. Ей ответил Пушкин... № 11.
Войнов В. Статский советник Рычков. № 8.
Воронов Г. Доктор Грааль. № 11.
Воронов Г., Межберг В. Мурчисон на Ураде. № 12.
Галай Ю. Кулибин-младший. № 5.
Галин Б. Были другие премьеры... № 10.
Данилин В. Дело рук и души. № 11.
Дмитрин Г., Маршалов Б. Заказ челябинских мальчишек. № 5.
Дульский В. На арене и эстраде. № 6.
Зеличенко Б. Первой была «Сильва». № 3.
Клюшников Ю. Остановка в пути. № 9.
Козулин В. История одной антифашистской листовки. № 5.
Колосков В. Атлантический экзамен. № 7.
Комаров Г. Любовь к самоцветам. № 11.
Конторович А., Легонькова И. Державино подобно. № 11.
Копайский А. Открытие Аляски. № 4.
Коровин А. Из заштатного Далматова. № 2.
Коровин А. Вексель А. С. Пушкина. № 5.
Коровин А. Один из забытых героев. № 12.
Коркин В. Обь-Енисейский канал. № 8.
Кренделев Ф. Исток трех великих рек. № 9.
Курочкин Ю. Профессор занимательной науки. № 10.
Курочкин Ю. История одного автографа. № 11.
Либерман А. Златоустовские карандаши. № 9.
Липатников Ю. Вязь времен. № 1.
Лынев Р. НЛО на опознании. № 1.
Ляпцев К. Загадка медного стола. № 5.
Матвеев А. От Колпака до Вишневых гор. № 8.
Мосунов А. Свой берег. № 12.
Немиров Ю. Два лета в Котломино. № 5.
Неруш Н. Гармонь моя... № 6.
Омельчук А. Крещение полярным Уралом. № 6.
Павлов В. Автограф Панкратия Сумарокова. № 3.
Павлов В. «Человек почтенный и замечательный...» № 12.
Пашин В. Ее сестра звалась Наташа... № 9.
Пашин В. История подписного листа. № 9.
Пашин В. Корреспондент Максима Горького. № 10.
Пашин В. Партизаны братья Фигнеры. № 11.
Печерский А. Глиняный город. № 9.
Попугайло В. ...И великие медики. № 6.
Попов С. «Самоцветы» русского флота. № 10.
Попов С. Арктические «зайцы». № 12.
Пудваль А. Уроки Константина Симонова. № 6.
Рассказ старого солдата. № 11.
Розен М. Легенда о сибирской Лукомории. № 11.

Рощаховский В. «Секретные» имена. № 5.
Рымаренко З. Портреты Бажова с натуры. № 12.
Рязанов Ю. Из прошлого в будущее. № 3, 5.
Рязанов Ю. Еще один шедевр. № 10.
Савельзон В. Бунтовы из Берд. № 9.
Савельзон В. Памятник в степи. № 3.
Савина Н. Ревнитель старины. № 11.
Свалов В. Такой нетипичный Демидов. № 4.
Смирнова С. Хроника жизни кавалерист-девицы. № 6.
Столин М. День музеев и собирателей. № 3.
Федорова Н. Ибн-Фадлан рассказывает... № 2.
Филимонов М. Дар соляных магнатов. № 11.
Христинин Ю. Лермонтов в Ставрополе. № 12.
Чернов В. Кем был Лимон? Что такое Матафон и Епера? Есть ли слово «подмарь»? № 2.
Шурилов Е. «Следы» космонавтов на земле. № 10.
Юрин П. Сад Марии. № 5.
Язовский Г. Как 'произошли воинские звания. № 8.
Якушев В. Вьетнамские страницы. № 8.
Якубовский Э. Подлинный остров сокровищ. № 10.

МУЗЕЙ ОДНОГО ЭКСПОНАТА. НА СЛЕДОПЫТСКОЙ ЛИНИЕЙКЕ. СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ. ИЩУ И НАХОЖУ. НАШИ ИНТЕРВЬЮ. ЧИТАТЕЛЬ — РЕДАКЦИИ, РЕДАКЦИЯ — ЧИТАТЕЛЮ. О БРАТЬЯХ МЕНЬШИХ. ВСТРЕЧА С ПРЕКРАСНЫМ. СТАРТЫ.

Адрес мечты. № 3.
Андреев Я. Рядовой революции. № 5.
Баженов М. Судьба миниатюры. № 12.
Блинов В., Липатников Ю. Артамонов или Артамон? № 4.
Богоявленский Л. Змейка сторожит огород. № 12.
Булавин В. В галерее праздник. № 10.
Были алмазной земли. № 7.
Воловик Д. Король шахмат приглашает в свердловский дворец. № 5.
Голубев Л. Мандат Октября. № 8.
Голубев Л. Сын корпуса. № 10.
Ефремов Н. Шеломовские километры. № 11.
Заворотчева Л. Три волшебные струны. № 11.
Захотелось Ольге за руль... № 7.
Казаринова Н. Реальность сказки. № 3.
Клочков В. ОМО — язык человека. № 2.
Клочков В. Птица-радость. № 9.
Линд Е. День победы среди войны. № 10.
Липатников Ю. Грезы зимнего окна. № 8.
Лиров И. Штрихи к портрету. № 5.
Марков Б. Танк Пономаревых. № 5.
Маркина М. Свет любви и радости. № 4.
Мешавкин С. «Следопыту» — двадцать пять. № 4.
Мильштейн В. Секреты великого крепостца. № 12.

Недзельская З. Судьба картины. № 7.
Николаев О. Две жизни Лины По. № 4.
Проскурин В. Трубоч. № 11.
Рябинин Б. Воспитай себя. № 1, 2.
Рябинин Б. Будь милосерден! № 4.
Рябинин Б. Почему рычал лев. № 8.
Рябинин Б. Про Кузю, Блямку и других. № 9.
Сверкающие грани. № 11.
Сенчева Е. Автоград встречает ребят. № 6.
Сергеева Л. Танк на школьном дворе. № 10.
Слукин В. Подземелья-призраки. № 9.
Стариков В. Доброе утро, село! № 12.
«Хочу», и все тут. № 5.
Чинарева Т. Что было дальше... № 9.
Штормовка на вырост, или Размышления «Следопыта» о самом себе и своих друзьях-читателях. № 4.
Юрий Сенкевич: «Позвать в дорогу завтрашних». № 5.

УРАЛЬСКИЕ ЗАКРОМА. НАУКА И ТЕХНИКА. НА ВСЕ РУКИ.

Белов В., Зигуненко С. Изобрели школьники. № 6.
Богоявленский Л. Рокотуха. № 8.
Богоявленский Л. Грозд желанный. № 10.
Гаряев Л. О чем стучат колеса. № 11.
Гурин И. «Пятерка» по труду. № 3.
Два века на старте. № 4.
Зигуненко С. И это все для нас... № 1.
Колезев Е. Шагающий вездеход. № 9.
Копайский А. Драга № 1. № 1.
Липатников Ю. Маршал и мастер. № 9.
Стариков В. Дирижабль: так просто, так сложно. № 4.
Цывьян Б. Первые метры метро. № 12.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА

Аленкин В. На тигров с кинокамерой. № 5.
Беляев И. Друзья мои — травы. № 4.
Голубев Л. Кар-карыч и Тявка. № 6.
Заянчковский И. Памятники животным. № 9.
Ивкин П. Огрех. Осот. Теренгуль — белое озеро. Хозяин. № 11.
Капореико О. Воспоминания о лете. № 10.
Липатников Ю. О чем молчат лягушки. № 6.
Липатников Ю. Сказ о живой воде. № 12.
Мальшев И. В тайге и пустыне. № 3.
Медведев Ю. Судеб посланник. № 10.
Перцева Л. Думы о Светлом. № 4.
Семченко Н. Сны о Пенжине. № 10.
Фролов Ю. Стригуны. Звезды в траве. Осколок радуги. Козодой. Аленка. № 7.
Чумичев Л. Таватуйские былицы. № 3.
Шур В. Прощальные туманы бабьего лета. № 8.
Яценко Т. Ихтиозавры с озера Яррото. № 4.

Фотопоиск Сергея Васильева

Портреты фотографов принято публиковать лишь по особому случаю. И он представился. На международном конкурсе «Мировое пресс-фото» 1983 года в Амстердаме уралец Сергей Васильев завоевал приз «Золотой глаз» (в адрес оргкомитета этого престижного смотра произведений фотожурналистов поступило 5000 снимков от 750 авторов из 50 стран).

У Сергея это уже четвертый «Золотой глаз». Три первых ему были присуждены соответственно в 1978, 1980 и 1982 годах за сюжеты необычные: родильный дом, лечебное плавание, девичья баня. А на этот раз — за сюжет по теме «Природа».

С. Васильев родился в Чувашии, служил в армии, трудился на ударной стройке, работал в милиции, а с 1968 года, с момента основания газеты «Вечерний Челябинск», он — фотокорреспондент.

Каждый год он отдыхает в родной деревне. С фотоаппаратом и там не расстается. Серия из четырех снимков под названием «Деревенские драчуны» (бой домашних петухов) и принесла ему четвертый «Золотой глаз». Он награжден также Гран-дипломом «Пресс-фото-83».

На снимках: Сергей Васильев и одна из его призовых работ.

Е. БИРЮКОВ

Колесо, это факт, — изобретение не уральское. Однако старые уральские мастера нашли колесу такое применение, что оно словно заново родилось. Вспомните музыкальные дрожки с верстомером Егора Кузнецова, или Артамонов самолет, или паровоз Черепановых...

Уральским умельцам — конструкторам XX века тоже есть чем гордиться. И. Филимонов из Свердловска поставил на мини-колеса мини-двигатели и разъезжает по городу на такой технике, что ее под ним почти не видно. Мощность у его «Петушков», правда, невелика, — на одного хозяина. Но если нужна вам какая-то особая сила, возьмите ирбитские мотоциклы «Урал», что легко покорили даже пустыню Сахару, или миасские грузовые автомобили «Урал», — на военных парадах они тянут пушки, везут ракеты, на «гражданке» же — многотонные пакеты труб, древесины... А челябинские многоосные платформы? Они вообще способны принимать на себя грузы в сотни тонн! Хотите еще более могучие колеса? Пожалуйста. Вот уралмашевские, зубчатые. Они «крутят» шагающие экскаваторы в тысячи тонн весом.

Ах, вам чего-нибудь попроще бы? Ну, садитесь в легковушки Ижмаша — уральские «Москвичи». Прав автолюбителя нет? Тогда — на складывающийся пополам пермский велосипед «Кама». Счастливого пути!

(Между прочим, один юный свердловский велосипедист — я это сам видел — приспособил на свою машину третье колесо — не внизу, а вместо обычного руля. Каково?!)

В. ДАН

Художник С. Ашмарин

Уральское

Комсомо

